ОТДАТЬ ВСЕГО СЕБЯ

ДИДЬЕ

ДРОГБА

МОЯ АВТОБИОГРАФИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жизнь Дидье Дрогба – путь из бедных кварталов Абиджана в Кот-д'Ивуаре к блестящим победам, громкой славе и всемирному признанию. Первый африканец, забивший 100 голов в английской Премьер-лиге. Обладатель почти двух десятков престижных трофеев. Лидер в игре и в раздевалке, в клубе и в сборной.

На поле он не убирал ног, не избегал борьбы, не симулировал травм – и в книге он предельно честен и открыт. Как едва не сорвался его переход из «Марселя» в «Челси»? Из-за чего «Челси» проиграл «МЮ» финал Лиги чемпионов в Москве? Почему Жозе Моуринью – Особенный и как себя ведет в раздевалке «Челси» Роман Абрамович?

Лучший футболист Африки (2006 г.) остался тем же простым, искренним, немного застенчивым парнем, который в пятилетнем возрасте переехал во Францию, чтобы играть в футбол. В его автобиографии эта искренность соединилась с мудростью, нажитой годами болезненных травм – физических и душевных, – чтобы в итоге получилась одна из лучших футбольных биографий десятилетия.

- Дидье Дрогба
  - ○
  - ○
  - ○ Слова благодарности
  - ○ Пролог
  - ○ Глава 1
  - ○ Глава 2
  - ○ Глава 3
  - ○ Глава 4
  - ○ Глава 5
  - ○ Глава 6
  - ○ Глава 7
  - ○ Глава 8
  - ○ Глава 9
  - ○ Глава 10
  - ○ Глава 11
  - ○ Глава 12
  - ○ Глава 13
  - ○ Глава 14
  - ○ Глава 15
  - ○ Глава 16
  - ○ Глава 17

- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Приложение 1
- Приложение 2
- Слова признательности за предоставленные фотографии
- Клубная статистика
- Фотографии

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

Дидье Дрогба
Отдать всего себя
Моя автобиография

Didier Drogba
with
Debbie Beckerman
COMMITMENT. MY AUTOBIOGRAPHY
Copyright © Didier Drogba

Серия «Автобиография великого человека»

© Didier Drogba, 2015
© Мовчан А., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Эта книга посвящается всем болельщикам различных команд, за которые я играл, а также моим родителям, жене и детям. Без вас меня бы не было.

Средства от реализации этой книги направляются в фонд Дидье Дрогба

Слова благодарности

Хочу сказать отдельное спасибо всем тренерам, с которыми я работал и кто добился того, что я стал таким игроком, которым сейчас являюсь. Но прежде всего я хотел бы поблагодарить тех, кто оказал на меня влияние, тех, кто вдохновил меня стать тем, кем я стал. У меня нет возможности перечислить их всех, иначе придется написать еще одну книгу! Спасибо всем моим товарищам по команде: я работал с огромным количеством талантливых людей, и, на мое счастье, многие из них стали моими друзьями. Спасибо моим родителям за то воспитание, которое они мне дали. Спасибо также моему дяде Мишелю Гоба: благодаря тебе у меня появилась мечта, и я превратил ее в реальность. Спасибо всем моим тренерам, занимавшимся со мной в Левалуа-Перре. Спасибо Марку Вестерлоппу и Алену Паскалу, которые тренировали меня первые четыре года после того, как я стал профессионалом. Я благодарен Ги Лякомбу, который твердо верил в меня. Я также особо признателен Жозе и Роману: я уже признавался в том, что вы изменили мою жизнь и жизнь моей семьи, и я всегда буду благодарен вам за это. Спасибо Стефану Рено, человеку удивительного таланта. Кэролайн МакАтир и вся команда компании Sports PR – спасибо вам всем. Спасибо также Тьерно, Пьеру и Матиасу в агентстве XL Sport, а также Папу (Пэйпу) Диуфу за все эти успешные для меня годы.

Я благодарен также Дэвиду Лакстону и Дебби Бекерману, а также Родди Блумфилду и всем членам его команды из издательства «Ходдер и Стоутон».

Пролог
«До скорой встречи!»

Я хотел сыграть свою последнюю игру за «Челси» на стадионе «Стэмфорд Бридж». Я также хотел, чтобы об этом узнали заранее, поэтому объявил об этом за несколько часов до нашего последнего матча в сезоне. Нам должны были вручить Кубок Премьер-лиги, и я смог бы проститься со всеми именно так, как хотел. Это значило для меня больше, чем кто-либо мог себе представить. Хотя те, кто меня хорошо знал, понимали, насколько важной для меня была эта возможность попрощаться.

Всю жизнь я был вынужден прощаться с теми местами и теми людьми, которых я любил. Иногда такие расставания происходили неожиданно для самого себя, зачастую случались против моего собственного желания. Но в этот раз наконец-то все должно было быть иначе, поскольку именно я решил уйти. Именно я на сей раз решил сказать: «Оревуар!» – что в переводе с французского означает: «До скорой встречи!» – поэтому прощание ощущалось совершенно иначе.

Перед началом матча втайне от меня были проведены кое-какие приготовления. К моменту моего выхода на поле в то воскресенье тренер переговорил с Джоном Терри, и они решили отдать мне капитанскую повязку, что меня весьма тронуло, поскольку это была их собственная инициатива, и они могли бы и не делать этого. Кроме того, несмотря на обычную практику, меня назначили кандидатом для исполнения пенальти на тот случай, если бы он был назначен. Последний штрих принадлежал Жозе Моуринью и Дику Адвокату, причем в эту идею были посвящены все, кроме меня, и когда я узнал о ней, я уже ничего не мог поделать.

Игра получилась весьма серьезной, отнюдь не прощальным парадом или какой-то показухой. Через полчаса из-за постоянно беспокоившей меня боли в колене мне пришлось замениться. Я уже готовился покинуть поле, как вдруг меня окружила вся команда. В следующий миг я понял, что Джон Оби Микел и Бранислав Иванович пытаются поднять меня и на руках вынести с поля. Застигнутый врасплох, я рассмеялся, но, на самом деле, мне было неловко. Пусть я и пытаюсь развлекать людей, но, по существу, я весьма застенчив, и если оказываюсь в центре событий не по своей воле, то мне не по душе повышенное внимание ко мне. Разумеется, мои партнеры по команде знали это. Поначалу я протестовал, потом понял, что это бессмысленно.

Думаю даже, что они, зная мою эмоциональную натуру, хотели вынудить меня заплакать от избытка чувств. Однако им это не удалось! Весь стадион аплодировал мне, когда я покидал поле и махал всем на прощание. Это был весьма счастливый момент для меня, вовсе не грустный.

Мы уверенно выиграли матч, и после этого началось настоящее веселье. Сначала было вручение кубка. Я никогда не относился к титулам как к само собой разумеющимся вещам, ведь мне никогда ничего не доставалось просто так. Моя жизнь всегда подтверждала это. Ты можешь выиграть что-либо сегодня и думать, что на следующий год победа вновь будет за тобой. А затем узнаешь, что переходишь в другой клуб, или же в команде происходят какие-либо изменения, – и нужно ждать еще пять лет до следующей победы, как это и было в «Челси». Поэтому я всегда считал, что нужно наслаждаться каждым своим триумфом, как последним, поскольку он и вправду может стать именно таким.

Я захватил с собой маленькую видеокамеру, чтобы запечатлеть как можно больше из событий того дня. Воспоминания всегда останутся в моем сердце и в моих мыслях, но мне хотелось сделать это для других: для семьи, для своих детей, – чтобы они также смогли сберечь эту память. Кроме того, мне будет приятно увидеть множество счастливых лиц, просматривая такую видеозапись.

Во время празднования было немало радостных эпизодов. Это и момент, когда тренер снял корону с кубка и надел ее мне на голову, словно провозглашая меня королем «Стэмфорд Бриджа»; и момент, когда я делал круг по стадиону с кубком, чтобы разделить радость от его завоевания со всеми болельщиками, без которых усилия клуба и игроков не имели смысла; и момент, когда я произносил прощальную речь перед заполненным до отказа стадионом.

Все это было просто потрясающе, хоть и нелегко в эмоциональном плане, так как я, наконец, мог во всеуслышание поблагодарить близких для меня людей, так много помогавших мне в течение многих лет. Вначале я поблагодарил мистера Абрамовича за все, что он сделал для клуба. Его усилия были вознаграждены, поскольку мы выиграли все турниры, какие только было возможно. Затем я высказал слова благодарности Особенному – Жозе Моуринью, которому я был особенно признателен, так как он дал мне шанс оказаться в этом клубе, а потом вернуться в него. Среди одноклубников я отдал должное Фрэнку Лэмпарду, который для меня тоже стал Особенным: без всех его голевых передач у нас не было бы такого количества голов и кубков. Для самого Фрэнка тот день был последним в

Англии в качестве футболиста, но в типичной для него альтруистичной манере он позаботился о том, чтобы еще с утра отправить мне и всем нам сообщения, поздравив «своих братьев» с победой в чемпионате.

В раздевалке было еще больше веселья, песен, танцев и очень много шампанского. Думаю, я облил всех – вряд ли пропустил хоть кого-то. Ну, почти – я воздержался от того, чтобы облить господина Абрамовича. В какой-то момент он понял, что я остался единственным сухим человеком в раздевалке, распорядился, чтобы принесли еще одну бутылку, и окатил меня. Я покидал раздевалку последним, стремясь насладиться каждой секундной, смакуя все сцены, запоминая каждую деталь, чтобы никогда не забыть этого, чтобы никогда не забыть, какая это честь – быть частью истории.

Может, это покажется странным, но у меня совсем не было слез. В 2012 году, уходя первый раз, я был переполнен эмоциями. Мы только что выиграли Лигу чемпионов. У меня был трудный сезон, но как команда мы представляли собой единый сильный организм, что и позволило нам завоевать этот долгожданный трофей. Тогда я не хотел уходить, поэтому очень переживал. Кроме того, мне казалось, что я никогда больше не вернусь в «Челси». Тот уход был для меня завершением какого-то этапа.

Теперь же расставание сопровождалось совсем иными чувствами. Я знал, что вернусь. Это не было завершением пути ни для меня, ни для клуба. За несколько дней до этого клуб дал слово, что я смогу вернуться после завершения своей игровой карьеры. Этого хотели и клуб, и я. Я знал, что меня ожидало впереди, и это было моей привилегией.

В раздевалке ко мне подошел Жозе. Почти все уже ушли. Мы прекрасно понимали друг друга, между нами были замечательные отношения. Поскольку мы оба – эмоциональные натуры, нам не требовалось много слов. Он просто крепко меня обнял, широко улыбнулся и оставил меня со словами: «Ступай. И возвращайся». Вот так, предельно просто.

Глава 1
Где мой дом?

До пяти лет я вел беззаботную жизнь. Наш дом всегда был полон смеха, людей, радостной суеты. Мы жили в Абиджане, самом большом городе Кот-д'Ивуара, расположенном на южном побережье страны. Наша семья не относилась к числу зажиточных, но никто из нас, детей, не испытывал в чем-либо острой нужды. Отец же наш, Альберт, вырос в нищете, и детство у него было тяжелым: он потерял своего отца, кормильца семьи, когда был еще совсем маленьким мальчиком. Стремясь всему научиться самостоятельно и преуспеть в жизни, мой отец сделал хорошую карьеру банковского служащего. Он работал в крупном местном банке, BICICI, в деловом центре Абиджана. Это позволяло ему вполне обеспечивать собственную мать. К моменту моего рождения, 11 марта 1978 года, отец благодаря усердному труду и настойчивости смог даже построить дом для своей семьи.

Сразу же после смерти своего отца мой папа стал главой семьи. В его помощи нуждались не только его собственная мать, жена и дети (я среди них был самым старшим), но и две его младшие сестры и их семьи. Ситуация, когда глава семьи отвечает за всех ее членов, типична для африканской страны, поэтому мои две тети жили в нашем доме вместе со своими мужьями и детьми. В результате я вырос в окружении кузенов и кузин, тетушек и дядюшек, и это было замечательно, поскольку в такой обстановке никто не мог быть эгоистом. Это присуще нашей культуре: мы делимся всем, что у нас есть, будь это еда, какие-либо вещи или же дом. Мы, например, никогда не садились за стол, не подумав прежде: «Кого еще нет? Кто еще не ел?» – и мы звали отсутствовавших, чтобы они смогли разделить с нами трапезу. Заботиться о других, особенно тех, кому повезло меньше, чем нам, было нормально и естественно. Такое отношение отец прививал мне с ранних лет, и это существенно повлияло на мою жизнь.

Возле дома был просторный двор, где мы ели, а дети играли. Другие дома тоже имели выход к этому двору, поэтому у нас было чувство причастности к жизни окружающих. Каждый знал своих соседей и уважал их. Жизнь в огромной семье, в общине – вот то, что наиболее ярко отложилось в моей памяти в первые пять лет. Кроме того, мне запомнились ежегодные приезды моего дяди, Мишеля Гоба, младшего брата отца. Мишель жил во Франции, был профессиональным футболистом. То, что он

проживал во Франции, делало его в моих глазах и в глазах всей семьи кем-то сродни божеству. Он приезжал из далекой страны, о которой я мечтал, с кучей подарков, и я больше всех радовался футболкам известных команд. Я, например, был необычайно счастлив, когда из его багажа появилась небольшая сувенирная футболка сборной Аргентины. Дяде удалось получить ее после Чемпионата мира 1982 года в Испании, и она мне так понравилась, что я по сей день храню ее.

Мишель рассказывал нам о жизни во Франции, делился историями из своей футбольной карьеры. Я слушал его, затаив дыхание. Хотя я не все мог уяснить из его рассказов о жизни, зато вполне определенно понимал, что он имел в виду, когда разговор заходил о футболе. Даже когда я был совсем маленьким, я практически постоянно играл в футбол. В доме хватало игрушек, но, по правде говоря, мне хотелось только гонять мяч. Дядя приезжал вместе с женой, Фредерикой. Она была из Бретани, и я получал удовольствие от ее приездов. У них еще не было собственных детей, поэтому она готова была играть со мной часами. Думаю, я ей нравился, и это было взаимно. Во время одного из их приездов, когда я понял, что они уже собираются в обратную дорогу, я начал умолять поехать вместе с ними. В конце концов дядя предложил родителям взять меня с собой во Францию. «Я буду относиться к нему, как к сыну», – заверил он их.

На тот момент у моих родителей было два ребенка: я и моя сестра, Даниэль, совсем еще младенец. Моя мама, Клотильда, заканчивала обучение и намеревалась, как и отец, устроиться в банк. Родители понимали, что отправить меня во Францию с Мишелем и Фредерикой – означало дать мне шанс жить лучшей жизнью. Они осознавали, насколько тяжело было жить в Кот-д'Ивуаре даже тем, кто, как они, получил образование. Поэтому, как и многие африканские родители, они с радостью воспользовались возможностью отправить своего ребенка в Европу к родственникам, хотя мой отъезд причинил им боль. Они приняли ситуацию как должное (такая практика широко распространена в африканских странах), поскольку понимали, как много я смогу извлечь из этого переезда: получить образование и расти в заботливом окружении любящих меня дяди и тети.

Мысли об отъезде приятно волновали меня до того момента, пока не настало его время. Спустя несколько недель меня провожали в аэропорт, и я вдруг понял, что на самом деле расстаюсь с мамой. Я не имел ни малейшего понятия, куда в действительности еду и когда вновь увижу ее и свою семью.

Реальность неожиданно обрушилась на меня, и я сел в машину крайне расстроенный, всей душой желая, чтобы момент прощания с мамой никогда не настал. Эта поездка была очень тяжелой.

Будучи первым ребенком и сыном, я был очень близок с матерью, весьма мягким и необычайно приятным человеком. В раннем детстве она называла меня «Тито» – в честь югославского лидера, которым восхищалась. Порой она вела себя со мной, как со своим младшим товарищем. Для нее помахать мне рукой на прощание перед моим отъездом в неизвестность было крайне трудно. Что же касается меня, то я запомнил только собственные всхлипывания, когда папа, мама и сидевшая у нее на руках Даниэль остались позади. Я летел во Францию один, сжимая для успокоения свое любимое шерстяное кашне. Полет занял около шести часов, и почти все это время я без остановки плакал. Стюардесса, которой поручили присматривать за мной, время от времени интересовалась, как я себя чувствую, хотя ответ был очевиден. Путешествие казалось изнурительным и бесконечным, и, хотя мне удалось немного подремать, я вздохнул с облегчением, когда самолет сел в Бордо и меня наконец-то встретили дядя и тетя.

Когда я теперь оглядываюсь назад, то понимаю, что этот опыт, несомненно, серьезно повлиял на меня, пусть все в конечном итоге и закончилось благополучно. Переезд из родных мест, пусть и с твоего согласия, всегда оставляет след на твоем характере. Когда пятилетний мальчик покидает тех, кого он знает: маму, папу, семью, дом, – такое не может пройти для него бесследно.

Я был выкорчеван с родных мест, но никогда не забывал о своих корнях и долгое время ощущал в них острую необходимость. Как бы ни был я любим дядей и тетей во Франции, меня, как и многих людей, вынужденных начинать жизнь заново на новом месте, несомненно, поглощало чувство утраты постоянства и стабильности. Учитывая развитие событий в моей жизни в последующие десять лет, этот опыт пошел мне на пользу, помог стать тем, кто я есть сегодня: человеком, всегда желающим быть любимым, принадлежать людям и создавать вокруг себя семейную обстановку.

Первый дом моих новых «родителей» находился в Бресте. Тетя и дядя проживали в хорошей части города, но сказать, что после Абиджана я ощутил культурный шок, – значит не сказать ничего. Все вокруг было намного более серым – и при этом более спокойным! Кроме того, я оказался единственным чернокожим ребенком в классе, поэтому выделялся уже с первого дня. Но, по крайней мере, я говорил по-французски, поскольку это был мой

родной язык, и мне не нужно было учить его. Тем не менее все остальное было для меня в новинку. Мне нужно было заводить новых друзей, есть непривычную еду и в целом в сжатые сроки адаптироваться к новому окружению.

В течение года дядя, игравший за «Брест», перешел в другую команду, и мы переехали в Ангулем, прекрасный провинциальный городок в 120 километрах к юго-востоку от Бордо, славящийся ежегодным фестивалем книжек-комиксов, которые весьма популярны во Франции. Переезд из уже насиженного места, необходимость устройства новой жизни, заведение новых друзей, адаптация к незнакомым условиям – все это пришлось проходить в очередной раз.

В те ранние годы я регулярно проводил игровое время вместе с учителями, потому что никто из ребят не хотел со мной играть. Я был аутсайдером и сильно отличался от остальных детей, они чувствовали это на уровне подсознания, но это был, скорее, не осознанный расизм, а отчуждение, возникавшее из-за невежества. Цвет кожи словно бы противопоставил меня им, поэтому никто не был заинтересован в том, чтобы подружиться со мной. Некоторые даже прикасались к моей коже, чтобы убедиться, что она действительно такого цвета! Они еще многого не знали о жизни, поэтому я их не виню, хотя эта ситуация повторялась всякий раз, когда приходилось менять школу. Постепенно, спустя несколько недель, жизнь налаживалась, и у меня даже появлялись друзья, но начала каждого учебного года я ожидал со страхом, потому что постоянно оказывался в статусе новенького. Каждый раз мне нужно было вставать и рассказывать о себе, и для меня это было сплошным мучением. Как и все дети, я всего лишь хотел подружиться с остальными, но требовалось время для того, чтобы барьеры между нами исчезли. А затем, стоило мне обвыкнуться и почувствовать себя уверенно, мы опять переезжали.

Моей самой большой проблемой было не завести друзей (поскольку в конце концов мне все равно удавалось добиться этого), а сохранить их. Всякий раз я сталкивался с угнетающей предсказуемостью, так как заранее знал: стоит мне только обзавестись приятелями, как скоро придется уезжать. Осознавать, что почти каждый год мне предстояло все начинать заново, было для меня достаточно тяжело.

Кроме того, вскоре я понял, что в большинстве мест, где нам доводилось жить, нас воспринимали с любопытством. Я замечал, как во время наших с дядей прогулок занавески в домах постоянно подергивались из стороны в сторону: соседи наблюдали, как мы проходили мимо. Иногда люди вообще без всякого стеснения глазели на нас и отводили взгляд лишь тогда,

когда понимали, что мы смотрим на них в ответ. Пожалуй, мы были главной темой для пересудов соседей. Сейчас я отношусь к этому с усмешкой, но в то время мне было нелегко.

Вскоре после моего приезда Мишель и Фредерика подали заявление, чтобы официально стать моими опекунами во Франции. Бумажная работа по этому вопросу была чрезвычайно сложной, сама процедура – весьма длительной. Когда положенное для оформления время истекло, мне уже нельзя было больше оставаться в стране, и после двух лет пребывания во Франции я вернулся к родителям в Кот-д'Ивуар. Я приехал во время каникул летом 1985 года, мне было семь лет. У меня было чувство, что теперь я здесь уже навсегда – по крайней мере, на какое-то время. Было замечательно вернуться к своим родителям и к своей семье, я был безумно счастлив!

Дело в том, что во Франции случались моменты, когда я чувствовал тоску и одиночество. Я выживал благодаря редким (и очень дорогим) телефонным звонкам от родителей, но было настоящей мукой вешать трубку после разговора с мамой, которую я так хотел видеть. После этих телефонных разговоров я медленно добирался до своей комнаты, бросался на кровать и просто рыдал, потому что я по ней сильно скучал.

К тому времени, как я вернулся на родину, отец получил на работе назначение в столицу, город Ямусукро, находящийся в 100 километрах к северу от Абиджана. Забавно, что в Абиджане проживает 4,5 миллиона человек, а в столице население всего лишь 200 тысяч. Впрочем, меня это мало интересовало. Я просто был счастлив, что вернулся домой, играл с братом и сестрами, кузенами и кузинами и старыми друзьями. По существу, я считаю этот год, прожитый дома, самым счастливым периодом своего детства. Главное воспоминание о нем – это то, что я очень много играл: просто на улицах с ребятами, играл в футбол босиком, вновь наслаждаясь беззаботным существованием. Иногда я участвовал в футбольных турнирах вместе со своими кузенами и получал травмы (не особо серьезные, но всегда одни и те же), и папа очень сердился на меня за то, что я играю без обуви. Но то, что я не нуждался в ней, говорит о том, насколько непринужденно протекала дома моя жизнь. Мы играли часами, сражаясь за самодельные кубки, сделанные из обрезанных пластиковых бутылок, которые наполнялись сладостями. Каждый из нас старался изображать своего любимого игрока. Моим кумиром был Марадона.

Как это ни странно, но (очевидно, из-за прошлого опыта, когда я научился быстро адаптироваться в новых условиях) у меня в памяти не осталось воспоминаний о каких-либо

трудностях по налаживанию отношений с братьями и сестрами, которых я практически не знал. Все шло естественным путем. Теперь наряду с Даниэль у меня была сестра Надя, которая была двумя годами младше ее, а затем, вскоре после моего приезда, в октябре 1985 года, появился и Жоэль.

Единственное, что меня не особенно радовало в тот период, так это пристальное внимание отца к моим школьным успехам и его возросшая требовательность. Он был по натуре достаточно строг и питал определенные надежды на мой счет, в том числе и в отношении учебы. Следовательно, отец не терпел пустых оправданий, когда я получал оценки ниже тех, которые считались им приемлемыми. Если я не попадал в пятерку лучших в классе по какому-либо предмету, то подвергался наказанию. У мамы был иной склад характера: она старалась в любой ситуации нас защищать. Оглядываясь назад, я понимаю, что получил от родителей просто прекрасное воспитание: смесь безоговорочной любви и строгой дисциплины. И пусть я не жил с ними под одной крышей долго, этого времени вполне хватило, чтобы их влияние сказалось на мне. В дальнейшем я опирался на два значимых ценностных ориентира: уважение к окружающим и трудолюбие.

Спустя год после моего пребывания в Кот-д'Ивуаре мне сообщили, что дядя с тетей оформили нужные документы, позволяющие им стать моими попечителями, так что я мог вернуться во Францию, чтобы снова жить с ними. Неудивительно, что мне не хотелось уезжать из дома. Когда я сделал это впервые, мне было тяжело, однако тогда я еще не осознавал до конца, что именно оставляю. Теперь же мне было хорошо известно, чем должен обернуться новый отъезд, и я не знал, когда вновь смогу увидеть своих родных. Помню, тогда я думал, что больше не увижу их никогда. Как бы сильно мы с тетей и дядей ни любили друг друга, это не могло сравниться с моей привязанностью к семье и родителям. Я мог ощущать эту разницу, пусть даже чисто умозрительно, даже осознавая, что дядя с тетей приняли меня как родного. То время было тяжелым для меня. Если же вспоминать что-либо хорошее, то необходимо отметить, что их дети, Марлен и Кевин, были мне как родные брат и сестра, я помогал присматривать за ними и помногу играл с ними.

Вернувшись во Францию, я оказался в Дюнкерке, на севере страны. Именно там в 1987 году, когда мне было девять лет, у меня, наконец, появилась возможность на вполне законных основаниях начать играть за полноценную футбольную команду. Я чувствовал себя настоящим профессионалом и гордился тем, что мы играли в той же форме, что и взрослая команда, за которую выступал дядя.

Он играл на месте центрального нападающего и научил меня многому, пока я рос. Когда я оглядываюсь назад на свою жизнь вместе с ним, то сразу представляю нас в Дюнкерке, как мы по воскресеньям ходили на пляж. Дядя показывал мне всевозможные трюки: как использовать корпус в борьбе с защитником, как выбрать время для успешного прыжка. Наблюдая за тем, как он выпрыгивал за мячом, я ловил себя на ощущении, что он висит в воздухе целую вечность, словно летит. И мне хотелось подражать ему абсолютно во всем. Именно поэтому, как я полагаю, это не просто совпадение, что в результате я стал играть на той же позиции и стал известен, среди прочего, умением переигрывать защитников в воздухе. Я ходил на матчи с его участием, смотрел, как он мощно играл перед трибунами, заполненными восторженными болельщиками, и увиденное всякий раз укрепляло мою любовь к футболу и желание пойти по стопам дяди. Короче говоря, дядя был моим кумиром, и без него я бы не смог достичь всего того, что мне удалось.

Нашей следующей остановкой в 1989 году стал Абвиль, маленький северный город. Я сразу пошел в первый класс средней школы, что само по себе было непросто. Переход на новый уровень школы – это всегда значимая перемена в жизни подростка, даже если не учитывать, что ты приехал, никого не зная, из другого города, и у тебя отличный от всех одноклассников цвет кожи. Тем не менее я смог освоиться вполне неплохо.

К сожалению, не прошло и года, как нам пришлось переезжать вновь – теперь в Туркуэн, по моим воспоминаниям, самое тяжелое место из всех, где я побывал. Туркуэн – тоже маленький городок, часть Лилля. Дружба там давалась с трудом, кроме того, у меня начался переходный период, который всегда проходит нелегко. Играя в футбол, даже в клубе, где я тренировался, я регулярно слышал комментарии насчет цвета моей кожи, и воспринимал это крайне болезненно. Поскольку я чувствовал себя аутсайдером, то легко мог оказаться в положении ведомого: ведь мне казалось счастьем затесаться в чью-то компанию, принадлежать к какой-то группе, и отнюдь не потому, что мне хотелось творить глупости. У меня было несколько приятелей, но ни одного такого, с кем я бы общался после школы. Они постоянно собирались где-то вместе, занимались разной ерундой: уводили мопеды, подворовывали, курили – делали все, чем грешат растущие в таких районах дети.

Теперь я с радостью понимаю, что смог избежать подобных занятий – не столько осознанно, сколько благодаря своему насыщенному расписанию: школа, дом, тренировка, дом, сон. У

меня просто не оставалось времени на все эти пустые и опасные вещи, и это было хорошо, так как я вполне мог сбиться с правильного пути, как и многие мои сверстники. Думаю, мои родители и дядя с тетей прекрасно знали об этих подстерегавших меня опасностях. Последние делали все возможное, чтобы уберечь меня от них, поскольку Туркуэн – жестокий город, большинство населения которого составляют простые рабочие, не видящие в жизни каких-либо перспектив.

В то время я чувствовал себя достаточно одиноким, словно жил в каком-то пузыре, отделенный от всего, что наполняло жизнь моих ровесников. Впоследствии такой образ жизни сказался на моей судьбе положительно. Теперь я понимаю, что мое детство, несмотря на множество трудностей, стало для меня отличной школой жизни, научило быстро адаптироваться в любом окружении, где бы я потом ни оказывался. Новая команда, новая страна? Нет никаких проблем. Я всегда справлялся с этим. Не могу сказать, что это всегда было забавно и легко, но с ранних лет я научился извлекать пользу из всего, что преподносила мне жизнь. Другое дело, что за годы регулярных переездов вокруг меня словно выросла скорлупа, я стал интровертом, замкнутым в себе и необычайно застенчивым. Все свои чувства я спрятал в себе, а если кто-то интересовался у меня о них, то я односложно мямлил что-то в ответ. Даже сейчас я временами проявляю свою стеснительность, и некоторые могут интерпретировать ее неправильно. Честно говоря, я до сих пор не могу достойно показать или выразить то, что я думаю. Над этим мне приходится работать.

В Туркуэне мы провели один год, однако следующий период моей жизни, в Ване, сложился не лучше. Пубертатный период вступил в свои права, что ощутимо сказалось на результатах учебы в школе. Порой я бунтовал против дяди и тети, выражал несогласие с некоторыми правилами и ограничениями, которые они установили для меня. В этом не было ни капли их вины, но мне было больно слышать, как Марлен и Кевин обращались к родителям «мама» и «папа», тогда как я был лишен возможности поступать так же. У меня не получалось толком сконцентрироваться на учебе и, хотя я никогда не начинал в школе разборок и не выказывал неуважения к учителям, было заметно мое превращение из прилежного ученика в парня, у которого многое не задавалось и который мало об этом переживал.

Короче говоря, у меня было не все в порядке с головой. Это было неудивительно, так как к этому моменту мои родители, братья и сестры уехали из Кот-д’Ивуара и поселились в пригороде

Парижа – они были уже здесь, во Франции, а не в какой-то другой далекой стране! Я сильно скучал по маме и по всей своей семье, и какая-то часть моего существа всеми силами стремилась поскорей с ними воссоединиться.

Из-за экономических проблем в Кот-д'Ивуаре папа лишился работы, поэтому у него не оставалось другого выбора, кроме как в поисках заработка поехать во Францию. Вначале он поехал без семьи – должно быть, им всем было тяжело расставаться. Отец неделями, если не месяцами, спал на диванах у друзей, искал какие-то подработки и, испытав серьезные лишения – моральные, финансовые, физические (как многие иммигранты до и после него), – начал новую полноценную жизнь для себя и всей своей семьи. В течение того периода его переполняли кураж и чувство собственного достоинства, и для меня это служило отличным примером того, как вести себя, сталкиваясь с тяготами в жизни. В конце концов семья смогла воссоединиться с ним, пока отец, сделавший у себя на родине отличную карьеру в качестве менеджера, перебирал самые разные места работы, чтобы обеспечить своих родных: он был сторожем, уборщиком, охранником, кем угодно. Семья въехала в небольшое помещение, взятое в аренду, совсем крохотное (по существу, это представляло собой койко-место); в северо-западном предместье Парижа под названием Левалуа-Перре.

Учитывая то, что за восемь лет жизни во Франции я переезжал уже шесть раз, было решено, что для меня будет лучше остаться в Ване с Мишелем и Фредерикой – по крайней мере, на то время, пока родители будут обустраиваться на новом месте. В своей учебе я скатился так низко, что в школе мне сообщили, что я остаюсь на второй год. Во Франции существует такая система для тех, чей средний балл ниже установленного уровня, и для ребенка это достаточно тяжело. Ты попадаешь в обстановку, где все дети младше тебя на целый год. Твои друзья переходят в следующий класс, а ты опять вынужден с нуля продираться через тернии новых знакомств. Это действительно депрессивный опыт, подрывающий твою мотивацию.

Приняв во внимание, что мое отношение к учебе постоянно ухудшалось, дядя и тетя посовещались с родителями и решили, что смена обстановки должна пойти мне на пользу. И мы снова снялись с насиженного места, теперь уже ради переезда в Пуатье на западе Франции. Я жил с кузеном, который изучал право в местном университете. Он снимал комнату в отличном районе, вблизи красивого исторического центра города. Очевидно, предполагалось, что под его влиянием я переосмыслю свои взгляды на учебу.

Мне было 14 лет. Хотя мне нужно было заново привыкать к окружающей обстановке и повторно пройти учебный год, каким-то образом жизнь потекла уже в ином ключе. Мы хорошо поладили с кузеном, но он нередко подолгу отсутствовал (то ходил на лекции, то работал, то тусовался с друзьями), поэтому у меня оставалось достаточно много свободного времени. Я сосредоточился на учебе, результаты улучшились, и жизнь как-то сразу наладилась. Те отрицательные характеристики, которые мне давали в Ване, теперь сменились на положительные, где меня называли «мотивированным учеником» и даже «отличным учеником с сильными аналитическими способностями»!

Плохо было то, что, пообещав родителям уладить проблемы с учебой, я также поклялся отцу, что не буду целый год тратить время на футбол. Он не одобрял моего желания стать футболистом и считал, что игра отвлекает меня от учебы. Из чувства уважения к нему я действительно не играл в футбол целый год, лишь изредка пиная мяч в одиночестве. Понимаю, что это звучит невероятно, но таковы были условия нашей договоренности, и я их ни разу не нарушил.

В конце того года мой кузен закончил учебу и отправился в Кот-д'Ивуар, и только тогда я наконец-то вернулся к родителям в их дом в Левалуа – спустя почти десять лет после отъезда с родины. Когда я упоминал, что мы жили в маленькой каморке, очевидно, представляется узкая квартирка с одной комнатой в грязном доме и не самом благополучном районе. И это было именно так. Наше жилье располагалось на третьем этаже. Квартира действительно была очень маленькой – примерно десять квадратных метров. Сразу слева от входной двери у стены находился маленький чуланчик. Напротив двери стояла кровать родителей. Их немногочисленные пожитки лежали рядышком на дне различных сумок. В нескольких шагах справа от двери было некое подобие кухни. Напротив – небольшой туалет и душевая кабинка, едва отгороженная от жилого помещения. Маленький столик, служивший нам для того, чтобы перекусить и выполнить домашние задания, на ночь складывался, чтобы высвободить немного места. Единственное окно находилось рядом с кроватью. Мама только что родила младшего брата, Фредди, и он спал вместе с родителями, как и еще один из моих младших братьев, Янник (все звали его «Жуниором», или «Младшеньким»), которому было пять лет. Где спали все остальные? Даниэль, Надя, Жоэль и я расстилали мат (не матрас, чтоб было ясно) на том месте, где днем стоял стол, между дверью и кроватью родителей, и там, в тесноте, все вместе засыпали. Разумеется, временами доходило до драк за право занять побольше места. В любом

случае восемь человек как-то умудрялись спать в одной комнате, ночь за ночью.

С деньгами было крайне туго. Зимой в комнате царил холод. Хорошо помню, как в пять утра ходил по улицам с отцом, помогая ему раскладывать различные брошюры по почтовым ящикам. Или как в такую же рань помогал маме на одной из ее работ, убираясь в спортивном зале. Тем не менее, невзирая на тяготы (может, потому, что я опять был со своей семьей, и, может, потому, что уже обвыкся, успокоился и заглушил в себе бунтаря), я по-прежнему успешно справлялся со школьными делами. Однажды я решился подойти к отцу и спросить его, как бы мимоходом:

– Мне бы хотелось снова заниматься спортом. Как ты на это смотришь?

– Что ж, это вполне возможно. Каким именно?

– Ну, может, я не знаю, карате там или…

– Или футбол?

– Э-э, ну да, в самом деле, футбол – это было бы хорошо, – ответил я, пытаясь скрыть ликование от того, что он догадался.

– Что ж, хорошо.

Как же я был счастлив!

Мне разрешили купить пару хороших бутс, и, не теряя времени, я приступил к тренировкам в местном, весьма уважаемом любительском клубе «Левалуа». После первой тренировке мне сказали: «Отлично, хорошо играешь, приходи снова и тренируйся с нами на следующей неделе, если можешь». Я был на седьмом небе от счастья! Сначала меня отправили заниматься с командой третьего состава «Under-16»[1], что тоже было здорово, но вскоре меня перевели в первый состав. Таким образом «Левалуа» – это место и клуб, где я пробыл самый длительный период в своей жизни – целых четыре года.

Раньше, переезжая из города в город вместе с дядей, я либо присоединялся к юношеским командам тех клубов, за которые выступал он, либо к местным командам. Но я нигде не оставался так надолго, чтобы попасть в так называемую «академию футбола», или юношескую футбольную школу, в отличие от большинства современных игроков, в какой бы стране они ни росли. Раньше я считал, что это мой недостаток, что из-за этого у меня не было такой техники, как у Тьерри Анри. Он старше меня всего лишь на несколько месяцев, зато прошел традиционный путь в «академии футбола» и рос в профессиональном отношении гораздо быстрее, чем я. У меня же, пусть меня всегда охотно брали в различные команды, никогда не было такого тренера, с которым я бы работал длительное время. Бóльшую часть своих умений я приобрел сам, частично копируя то, что делал дядя, и

прислушиваясь к его советам, но преимущественно благодаря тому, что работал усердней, чем кто-либо.

Когда я только начинал играть, меня поставили в оборону (чаще всего я играл на месте правого защитника). Я не возражал, поскольку имел возможность исполнять штрафные и угловые и часто вступал в борьбу. Но в скором времени я уже играл в атаке, как и дядя, поскольку он считал, что я предназначен именно для этой позиции.

– Что ты делаешь в защите? – пытал он меня. – Иди вперед. В футболе обращают внимание только на форвардов.

Годы тренировок с ним и самообучения наконец-то начали приносить свои плоды.

Теперь я выступал за «Левалуа». Мне было 15 лет, и впереди у меня были три последних школьных года. Во Франции это называется лицеем, где нужно изрядно потрудиться, чтобы подготовиться к бакалавриату (аналог уровня «А»). В школе меня предупредили, что, если я буду так же сосредоточен на футболе, учиться мне будет тяжело.

На этом этапе дети во Франции заполняют специальные анкеты (за подписью родителей), где рассказывают, какую работу они хотели бы получить в дальнейшем, – это позволяет школам выработать им рекомендации по поводу предметов, на которых им стоит обратить особое внимание. Я вписал в анкету: «Футболист» – и отдал на подпись отцу. Он бегло взглянул на бумагу, разорвал ее и отбросил в сторону.

– Я это ни за что не подпишу! – заявил он в таком тоне, что стало понятно: спорить бессмысленно. – Когда определишься с настоящей работой, которой хочешь заниматься, дашь мне анкету, и я подпишу ее.

На следующий день я вернулся домой с другим бланком. Там на сей раз было написано: «Пекарь».

– Не смеши меня! – сердито ответил отец.

Наконец я нашел такую профессию, которую он бы не стал отвергать. Уже не помню, что именно там было написано, но он подписал анкету. В глубине души, впрочем, я знал, что буду только футболистом, независимо от сказанного отцом. У меня не было в этом никаких сомнений.

Чтобы отец был доволен, пришлось продолжать учиться. Я выбрал специальность бухгалтера, чтобы специализироваться на ней до тех пор, пока не окончу школу в 18 лет. Я проводил много времени, сравнивая расписания различных курсов и соотнося их с графиком тренировок в «Левалуа». Кроме того, я учел, что такой выбор должен вполне удовлетворить отца. Таким образом, все остались довольны, и я полагал, что все организовал верно. Я

никогда не признавался отцу, по какой причине я остановил свой выбор на этих курсах, но в конечном итоге был вынужден признать, что он тоже был прав: я получил там немало полезных знаний.

Почти каждый день я проводил в команде – на тренировках или на играх. Только на футбольном поле я ощущал себя по-настоящему счастливым, я мог проводить там целые дни. Проблема заключалась в том, что вскоре после того, как меня взяли в команду, вся моя семья переехала в другую часть Парижа – в южный пригород под названием Энтони. У нас появилась более просторная квартира, хотя пришлось многое в ней поменять, чтобы сделать ее пригодной для жилья. Необходимость переезда не оспаривалась, несмотря на неизбежную очередную смену школы. Главный недостаток заключался в том, что теперь дорога на тренировку отнимала у меня гораздо больше времени. Как результат, я ездил туда лишь раз в неделю, и то мне давалось это с большим трудом. Расписание автобусов и электричек я знал наизусть, и все равно мне неоднократно доводилось после тренировки бежать сломя голову, чтобы успеть – в противном случае домой я бы попадал только в два часа ночи, а в 6.30 надо было уже вставать в школу.

Порой, когда с учебой не все было гладко, у меня не было возможности ехать на тренировку. Иногда мне не разрешали ехать, пока я не заканчивал полагавшуюся мне работу по дому. Но в одном мне все же очень повезло. Тренер нашей юношеской команды, Кристиан Порнин, совершенно потрясающий человек, всегда был рядом со мной и старался делать все, что было в его силах, чтобы облегчить мне жизнь. Он мог простоять в пробках в час пик ради того, чтобы забрать меня со станции перед тренировкой. Затем, если была опасность, что я не успею на электричку пешком, он отвозил меня обратно. Он верил в меня, и я многим обязан ему за то, что он помогал мне.

Глава 2
Начало карьеры

Я довольно быстро добился возможности играть за первый состав команды «Under-17»[2] в «Левалуа». Нас тренировал Сребренко Репчич, бывший нападающий белградской команды «Црвена Звезда». Похоже, он явно что-то видел во мне, поэтому старался помогать с отработкой техники и перемещений, особенно перед воротами. Занятия с ним изрядно выматывали, но, как и в отношении Кристиана Порнина, я перед ним в большом долгу, поскольку он поощрял меня тренироваться еще усердней, чем когда-либо, заставлял учиться у великих футболистов (мы отсмотрели громадное количество видео с их участием) и ставить перед собой большие цели. Кроме того, он был добр ко мне и иногда после долгих тренировок, чтобы было легче, подбрасывал меня до станции. Благодаря ему ко мне пришло осознание, что в жизни дается только один шанс – и его нужно использовать по максимуму. Мне невероятно повезло встретить на том этапе таких тренеров, которые в меня поверили и всячески побуждали меня к высоким результатам. Естественно, я, как мог, отвечал им благодарностью и уважением, работая не покладая рук и часто оставаясь для самостоятельной работы над техникой после тренировок. Я твердо убежден, что если ты относишься к людям с уважением, это обязательно воздастся тебе в будущем. Если ты с кем-то приветлив, то и они в ответ будут приветливы к тебе. Я пытаюсь жить по этому принципу, даже если на поле все оборачивается совершенно иным образом.

Два этих тренера видели во мне нацеленность на результаты, мою решимость, которой порой недоставало некоторым парням, которые тренировались вместе со мной в «Левалуа». Несомненно, многие из них были более талантливы, чем я. Различие между нами заключалось в том, что я стремился достичь гораздо большего. Они приезжали, тренировались, а затем тусовались с друзьями или девушками в кинотеатрах или в клубах, иногда далеко за полночь. То же самое происходило и в выходные дни. Порой кто-то даже уезжал на каникулы в середине сезона. В результате когда они появлялись на тренировке, у них зачастую не было необходимой концентрации и энергии. Им хотелось играть в футбол, развлекаясь.

Что же касается меня, то я желал только одного – стать профессиональным футболистом. Хотя порой я тоже кое-куда наведывался, для меня футбол всегда оставался основным

приоритетом. Я ненавидел проигрывать, особенно в юном возрасте (нередко после поражений я мог просто рыдать). Игра была для меня всем, футбол был моей страстью, моей жизнью.

После уроков в Энтони я бежал на поезд, чтобы поспеть на игру или на тренировку. Порой я видел там своих одноклассников, которые тусовались, жевали свои бигмаки (не поймите меня превратно, я и сам порой был не прочь что-нибудь перехватить, особенно по пути домой после тренировок, спеша на электричку), и слышал, как они посмеиваются надо мной. Они говорили, что я веду себя чересчур серьезно. Неужели я действительно собираюсь стать профессионалом, играть за «ПСЖ» или какой-либо другой известный клуб? Но я был настроен на успех весьма решительно и верил в себя. Хорошо, пусть некоторые ребята, которые тренировались вместе со мной, были от природы наделены бóльшим, нежели я, талантом, зато, в отличие от них, я был готов пожертвовать чем угодно ради достижения поставленной цели. На самом деле, я не считал это жертвой – ведь я занимался тем, чем хотел.

Сейчас это легко забыть, учитывая те денежные суммы, которые крутятся в высших сферах футбольного мира, однако 20 лет назад никто, особенно во Франции, даже в Высшей лиге, такими богатствами не обладал. И я занимался футболом вовсе не ради денег. После выпускного (мне тогда было 18 лет), когда я окончательно сосредоточился на выступлениях за «Левалуа», мне платили за победу в первом составе около 175 фунтов[3] – и ничего не платили в случае поражения. Я занимался этим из искренней любви к игре, потому что только в ней я чувствовал, что живу. Я жил, я дышал футболом, только через него у меня была возможность выразить самого себя. Помню, как отец однажды пришел посмотреть на мою игру, после чего, уже дома, спросил у меня: «Кто же ты на самом деле, Дидье? Кто ты? Понимаешь, тот парень, которого я увидел, он выглядел счастливым, он постоянно разговаривал, направлял остальных, жестикулировал, наслаждался собой». И это было правдой. Я слыл замкнутым подростком, и футбольное поле было единственным местом, где я мог выразить себя, где чувствовал себя самим собой, ощущал настоящую свободу. И во многом все так и осталось до сего дня.

Некоторое время спустя я стал задумываться о том, чтобы поискать возможности для развития карьеры в другом месте. Мне было необходимо понять, по силам ли мне достичь более высокого уровня. В «Левалуа» все шло замечательно, но мы, по существу, играли в футбол «по совместительству», в свободное время, были любителями. Мы играли в низшей лиге, в

«Национальном чемпионате-2», на четвертом ярусе французского футбола. К тому времени я встретил свою будущую жену, Лаллу, и, хотя наши отношения стали серьезными, лишь когда мне исполнилось 19 лет (отчасти из-за того, что она жила в Бретани, и нам было просто физически весьма трудно видеться друг с другом), она поддерживала мое стремление к вершинам. Она навсегда стала важной частью моей жизни и карьеры, и я бы не достиг ничего без ее невероятной любви и поддержки. Именно поэтому я посвятил ей и всей моей семье целую главу этой книги. Я начал рассылать свои резюме во все клубы «Лиги 1»[4] во Франции, надеясь, что кто-нибудь обратит на меня внимание. Пожалуй, неудивительно, что большинство не сочли нужным ответить мне, а остальные отделались коротким «Нет». Может, кого-то такой поворот и обескуражил бы, но я не собирался сдаваться.

Однажды, когда мне уже исполнилось 18 лет, дядя сказал, что благодаря своим связям договорился о том, чтобы на меня посмотрели в клубе «Ренн». «Ренн» был и остается клубом довольно высокого уровня с совершенно фантастической подготовкой молодежи, благодаря которой получили путевку в жизнь несколько талантливых футболистов, поэтому я был весьма воодушевлен этим известием. Я ничего не стал говорить никому из команды, в том числе Жаку Лонкару, тренеру первого состава, а просто отправился попытать удачу. На второй день просмотра список из 23 человек сократили до двух, в число которых попал и я. Казалось, я был близок в своей цели! На следующей день я даже ехал на электричке вместе с главной командой, в которую входил Сильвен Вильтор, один из выпускников их молодежной школы. Я был вне себя от счастья.

К сожалению, эта эйфория длилась недолго. Кто-то из руководства клуба «Ренн» в тот день позвонил в «Левалуа», чтобы узнать обо мне побольше. К тому времени, как я добрался до дома в тот вечер, мой секрет уже был раскрыт, а мечта похоронена. Лонкар ответил, что я никуда не уйду из команды. Кроме того, на другой день он заявил уже лично мне при встрече, что не одобряет то, как я себя повел (хотя я и пытался объяснить, почему так поступил, что я амбициозен и хочу пробиться на новый уровень). В конце концов, я находился на пороге 19-летия, и мои сверстники Давид Трезеге и Тьерри Анри уже существенно опережали меня в карьерном росте.

Впрочем, тренер принял сказанное к сведению и пообещал помочь найти другой клуб, в котором на меня бы посмотрели. Довольно скоро он сдержал свое слово, и я отправился в «Генгам», еще одну команду Высшей лиги из Бретани. Первая тренировка

прошла достаточно хорошо, однако на второй день во время спарринга против первого состава я получил перелом пятой плюсневой кости и был вынужден покинуть поле. Невозможно было поверить в такое невезение, и, ковыляя домой, я переживал, что упустил, возможно, свой главный шанс. Когда мне еще представится такой же?

Странным было то, что, несмотря на две неудачи, я продолжал верить в себя и надеяться: «Однажды я все равно туда пробьюсь!» Эта вера никогда не покидала меня. Не знаю, на чем основывалось упорство, но, слава богу, это произошло: совершенно неожиданно раздался звонок от тренера юношеской команды «Пари Сен-Жермен» Доминика Леклерка. Могу ли я приехать в их тренировочный центр «Камп де Лож»? Это было уже совсем другое дело! Я рассказал, что из-за травмы не смогу сразу же приступить к тренировкам, но это его не остановило, и он дал ясно понять, что заинтересован во мне (очевидно, их скауты какое-то время наблюдали за моей игрой). Состоялся медосмотр, где выяснилось, что в течение двух месяцев я буду готов играть, поэтому у них не было каких-либо проблем, чтобы подписать со мной контракт.

Итак, я приехал в «Камп де Лож», расположенный к западу от Парижа в небольшом живописном городке Сен-Жермен-ан-Ле, за тридевять земель от Левалуа и Энтони. «Камп де Лож» поразил меня огромными размерами, впечатляющими строениями и первоклассными полями. Этот клуб высшего дивизиона имел славную историю, и у меня появилась возможность стать его частью. Несмотря на то что я всю жизнь болел за «Марсель», нельзя было позволить верности его цветам встать на пути открывавшейся передо мной замечательной возможности.

Меня привели в переговорную комнату, где представители клуба ознакомили меня с контрактом. Со мной не было никого: ни отец, ни кто-либо из «Левалуа» не приехали со мной и не могли помочь мне, и у меня в то время еще не было агента, который мог бы мне что-то подсказать (и его еще долго не будет). Это был первый в моей жизни контракт, и, по правде говоря, после разъяснения ряда его условий я был поражен.

– Вот контракт, который мы хотим предложить тебе, – сказал один из парней, перелистывая его страницы.

Меня оформляли как стажера, но при этом предлагали плату в 7000 франков ежемесячно (около 700 фунтов) – гигантская для меня сумма по тем временам. Кроме того, клуб планировал выдавать мне семь (да, именно семь!) пар фирменных бутс «Найк». Я в то время накопил на хорошую пару бутс, а потом тщательно берег ее, чтобы она служила мне как можно дольше.

Одним словом, это была просто потрясающая сделка. Но и это было еще не все.

– Мы также планируем выделить тебе автомобиль «Опель Тигра», – добавили мне, – поскольку твой контракт особенный. У нас сейчас только два стажера.

В такое было трудно поверить!

Когда я уже поднес ручку к бумаге, мне сказали:

– Чтобы ты понимал, этот контракт всего на один год. Хорошо покажешь себя и будешь хорошо играть – мы оставим тебя. Если нет – в конце сезона мы расстанемся. Мы также не можем гарантировать, что оставим тебя в составе в случае травмы. Поскольку ты сейчас как раз травмирован, нам необходимо поправить в контракте несколько пунктов. Мы выйдем ненадолго, чтобы это сделать, и вернемся через пять минут.

И с этими словами они оставили меня наедине с мыслями о том, что только что было озвучено.

Неожиданно до меня дошло, что мне предстоит столкнуться с настоящим давлением – таким, какого я еще никогда не испытывал. После игры за любительскую команду, которая тренировалась один или два раза в неделю, а затем после выступлений в четвертом дивизионе слишком многому предстояло измениться. Это означало, что через год я могу вернуться к тому, с чего начинал, чтобы вновь стартовать с нуля. Эта мысль не на шутку меня обеспокоила.

Время шло. Пять минут превратились в десять, затем в двадцать. Никто не возвращался. У меня появились дурные предчувствия. Что происходило? Куда все они делись? Может, они изменили свое решение? Казалось, ко мне вообще никто не проявлял ни малейшего интереса. Я ощущал себя пустышкой. Это было не лучшее начало. Внезапно я начал трусить, я по-настоящему испугался. «Ладно, – успокаивал я сам себя, – даю им еще пять минут. Если они не придут, то я ухожу». Прошло уже тридцать минут. «Хорошо, еще пять минут!» – торговался я сам с собой. Тридцать пять минут. Сорок. «С меня хватит, пора уходить!» Я просто встал и вышел, сконфуженный от всего произошедшего.

– Ну что, подписал контракт? – спросил отец, когда я вернулся домой.

– Нет, – ответил я угрюмо.

– Что? Это еще почему?!

– Не подписал, потому что они заставили меня несколько часов сидеть в этой комнате, и никто не проявил ко мне ни малейшего интереса. Так что я просто ушел оттуда.

– Что? Ты должен был ждать там и никуда не уходить!

– Нет, у меня были дурные предчувствия. Мне стало не по себе.

Хотя Доминик Леклерк, безусловно, и проявил ко мне интерес, насчет всего остального у меня были не самые лучшие предположения, практически с самого начала. Признаться честно, я не чувствовал там себя комфортно. Однако отец не мог в это поверить:

– Ты вечно ноешь, что никто не дает тебе шанса, а потом появляется «ПСЖ», и ты говоришь им: «Нет»?

Я пытался объяснить, что чувствовал в то время, но он никак не мог меня понять.

Однако потом случилось что-то удивительное. Через пару дней мне позвонил Марк Вестерлопп из «Ле-Мана». Я никогда не слышал о нем и ничего не знал про «Ле-Ман», если говорить начистоту, кроме известных соревнований автогонщиков «24 часа Ле-Мана». Мог ли я себе представить, что там есть футбольная команда? Ни за что.

– У нас есть игрок, похожий на тебя, одного с тобой стиля игры, – начал он, – но он стареет, и мы будем заменять его. Мы бы хотели, чтобы ты был этой заменой, чтобы ты играл за первый состав. Я никогда не видел, как ты играешь, но слышал немало восторженных отзывов о тебе, поэтому готов подписать с тобой контракт.

– Но я пока не могу играть, у меня травма, – ответил я.

– Это не проблема, не переживай. Приезжай, для начала хотя бы познакомимся.

Это было потрясающе! Его слова воодушевляли, и я пришел в восторг от услышанного. Ему удалось тут же расположить меня к себе.

– Хорошо, приеду. Завтра же сажусь на электричку.

Я так и поступил. Я отправился прямиком туда и познакомился с клубом, со всей их организацией. Марк взял на себя труд показать мне город, который на самом деле оказался довольно привлекательным, и я с самого начала влюбился и в клуб, и в тот образ жизни, который мне предстоял. Это было тихое местечко, никакой суеты и круговерти, как в Париже. Ле-Ман находится в часе езды на электричке от столицы, что для меня было идеально: достаточно близко на тот случай, если захочется повидаться с друзьями и родными, но при этом так далеко, что у меня не будет искушения мотаться назад слишком часто. Я знал, что, тренируясь с «ПСЖ», получил бы собственную квартиру, потом на меня неизбежно свалились бы друзья из Энтони, начались бы разного рода тусовки, посиделки, и это

сказалось бы плохо на моей мечте стать футболистом. Здесь, в «Ле-Мане», таких отвлекающих факторов было меньше. Кроме того, они предлагали мне столько же денег и тоже, как и в «ПСЖ», обеспечивали меня бутсами – на этот раз фирмы «Адидас». Контракт также заключался на один год, однако неопределенности, как в случае с «ПСЖ», не было (не было жесткой увязки моей дальнейшей судьбы с уровнем моей игры). Все было вполне приемлемо.

Кроме того, мне с самого начала понравился Марк Вестерлопп. Мы пришлись по душе друг другу. Он говорил очень спокойно и тихо, так что мне нередко приходилось подходить вплотную, чтобы расслышать, что он излагает. Наряду с этим в нем чувствовались авторитет и мудрость, и я стремился впитывать все то, что он говорил.

Через пару лет мне довелось сыграть против молодого парня, с которым «ПСЖ» подписал контракт на тех же условиях, которые предлагал и мне, и в то же время, когда я приезжал к ним. К несчастью для него, в конце первого сезона из-за травмы с ним не стали продлевать контракт, и ему пришлось похоронить мечту о «ПСЖ». А ведь я мог легко оказаться на его месте, и тогда моя жизнь сложилась бы совсем по-другому.

Это была осень 1997 года, мне было 19 лет, и я начинал долгий путь от молодежной команды клуба «Лиги 2» до первого состава. Я осознавал, что был уже достаточно взрослым в сравнении с некоторыми своими партнерами и коллегами, но при этом отставал от них в технике футбола. Однако все происходящее захватывало меня, ведь я делал большой шаг на пути к достижению заветной цели.

Первые три месяца я жил в общежитии футбольной школы клуба рядом с тренировочным центром. Мне еще предстояло окончить бухгалтерские курсы, поэтому приходилось каждый день ходить в колледж и порой оставаться там до четырех или пяти часов, а затем, нередко уже вечерами, еще и тренироваться. На самом деле, посещая курсы, я не просто удовлетворял желание отца, но дополнительно получал возможность заниматься чем-то еще, а не только играть в футбол целыми днями. Те три месяца напоминали проживание в обычном студенческом общежитии, так как стажеры из школы мотогонщиков тоже проживали там, и в этой атмосфере спортсменов из разных видов спорта жилось довольно весело.

Мне удалось быстро обзавестись друзьями из числа других футболистов-стажеров, включая Кадера Сейди, чья комната располагалась напротив моей. У него могла получиться отличная карьера футболиста, но все его надежды разрушила тяжелая

травма колена, что продемонстрировало мне, насколько жестоким может быть спорт. Мы оба начали общаться с некоторыми игроками-профессионалами из первого состава: это было увлекательно. Это было похоже на то, словно ты в школе попал в компанию ребят, которые на несколько лет старше тебя. У них были машины, красивая одежда, и они знакомили нас с тем, как можно интересно проводить время в городе. Для меня это был совершенно новый мир, и, должен сказать, я в полной мере наслаждался приобретенной свободой, независимостью и той небольшой суммой денег, какую теперь имел в собственном распоряжении.

В «Ле-Мане» я ощутил, что действительно требуется от футболиста. У меня был определенный потенциал, имелись определенные навыки (насчет этого я мало сомневался). Но вот чего мне, безусловно, не хватало, так это физической формы, натренированности, особенно из-за того, что недавно перенесенная травма ограничила меня в движении на несколько месяцев. Мой организм был совершенно не готов к ежедневным тренировочным нагрузкам. Раньше я мог спокойно поглощать какую угодно еду перед тренировкой или даже игрой – и это никак не отражалось на моем выступлении. Вскоре я осознал, что больше так продолжаться не может, поскольку ко мне теперь предъявлялись совсем иные физические требования. Поэтому однажды я мог быть хорош, а в другой раз уже совершенно опустошен, обессилен и не способен на то, что от меня требовалось. На первой беговой тренировке мне пришлось остановиться в то время, как все остальные пробегали мимо меня. Мое сердце бешено колотилось, я истекал потом, и на длинной дистанции мои результаты были хуже, чем у всех остальных.

Впрочем, Вестерлопп сохранял веру в мои способности, постоянно подбадривал меня и давал мне ценные советы. Вскоре я встретился с Аленом Паскалу, который работал тренером по физподготовке первого состава команды. Раньше наши пути уже пересекались, но в весьма сложной ситуации, и он никогда не позволял мне забыть об этом. За пару лет до того он выбрал меня в команду «Under-17», собранную из ребят из департамента, где я жил (О-де-Сен, примыкающий к Парижу), однако из-за проблем с учебой отец не подписал для меня разрешение на выступления за эту сборную. Я плакал, умолял его – но все было тщетно, и в конце концов из уважения к отцу и его авторитету я отказался от участия в команде.

Несмотря на то что Паскалу был в курсе тех проблем, которые помешали мне тогда явиться на игру, он решил на этот раз быть со мной крайне суровым. Он постоянно кричал на меня,

подгоняя на тренировках и объясняя, как мне необходимо выкладываться:

– Так ты собираешься становиться профессиональным футболистом или нет? Смотри, в школе ты особо не преуспел, так что облажаться еще и здесь тебе совсем нельзя, не так ли? Тебе надо стать намного лучше, иначе ничего не добьешься.

И так постоянно. Эта словесная агрессия была для меня в диковинку, и мне было тяжело выносить ее. Кроме того, я считал, что он ненавидит меня, и не мог взять в толк, что же такого я ему сделал, чтобы так со мной обращаться.

Постепенно ко мне пришло понимание, что он ведет себя так со всеми. Он изучал науку о спорте в университете, и хотя мы все его слегка побаивались, мы видели, что он знает, о чем говорит, когда речь заходила о физической форме, правильном питании, уходе за собой и полной реализации физического потенциала твоего организма.

В любой ситуации Марк Вестерлопп и Ален Паскалу старались придерживаться психологической тактики «хороший коп, плохой коп», и это оказало на меня поразительный эффект. В обоих случаях по разным причинам это мотивировало меня работать изо всех сил, демонстрируя, на что я способен. Первому я был благодарен за доверие и не хотел ударить перед ним в грязь лицом, второму я просто желал доказать, что он ошибается на мой счет и что я на самом деле могу добиться в футболе многого!

К сожалению, с непривычки к такому (новому для меня) физическому режиму и из-за большой нагрузки на организм я регулярно получал травмы. Причем дело не ограничивалось банальными растяжениями и болевыми ощущениями – дело доходило до таких повреждений, из-за которых приходится пропускать тренировки три или даже шесть месяцев. Я приехал в клуб с повреждением плюсневой кости на левой ноге, в конце лета приступил к тренировкам, и в октябре – бах! – я вновь получил перелом плюсневой, во многом из-за того, что у кости не было достаточного времени для восстановления. Я снова начал тренироваться, но лишь до того момента, когда опять повредил ту же кость, только уже на правой ступне. Теперь врачи решили скрепить ее винтом, чтобы дать нормально срастись. Это означало еще два месяца без тренировок и игр.

Самой серьезной травмой для меня оказался перелом лодыжки и малой берцовой кости правой ноги в конце первого года в клубе – и не только потому, что у меня не было уверенности в полном восстановлении. Дело в том, что каждый год в начале мая все в команде получали специальное извещение,

где говорилось, собирается ли клуб продлевать их контракт. Я все еще оставался на контракте стажера и отчаянно надеялся, что меня оставят. Наступил май, ничего не пришло, я стал всерьез переживать. И именно в этот момент у меня случился перелом лодыжки.

Хорошо помню, как я плакал, когда меня уносили с поля. Не из-за боли – из-за страха: ведь еще я не получил этого жизненно важного для меня письма от клуба. Спрашивать у кого-либо мне было страшно, поэтому во мне укрепилась мысль о том, что это (несмотря на уверения Вестерлоппа, ставшего к тому времени тренером первого состава, что он собирался меня оставить) может быть концом моих мечтаний. Когда я получил травму, у меня появились большие сомнения в словах Вестерлоппа. Я представлял себе, как он сидит с другими тренерами, включая Паскалу, и они обсуждают мою кандидатуру: «А, этот парень, да он вечно травмирован, мы не можем позволить себе оставлять его». Я ощущал, что судьба моя висит на волоске.

Родители приехали повидаться со мной и помочь мне, поскольку тогда я жил самостоятельно, снимая квартиру в городе. Я видел, как мама переживала, как она суетилась, убираясь в моем доме, пополняя запасы в холодильнике и выбрасывая мусор. Я сидел на кровати с загипсованной ногой и костылями за спиной, не зная, что ждет меня в будущем. Неужели после всего этого мне придется возвращаться в «Левалуа»? Возвращаться в Энтони? Я не мог даже вообразить себе это. Я намеревался показать родителям, что мне по силам стать настоящим футболистом, что я был прав в своей настойчивости и не ошибался, когда утверждал, что добьюсь успеха. Мне хотелось доказать отцу его неправоту: я смог кое-что сделать в своей жизни, пусть и пойдя не по тому пути, который он определил для меня. Кроме того, у меня не было желания возвращаться на улицы Энтони, так как я видел, какая жизнь меня там ожидает, и знал, что это не для меня. Я видел, какими становились окружающие: они теряли все надежды, и было невыносимо представлять, что однажды меня ждет то же самое.

На следующий день я дохромал до почтового ящика внизу, чтобы проверить, не пришло ли мне что-нибудь. Там меня ждало одно письмо. Наверняка от клуба. Я вскрыл его, опасаясь узнать, что в нем было. Меня решили оставить! Контракт был продлен! Я испытал неописуемое облегчение. Я был спасен. Мне просто нужно было стать лучше, а для этого вернуться к работе с удвоенной силой.

Лето 1998 года, мне 20 лет, и я смотрю, как мой ровесник Тьерри Анри ликует вместе со всеми в тот момент, когда сборная

Франции поднимает над головой Кубок мира ФИФА на вновь отстроенном стадионе «Стад-де-Франс», на волне охватившей страну футбольной лихорадки невиданных масштабов. Анри стал футбольной суперзвездой, и мировое признание ему теперь было гарантировано. В это же время я лежал дома на диване с перевязанной ногой и жевал пиццу. О чем я думал в тот момент, учитывая пропасть между тем, чего мы оба достигли? Нет, вовсе не думал: «Вот ублюдок!» – как могли бы предположить некоторые. Моей главной мыслью было: «Я бы хотел тоже оказаться там! И однажды я сделаю это!» Я никогда не терял этой непоколебимой веры в себя, этой слепой уверенности в том, что рано или поздно непременно добьюсь успеха.

Глава 3
Наконец-то я профессионал!

К началу второго сезона в «Ле-Мане» я смог возобновить тренировки. Я был решительно настроен на то, чтобы подтянуть свою физическую форму, чтобы не разочаровать Марка Вестерлоппа, и вскоре мои усилия начали приносить плоды. Меня стали выпускать в матчах за дублирующий состав, я начал забивать. Однажды, когда клуб боролся за то, чтобы его не перевели в более низкую лигу, меня даже включили в число запасных, отчего я был неимоверно счастлив: у меня было ощущение, что я не просто скромный стажер, а часть истории клуба «Ле-Ман».

В конце сезона, летом 1999 года, мне наконец-то предложили первый профессиональный долгосрочный контракт. К этому времени мне исполнился 21 год, я уже, по современным стандартам, был «старичком». Марк Вестерлопп, мой кумир, протежировал меня и решил дать мне шанс.

К удивлению клуба, я к этому времени успел обзавестись агентом, причем одним из самых известных на тот момент – им стал Пап Диуф[5]. У моего друга Кадера Сейди был брат, Тьерно, который работал с Папом. Тьерно с самого начала, еще с «Левалуа», следил за моими футбольными успехами и регулярно наблюдал за моей игрой в «Ле-Мане». Поскольку у Тьерно еще не было собственной агентской лицензии, он убедил Папа помогать мне. В «Ле-Мане» были потрясены, так как в футбольных кругах Пап являлся (и до сих пор является) чем-то вроде легенды, особенно во Франции, где он обеспечивал агентское сопровождение многим известным игрокам, включая Марселя Десайи. Мои друзья были поражены еще сильней. Вообще-то они только смеялись, стоило мне сказать, что он во мне заинтересован и хочет сотрудничать со мной – ведь я тогда не играл, залечивая травмы. Несмотря на их скепсис, он и в самом деле подписал со мной контракт и продолжает играть важную роль в моей жизни. Тьерно стал моим агентом и остается им до сих пор.

Я очень скоро убедился, что наличие рядом с собой кого-то вроде Папа, кто может посоветовать тебе что-нибудь дельное, весьма удобно. Он объяснил мне, что не будет часто мне названивать, может, пару раз в месяц. Вскоре я осознал, насколько это было правильно: когда он набирал мой номер, он обычно посвящал разговору два-три часа. Он говорил сам,

внимательно выслушивал сказанное мною, наши беседы продолжались довольно долго и были насыщены различными подробностями. У него была мудрость, у него был очень большой опыт: жизненный, футбольный, деловой. Я старался впитывать все, что он говорил. К примеру, он вежливо объяснял: «Когда ты молод, то тебе часто хочется вспылить, тебе кажется, что ты всегда прав и что в чем-либо случившемся кроется вина других, тогда как правильней осознать собственную ответственность за произошедшее».

Когда речь заходила о футболе и я на что-то жаловался, он просто отвечал: «Постой, поверь мне, дело обстоит вот так». В «Ле-Мане» или в моем следующем клубе, «Генгаме», когда у меня появлялось чувство пресыщения и я, не подумав как следует, сообщал ему о желании уйти, он спокойно спрашивал:

– Ладно. Значит, ты решил, что уходишь. Я могу поговорить с тренером другой команды – ты этого хочешь?

– Да, – отвечал я, уверенный в правильности принятого решения.

– Во-первых, твоя ценность снизится, – пускался он в объяснения, – потому что именно ты захотел перейти к ним, и они уже не станут думать о том, насколько выше оценили бы тебя сами, появись у них самих желание тебя пригласить. Во-вторых, как результат, в новом контракте будет обозначена меньшая оплата, чем здесь. А проблемы, имеющиеся здесь, будут и там. Или же появятся новые. Так что решай: чего ты хочешь? Всегда старайся найти правильное решение. Такие вот дела.

Для меня такой взгляд на вещи был новым, и здесь мне было чему поучиться.

В первом сезоне в качестве профессионала я многое познал. Выступал я достаточно неплохо, поэтому смог даже заработать определенную репутацию у соперников. Некоторые так и норовили «срубить» меня, если им выдавалась подходящая возможность. Футбол в «Лиге 2» во Франции действительно жесток, с уклоном на физическую составляющую, так что в первый год мне изрядно доставалось, и в частых стычках я получил изрядное количество ударов по ногам. Как и следовало ожидать, когда мне начало казаться, что у меня все получается, в предсезонном «дружественном» матче с «Гавром» я получил очередную травму – снова перелом малой берцовой кости, за которым последовала операция и восстановительный период.

К сожалению, момент моей травмы совпал с потерей формы всей команды, и наши результаты в начале сезона 2000–2001 годов всех разочаровывали. Звезда Марка Вестерлоппа начала закатываться. Внезапно, без какого-либо предупреждения, было

объявлено о его увольнении. Это было завершение его истории, его даже не поблагодарили за все, что он сделал для клуба. А ведь этот человек подхватил команду в зоне борьбы за выживание и за несколько месяцев все изменил, обеспечив клубу прекрасный сезон. Он создал и поддерживал в коллективе исключительную атмосферу. А теперь его уволили просто из-за неудачно сложившегося начала сезона. Он изменил мою жизнь, между нами сложились особые отношения, он продолжал верить в меня, несмотря на все мои серьезные травмы. И вот каким образом ему выразили благодарность за все его усилия, опыт и преданность делу. Я не думал, что такое решение было верным, я был возмущен тем, как с ним обошлись. В подобной ситуации я оказался впервые. Сегодня я, естественно, понимаю, что для футбола это совершенно типичная ситуация, но тогда из-за произошедшего с Марком я был чрезвычайно огорчен.

В скором времени ему на замену приехал Тьерри Гуде. Должен сразу признаться, что отношения у меня с ним не сложились. Если правильно помню, его первые слова в мой адрес были следующие: «А, так это ты – Дрогба? Хм-м». Я тогда только-только оправлялся от травмы, тренер, сделавший для меня все, был уволен, и тут появляется новый тренер со своим нападающим, Даниэлем Кузеном, чтобы компенсировать мою неготовность к игре, и разговаривает со мной в таком духе. Это было не лучшее начало.

Знаю, он был много наслышан обо мне, и не все отзывы были положительными. Что-то из критики в мой адрес было справедливо, поскольку я все еще оставался молодым и неопытным. Наряду с этим, полагаю, ему следовало хоть немного подождать, прежде чем что-то говорить, сначала самому увидеть меня в деле, а уже после этого судить. Он должен был попробовать выстроить со мной нормальные отношения прежде, чем пытаться уничтожить их на корню. Вместо этого складывалось впечатление, что он стремился всячески показать, что он здесь главный, и поставить меня на место. Я не отрицаю, что пока еще не был настоящим профессионалом, таким, каким должен и мог бы быть. Однако вместо того, чтобы попытаться со мной сработаться и мотивировать меня, как мне кажется, он просто хотел от меня избавиться.

Мне сложно общаться с такими людьми – с теми, кто не ищет лучшее в других и относится к ним негативно. Я знал, что не нравлюсь ему. Это было очевидно. Поэтому мне было трудно работать с ним, доказывать ему, что я стою того, чтобы поверить в меня. Я пытался делать это, в самом деле пытался. Я продолжал усиленно тренироваться, я не сдавался – но он предпочитал мне

Даниэля Кузена. С Даниэлем у меня не было никаких проблем, мы с ним стали друзьями. Просто я был убежден, что заслуживаю, по крайней мере, шанса показать, на что я способен на поле, а не сидеть матч за матчем на скамейке запасных.

Конец моему терпению пришел в конце сезона. В одном из матчей я сидел на скамейке, а на следующий не попал даже в запас. Я плакал, я рыдал, от отчаяния и злости я не мог сдержать слез. До такого состояния меня довели впервые за все время пребывания в этом клубе, и этот день я запомнил навсегда. Партнеры по команде, включая Кузена, пытались утешить, но ничего из того, что они говорили, не помогало. Я просто не мог поверить в то, что Гуде вычеркнул меня из своих планов на будущее. За несколько месяцев из подающего надежды игрока клуба «Ле-Ман», привлекающего внимание футбольного мира, я превратился в того, чья карьера повисла на волоске, а будущая перспектива была весьма неопределенной.

Многие карьеры делает случай. Важно оказаться в правильном месте в правильное время. Вскоре у меня произошла одна встреча, ставшая ключевой во всем, что случилось со мной в последующем. По окончании каждого сезона в одном из модных отелей Парижа устраивают грандиозный ужин (это называлось «Оскары футбола»). В 2001 году я был одним из сотен приглашенных и случайно наткнулся на бывшего форварда «Ле-Мана» Режиналя Рэя, которого отлично знал. Режиналь был талантливым игроком первого состава, когда я еще ходил в юношескую академию. После тренировок мы иногда занимались вместе. Будучи новичком, я смотрел на него снизу вверх и испытывал огромное уважение одновременно как к футболисту и человеку.

– Как поживаешь? – спросил он тем вечером.

– Да не особо, – начал я, после чего объяснил, что именно происходило в моей жизни: что тренер не проявлял во мне заинтересованности, что у меня оставался год по контракту, но я был уверен, что контракт со мной продлевать не захотят. Было замечательно общаться с кем-то опытным, кто знает «Ле-Ман» изнутри. Именно тогда Режиналь дал мне лучший совет из всех, какие только я получал в своей жизни. Не будет преувеличением сказать, что этот совет изменил всю мою жизнь.

– Послушай, – сказал Режиналь, – попробуй в ближайшие шесть месяцев отдаваться делу на все сто процентов. Измени на этот период свой образ жизни. Никуда не ходи тусоваться, правильно питайся, усердно работай. Почувствуешь боль – остановись, не тренируйся через боль. Если спустя шесть месяцев такой подход не принесет никаких результатов, приходи ко мне и

выскажись. Но за эти шесть месяцев выложись полностью.

Именно так я и поступил. Я не только изменил свой образ жизни, но и перестал замечать критические комментарии в свой адрес со стороны тренера. Я решил, что не позволю им меня задевать. Когда он критиковал меня, я просто отвечал: «Хорошо, нет проблем». Я старался быть доброжелательным. Я полностью изменился.

Предсезонная подготовка прошла хорошо. Мне удалось избежать травм (для меня это была большая редкость), и перед началом сезона я чувствовал себя свежим и нацеленным на игры, как никогда раньше. Я стал снова попадать в запас, хотя выходил на поле лишь на 10–15 минут. Но при этом я забивал. Я приносил команде много пользы, влияя на исход матчей. Даже тренер не мог проигнорировать этот факт.

– Знаешь, Дидье, – признался он спустя несколько игр, – хочу тебе кое-что сказать. Тебе не нужно играть все 90 минут. Для тебя вполне достаточно выходить на поле на пять или десять минут.

– Хорошо, но ведь вы знаете, что я хочу играть все 90 минут, – ответил я, высказывая свое сокровенное желание.

– Да, но тебе нет в этом никакой необходимости. Некоторые проводят на поле все 90 минут и не делают ничего толкового. Ты же можешь сыграть десять минут – и принести результат.

– Да, но я хотел бы играть все 90 минут, – снова попытался я подчеркнуть высказанную мысль. Мы продолжали обмениваться такими репликами в течение нескольких недель.

Дело заключалось в том, что, когда бы я ни появлялся на поле (на пять, десять или 20 минут), я пользовался этой возможностью, чтобы полностью выложиться. Не знаю уж, благодаря этому настрою или удаче, но в каждой из шести игр, в которых я выходил на замену, мне удавалось забивать, причем все эти матчи показывались по национальному телевидению. Лучше всего я проявил себя, забив дважды за 15 минут в игре с «Сент-Этьеном», который когда-то был ведущим клубом Франции, а теперь прозябал в «Лиге 2».

Немного позднее, во время зимнего перерыва в январе, мне позвонили из «Генгама», клуба «Лиги 1» в Бретани. Они продавали нападающего в «ПСЖ» и, борясь за выживание в высшем дивизионе, искали на замену форварда такого же стиля игры. Заинтересовал ли меня такой вариант?

Тогда я был ошеломлен. Я не мог понять, почему они обратили внимание именно на меня, игрока запаса из «Лиги 2», я мог лишь предполагать, что во мне увидели какой-то потенциал. Месяцем ранее я уже был готов подписать новый четырехлетний контракт с «Ле-Маном», но так как мне не удавалось играть

столько, сколько я бы хотел, то, к счастью, решил немного повременить и посмотреть, не появится ли какой-либо новый шанс. Для меня возможность играть всегда являлась ключевым фактором.

К моему большому удивлению, руководство «Ле-Ман» вдруг страстно захотело сохранить меня в клубе. Президент клуба посоветовал отправиться домой, как следует выспаться, после чего, по его словам, я осознаю, что для меня лучше остаться здесь. Другие также со скепсисом отнеслись к моим перспективам сразу заиграть в команде «Лиги 1», утверждая, что это будет для меня слишком тяжело. Но я не колебался. На следующий день, придя к президенту, я заявил, что хочу уйти, даже если это не соответствует его желанию. Таким образом, либо Тьерно Сейди позволят начать переговоры с «Генгамом», либо я подожду до конца сезона, чтобы стать свободным агентом. Он меня понял.

Увы, сказать было легче, чем на деле поговорить с Тьерно. В то время он сопровождал национальную сборную Сенегала на Кубке африканских наций и находился в Мали. Дозвониться до него было невозможно. В течение трех долгих дней я оставлял сообщения на его телефоне и ждал – однако не получал никакого ответа. Я начал уже отчаиваться. В итоге мне пришлось провернуть один трюк. С 1999 года мы с Лаллой, моей будущей женой, уже были вместе. Ее отец жил в Мали, так что я позвонил ему и попросил выяснить, в каком отеле проживает сенегальская сборная. Получив возможность дозвониться до отеля, я объяснил ситуацию, поговорил с тренером Бруно Метсю и попросил передать трубку Тьерно. Так мне наконец удалось до него добраться, после чего он уладил все вопросы между клубами.

Близилось завершение зимнего перерыва, и «Генгам» изо всех сил старался подписать меня, поскольку уже через четыре дня предстоял матч против «Метца», и клубу срочно требовался нападающий. После разговора с Тьерно и наставлений от Папа Диуфа на тему того, как себя вести, я поспешил в Генгам для обсуждения условий контракта и был рад, что его заключение не отняло много времени.

В любом случае я теперь был волен покинуть «Ле-Ман». Но Гуде напоследок припас для меня сюрприз. Он запретил мне заходить в раздевалку, чтобы попрощаться с ребятами. Это была мелкая месть – за четыре года у меня появилось в команде много друзей, и отказ в возможности проститься с ними и пожелать им удачи очень меня расстроил.

Тем вечером я собрал вещи (практически под покровом темноты, поскольку все уже уехали) и начал обзванивать всех одного за другим, чтобы попрощаться и объяснить, почему я не

смог сделать этого лично. Меня как человека, который рос оторванным от друзей и стабильности, в эмоциональном плане сильно задело то, что пришлось расставаться таким вот образом. Я чувствительный человек, поэтому и сегодня не люблю прощаний, особенно если они связаны с моим отъездом.

Позже я расскажу о том, каким замечательным образом повлияли на мою жизнь жена и дети, но уже сейчас необходимо отметить, что для меня все изменилось к лучшему и что я стал ответственным мужем и отцом, когда в январе 2000 года она со своим ребенком, маленьким Кевином, переехала ко мне. Уже в декабре того года у нас родился Айзек. Появление в моей судьбе жены, а также двух детей, о которых требовалось заботиться (наша прекрасная дочь Иман родилась в марте 2002 года, вскоре после моего перехода в «Генгам»), стало тем самым событием, которое спустило меня с небес на землю и помогло стабилизировать собственный характер. Мне было почти 24 года, я быстро взрослел как футболист и как мужчина, а переход в «Генгам», что впоследствии доказала жизнь, стал идеальным новым этапом для меня и моей семьи.

Глава 4
18 месяцев в Бретани (2002–2003)

Первую ночь в Генгаме, этом маленьком городке в Бретани, мы провели в гостинице на станции, все вчетвером в одном номере. Пусть это и «Лига 1», но «Генгам» был далек от статуса гламурного и богатого клуба. Но это было неважно. Мы были счастливы. Мы легко обустроились, у нас появился отличный маленький домик, а через пару месяцев родилась наша прекрасная дочь Иман, и я начал жить своей мечтой стать футболистом высшего дивизиона.

С тренером Ги Лякомбом мы сразу поладили. Как уже было сказано, когда в меня верят и дают мне шанс, я готов на все. Мне не хочется разочаровывать тех, кто в меня поверил, и я стремлюсь отплатить им за доверие, поэтому усердно работаю, чтобы показать, что они не ошиблись во мне.

Через два дня после моего приезда меня уже включили в заявку на игру: через день мы встречались с «Метцем» на другом конце страны. Времени на то, чтобы расслабляться, не было. Проблема заключалась в том, что в последние недели я не тренировался как следует: отчасти из-за того, что наступил зимний перерыв, отчасти же потому, что я знал, что буду уходить. Кроме того, мне предстояло заменить любимчика болельщиков Фабриса Фьореза, только что ушедшего в «ПСЖ», чей 11-й номер я унаследовал. Планка для меня была поднята достаточно высоко.

К счастью, Лякомб и несколько игроков нашего состава всячески поддерживали меня. Они оказали мне теплый прием. Лякомб однозначно ждал от меня только одного – сразу же включиться в работу надлежащим образом. Он был там не для того, чтобы присматривать за мной и учить, что и как делать. Он пригласил меня в качестве главного нападающего, так что я должен был быть в форме и полностью готовым к игре. Больше всех из игроков мне помогал Флоран Малуда. Я встречал его и раньше, во времена моей игры за «Ле-Ман», когда он выступал за «Шатору». Теперь, попав в одну команду, мы быстро стали близкими друзьями. Поначалу он регулярно давал мне советы по тактике, рассказывая, как нужно передвигаться и где располагаться во время игры, и это позволяло мне не выдыхаться слишком быстро. Флоран присматривал за мной и на поле, и вне

игры, и я весьма благодарен ему за всевозможную помощь.

Его отзывчивость была просто неоценимой. Наряду с этим я заметил, что здесь игроки в принципе оказывали гораздо больше поддержки друг другу, нежели в низших дивизионах. В «Лиге 2» было много футболистов, которые вели себя так, словно они сильно выделялись среди остальных партнеров по команде. Очевидно, они изо всех сил пытались сделать так, чтобы их заметили, в надежде на переход в более серьезный клуб. Как бы там ни было, перейдя в «Лигу 1», я убедился (как впоследствии и в «Марселе», и в «Челси»), что действительно талантливые игроки обычно лишены чванства и просты в общении, поскольку им не надо никому ничего доказывать.

В матче с «Метцем» я решил выложиться так, словно от этой игры зависела моя жизнь. Неудивительно, что через тридцать минут я «спекся». Тем не менее к середине игры я был вполне доволен своим выступлением, хотя лично мне похвастать было нечем (и мы проигрывали 0:1). Лякомб, однако, не разделял моей точки зрения.

– Этого недостаточно, Дидье, ты должен приносить больше пользы. Нужно больше двигаться. Ты должен выполнять на поле больше работы.

«Что?» – удивился я, застигнутый врасплох. Я кивнул, внешне соглашаясь с ним, а сам подумал: «Как, черт побери, я должен это сделать? Это невозможно! Я отпахал, как мог, и уже выдохся!»

Впрочем, что-то все же щелкнуло у меня внутри, поскольку через пару минут после возобновления матча я сравнял счет, и в итоге мы добились важной победы со счетом 4:2. Я был заметен в этом матче, и даже «Экип», национальная спортивная газета, в отчете о матче назвала его «фестивалем Дрогба».

Я продолжал стараться изо всех сил, чтобы радовать Ги Лякомба и постепенно превращаться в того нападающего, которого он хотел во мне видеть. Он был отличным тактиком и многому научил меня в плане выбора позиции, перемещений по полю и рационального использования скорости. Результаты пришли не сразу, поэтому в следующие несколько недель он продолжал настойчиво меня тормошить, заявляя, что я все еще не вышел на свой уровень. Видимо, из-за того, что его критика была достаточно конструктивной, я ее принимал. Это стимулировало меня еще больше учиться и еще усерднее тренироваться.

Во второй половине сезона я забил три гола в 12 матчах. Показатель был не особенно блестящим, но у меня было ощущение, что я прогрессирую и действительно помогаю команде. Увы, не все болельщики были с этим согласны. Однажды я получил на домашний адрес письмо (разумеется, анонимное).

Там было написано лишь следующее: «Проваливай к себе обратно, пожиратель бананов!» Я был потрясен и огорчен, держа в руках этот листок бумаги. Я впервые столкнулся с таким неприкрытым расизмом и не мог понять, почему кто-то так поступил и с какой стати выбрали именно меня (в команде было много чернокожих и вообще иностранцев).

Позднее я пришел к выводу, что тупица, написавший это письмо, на самом деле оказал мне услугу. Письмо вывело меня из себя и вызвало желание добиться еще большего успеха, чем когда-либо. Я хотел показать, что горд за то, кто я есть и чего успел достичь. Я также осознал, что этот человек был разочарован моей игрой за клуб и именно таким дешевым, тривиальным и трусливым способом решил меня задеть. Мне было прекрасно известно, что когда я приехал в «Генгам», многие фанаты задавали вопрос: «Дидье – кто?» – узнав, что на замену их фавориту из «Лиги 1» Фабрису Фьорезу приехал неизвестный резервист из «Лиги 2». И хотя у меня не было необходимости демонстрировать, чего же я на самом деле стою, другие люди вполне могли считать иначе. С учетом всего этого письмо, несмотря на удручающее содержание, только придало мне дополнительный импульс.

Завершение сезона предстояло весьма напряженным, потому что нужно было всерьез постараться ради сохранения места в высшем дивизионе. Сама мысль о возвращении в «Лигу 2» всей команде казалась ужасной. Мы не могли и подумать, что можем подвести тренера и, самое главное, болельщиков. Кроме того, «Лига 2» – это жесткий турнир с грубыми подкатами и другими грязными приемами. Когда у вас есть вкус к чему-то прекрасному, не хочется возвращаться к чему-то худшему. В «Лиге 1» высокий уровень игры, больше уважения друг к другу, и нам была невыносима мысль, что мы можем все это потерять. Я совсем недавно попал в клуб и не хотел сразу же возвращаться в «Лигу 2». Кроме того, в команде сложилась прекрасная атмосфера, многие партнеры давали понять, что они уверены во мне, и я ощущал себя нужным. Поэтому после заключительного матча с «Труа», где мы одержали крайне тяжелую победу со счетом 1:0, мы просто ликовали. Уже не помню, как и почему, однако во время празднований на поле я непостижимым образом остался в одних трусах. Мы были тогда настолько счастливы, что мир вокруг перестал нас интересовать. У нас было такое чувство, словно мы стали победителями Лиги чемпионов!

Наша радость, однако, оказалась недолгой. Вскоре Ги Лякомб объявил о своем уходе на повышение в «Сошо». Для меня это стало ударом. Когда он давал интервью французскому

телевидению, он заявил: «Во французской лиге есть два игрока, за которыми нужно внимательно следить, поскольку это – будущее футбола в нашей стране. Первый – это Флоран Малуда. Второй – Дидье Дрогба». Моей первой реакцией было: «Я? Он в самом деле упомянул именно меня?» Но, вообще-то, он очень качественно все предсказал, поскольку мы оба в скором времени действительно сделали заметный шаг вперед.

С его уходом я снова почувствовал, что теряю близкого человека. В немалой степени это объяснялось тем, что, как и в «Ле-Мане», новый тренер – им стал Бертран Маршан – относился ко мне критически. Не думаю, что он особо в меня верил, по крайней мере, точно не так, как Лякомб. Я снова услышал: «Твоя физподготовка не соответствует требуемому уровню», – хотя справедливости ради нужно отметить, что Маршан знал меня еще раньше, когда работал тренером резервной команды клуба «Ренн». Как он выразился, я всегда был высококлассным игроком-сомнамбулой, или что-то в этом роде.

Борьба за выживание сплотила команду, и поддержка со стороны партнеров, включая конкурентов на позицию нападающего, помогала мне усердно готовиться к сезону во время летнего перерыва и сохранять веру в самого себя. Первый матч сезона 2002–2003 годов против чемпиона страны, «Лиона», я начал на скамейке запасных, но на последних 20 минутах, когда мы проигрывали 1:3, меня выпустили на поле. Мне пригодился опыт игры за клуб «Ле-Ман», где приходилось показывать себя в отведенные мне сжатые сроки: в заключительные три минуты игры мы забили два гола, и наиболее важный гол, позволивший сравнять счет и добыть очко, забил именно я.

С этого момента все пошло по нарастающей: я забил 17 мячей в 34 матчах, а также четыре гола в трех турах Кубка Франции и стал третьим бомбардиром в стране. Это можно считать достаточно высоким результатом, принимая во внимание то, что это был мой первый полноценный сезон в высшем дивизионе, и то, что я выступал не за самый крупный клуб, который исторически никогда не был слишком успешным. Меня поразило другое: у меня сложилось впечатление, что забивать в этой лиге гораздо легче, чем в дивизионе ниже. Это было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, футбол здесь был менее жестким. Если я просил мяч, то имел больше шансов получить его. К более высоким скоростям и частым ускорениям я на тот момент уже был хорошо подготовлен, так что шансов забить гол становилось больше. Я научился лучше «читать» игру, стал лучше подкованным в тактическом отношении, получив настоящий опыт игры в высшем дивизионе. И наконец, я постоянно стремился

учиться чему-то новому, смотрел видео с участием Тьерри Анри и Рауля, пытаясь понять, как им удается обыгрывать соперников, несмотря на плотную опеку. Эти наблюдения сослужили мне добрую службу, поскольку с ростом моей результативности соперники стали уделять мне все больше внимания, и я чувствовал, что на поле за мной теперь следили гораздо пристальней. Было видно, что меня стали воспринимать как серьезного игрока, и, как результат, мне больше не оставляли столько же пространства для маневра, как это было раньше.

К сожалению, моя склонность к травмам никуда не делась. Осенью я выбыл на месяц из-за трещины в кости ноги. В период лечения я интенсивно работал над своей физической формой, поэтому в ноябре вернулся в строй в наилучшем состоянии и смог в восьми матчах забить шесть голов. Кроме того, мы подошли к зимнему перерыву перед Рождеством, деля второе место в турнирной таблице и отставая от лидера, «Марселя», всего на очко – для нас такой результат был выдающимся. Мы старались не забегать вперед, но некоторые в команде начали уже шутить (или, скорее, мечтать) о еврокубках. Все в команде стояли друг за друга горой, коллектив был крепким и сплоченным, мы были единым организмом. Однако с возобновлением чемпионата спустя месяц наши соперники встрепенулись, отнеслись к нам с большей серьезностью, чем прежде, и наши результаты резко снизились. Пока мы очнулись, мы проиграли шесть игр подряд.

Первое поражение нам нанес «Ренн». «Ничего страшного, – успокаивали мы себя. – Это всего лишь одно поражение, это неважно». После третьего проигрыша мы организовали общекомандное собрание, чтобы обсудить, как нам изменить ситуацию. «Парни, мы проиграли три матча. Следующий мы обязаны выиграть, нужно поправлять наши дела!» Нам предстояла встреча на своем поле против «Гавра», не самого грозного соперника, – но мы вновь проиграли. И снова, и еще одно поражение. И так – шесть матчей подряд. Со второго места мы сползали все ниже и ниже – и в итоге обнаружили себя в нижней части турнирной таблицы. Как же быстро удача отвернулась от нас! Нас вновь стали посещать призраки прошлого сезона, когда мы с трудом избежали «вылета» из дивизиона. Мы не могли даже представить себе, что нам придется пройти этот путь заново, несмотря на все приложенные усилия и сложившуюся в команде прекрасную атмосферу.

В следующем туре нам предстояло встретиться дома с «ПСЖ», сильным клубом, главной звездой которого на тот момент был сам Роналдиньо. Предыдущий матч, состоявшийся на выезде в октябре, закончился для нас разгромом от парижан со счетом 0:5.

Я тогда из-за травмы смотрел его с трибуны, и это было тяжелое зрелище, учитывая историю моих отношений с «ПСЖ».

Матч был назначен на 22 февраля. Это была важная дата для любого болельщика или игрока «Генгама». Мы подходили к игре скорее с надеждой на победу, нежели с ожиданием ее. И именно этим как раз и прекрасен футбол. Клише «ничего не кончено, пока не прозвучал финальный свисток» продолжает оправдывать себя даже сегодня, что и произошло в той игре.

Мы были заведены, мы были нацелены на победу. На инструктаже перед матчем наш капитан говорил о необходимости расплаты за прошлое поражение со счетом 0:5, о том, что нужно проявить характер. Мы были готовы к этому. В туннеле, ведущем на поле, у меня взяли интервью для телевидения, и я заявил, что наша главная цель – быстро войти в игру и как можно раньше забить гол. Три очка за победу станут для нас хорошим подспорьем, но важней всего было забить быстрый гол. Какая ирония! Быстрый гол действительно состоялся, но забили его не мы. Через двадцать минут после стартового свистка мы проигрывали со счетом 0:1. Более того, тот мяч позднее признали лучшим голом сезона во Франции! Роналдиньо получил мяч недалеко от центральной линии, быстро сыграл в стенку с Жеромом Леруа, прошел на дриблинге половину игроков «Генгама» и забил. Зачастую после пропущенных голов футболисты расстраиваются или злятся. Но тогда лично я мог только восхищаться. Разумеется, я не мог просто взять и начать хлопать в ладоши, однако мысленно именно так и сделал. Я просто застыл как вкопанный: «Да, это действительно прекрасный гол! Великолепно!»

В перерыве нам повторили ту же установку, что и перед игрой: нужно было сохранять самообладание, нельзя было сдаваться. Через десять минут «ПСЖ» забил снова. У меня были голевые моменты, но либо мне не хватало до взятия ворот самой малости, либо их спасал вратарь. Мы много атаковали, хотя вскоре после второго гола нам чуть не забили третий: бывший игрок «Генгама» Фьорез этим третьим мячом мог бы поставить в игре точку. Однако мы сохраняли надежду и не опускали рук. Мы подбадривали друг друга, приговаривая: «Нельзя сдаваться! Пусть мы даже проиграем, но мы должны сделать это достойно, с высоко поднятыми головами, продолжая сражаться». Через несколько минут нам наконец удалось отыграть один гол благодаря прекрасному удару головой нашего защитника Ориоля Гийома после тщательно выверенного навеса. Он выпрыгнул так высоко, что сделал полное сальто и приземлился с глухим стуком.

Его прыжок словно окрылил нас. Вскоре, на 68-й минуте, я смог сравнять счет. Стадион словно взорвался. «Стад дю Рудуру» сравнительно невелик, он вмещает около 16 тысяч зрителей, но за ним возвышаются многоэтажки, с которых видно поле, и балконы были переполнены людьми. Ликовали и наблюдавшие за игрой оттуда, и зрители непосредственно на трибунах. Я никогда не слышал и не видел ничего подобного.

Но матч еще не был завершен. На девяностой минуте, после того, как «ПСЖ» упустил отличный момент, я смог замкнуть прострел от Саки – 3:2. Это была победа! Началось форменное сумасшествие: я сорвал с себя футболку, и мы с партнерами устроили триумфальный танец. Вкус той победы был невероятно сладким. Прежде всего для меня лично, поскольку я не забыл их попытки подписать со мной контракт несколькими годами ранее. Во-вторых, я не забивал с самого Рождества и радовался окончанию этой неудачной полосы. Безусловно, победа была важна и для клуба в целом. «ПСЖ» унизил нас четыре месяца назад, и нам хотелось показать этому крупному статусному клубу, что с небольшим «Генгамом» тоже следует считаться. Кроме того, мы стремительно скатывались вниз в турнирной таблице и остро нуждались в победе, чтобы посрамить всех критиков и тех, кто сомневался в нас.

У меня в памяти отпечатался и заключительный матч того чемпионата, выездная игра против «Лиона», хотя и по совершенно иным причинам. Мы только что обыграли на своем поле «Монако» со счетом 3:1. Это был отличный для нас результат наряду с победами над «Марселем» и «Лансом». Наша команда была на подъеме, а после победы над «Монако» (это была наша последняя домашняя игра в этом сезоне) мы усиленно и очень долго праздновали успех в отеле. То была безумная ночка: мы пели, танцевали, выпивали – и в итоге покинули отель немного не в том состоянии, в котором туда заезжали. Как мне помнится, когда я появился дома на следующий день, жена воскликнула: «Что с тобой случилось?» Пожалуй, у меня тогда был не совсем здоровый вид. Тот матч проходил посреди недели, так что уже через день нужно было отправляться в путь для заключительной встречи с «Лионом».

Обыграв «Монако», мы, по существу, обеспечили чемпионство «Лиона», но им все равно хотелось доказать, что они лучшие. В раздевалке незадолго до начала игры мы посмотрели друг на друга, и вдруг кто-то из нас произнес:

– Парни, если мы проиграем семь, восемь или девять-ноль, мы же не будем виноваты, правда? Давайте взглянем правде в глаза: тренер тоже отмечал последнюю победу вместе с нами. Мы

веселились вместе с ним, ведь так? Так что вряд ли он будет на нас в обиде?

– Кто такое сказал? – ответил я. – Мы выиграем сегодня!

Атмосфера была настолько позитивной, а мы были настолько нацелены на победу, что ощущали себя неудержимыми. И «Лион», к всеобщему удивлению, был повержен со счетом 1:4. Флоран Малуда сделал дубль, я также забил два гола. Это была фантастика! Это означало, что мы завершаем сезон седьмыми, всего в трех очках от зоны выхода в Лигу чемпионов. Это было серьезным достижением для нас, учитывая череду наших поражений в середине сезона и борьбу за выживание годом ранее.

Та игра имела особенную значимость, поскольку «Лион» был чемпионом Франции, они играли в Европе, и многие знатоки футбола следили за этим матчем. Естественно, спустя несколько дней и «Лион», и «Марсель» проявили ко мне интерес. А ведь прошел всего один сезон между моим пребыванием на скамейке запасных и возможностью выбирать между этими двумя крупными клубами. «Значит, вот как обстоят дела, – подумал я. – Это очень интересно. Как только какой-то клуб проявляет к тебе интерес, другие тут же замечают это и берут тебя «на карандаш». Твое имя начинает мелькать в газетах, и вдруг оказывается, что все борются за тебя».

Как же я решил, куда именно мне следует переходить? Доверился инстинкту. Все было очень просто. Пап Диуф считал, что в «Марселе» мне будет тяжеловато. Он был честен со мной, заявив, что не уверен, прав ли был клуб в отношении меня. Многие его игроки переходили туда, поэтому он знал, что в этом клубе не так легко адаптироваться. Ожидания там весьма высоки, и конкуренция за каждую позицию очень сильна. Но (и это было большое «но» для меня) это была моя самая любимая команда. Я всю жизнь оставался фанатом «Марселя». Но необходимо было попытаться все обдумать рационально, не позволяя сердцу взять верх над доводами рассудка.

С другой стороны, «Лион» в то время являлся самым профессиональным и самым успешным французским клубом. Кроме того, он завоевывал все больше признания в Европе. Разве переход туда не сулил мне более широкие перспективы? Президент клуба Жан-Мишель Олас был отличным человеком и настоящим джентльменом. Он был весьма умен, и я не мог удержаться от улыбки, вспоминая о нем. Он знал, как правильно строить отношения с игроком. Помнится, он послал красивые цветы моей жене, и ее впечатлил этот жест. «Может, нам стоит поехать в Лион?» – спрашивала она. Олас вел себя очень проницательно, демонстрируя, что клуб заботится о семьях своих

футболистов. Флоран Малуда в итоге перешел именно туда, и отчасти именно это заставило меня задуматься об аналогичном шаге.

Увы, тренер Поль Ле Гуэн не проявлял того же энтузиазма на мой счет. Напротив, он даже не пытался этого скрывать: «Вообще-то, у нас уже есть нападающий такого стиля, и еще один, и, может быть…» – и так далее. Звучало это неубедительно. На мой взгляд, если у кого-то часто проскакивает выражение «может быть», это означает, что он ищет оправдания на будущее, чтобы потом иметь возможность сказать игроку: «Я же говорил, что на самом деле ты не был мне нужен». Мои перспективы в «Лионе» представлялись мне неясными. Президент клуба явно желал заключить со мной контракт, тренер – нет. В прошлом я всегда стремился переходить в те команды, чьи тренеры ясно давали понять, что хотят меня приобрести, поэтому у нас сразу же складывались хорошие отношения.

Напротив, тренер «Марселя» Ален Перрен сам дозвонился до меня и объяснил, какая роль в нынешнем составе мне отведена: «Я хочу, чтобы ты перешел в «Марсель», и вижу тебя основным нападающим команды вместе с Мидо (египетский футболист, с которым они только что подписали контракт)». Он совершенно четко обрисовал ситуацию и дал понять, как я вписываюсь в игровой рисунок. Для меня этого было достаточно. Кроме того, если говорить начистоту, я сделал свой выбор в пользу «Марселя», в том числе, и из-за личных пристрастий. Мне хотелось через много лет оглянуться назад и сказать, что я выступал за «Марсель». Это решение, возможно, было продиктовано чувствами фаната, оно может показаться безумным для всех остальных, но во Франции этот клуб (его еще часто называют «l'OM»[6]) считается легендарным. Я страстно желал стать маленькой частью его истории. Для меня переход в этот клуб был честью, исполнением мечты, которую я вынашивал еще с юношеских лет.

Жан-Мишель Олас не сдавался до последнего в попытках переманить меня к себе, даже после того, как я подтвердил ему, что предпочел «Марсель». Он даже отправил своего специального советника, бывшего нападающего Бернара Лякомба, в Абиджан, где я в составе сборной готовился к отборочным играм на Кубок африканских наций. Мы тепло пообщались в лобби нашего отеля, он говорил убедительно и в завершение беседы оставил в моей комнате футболку клуба «Лион» с 11-м номером и моей фамилией на спине. Это был продуманный шаг, я высоко оценил этот жест.

Но для себя я уже принял решение, и никто и ничто не могли

заставить меня изменить его. Мне было грустно оставлять «Генгам», где у меня появилось столько добрых приятелей. Я завоевал любовь фанатов, что для меня также было очень важно. Но я понимал, что должен использовать появившийся шанс. Мне было 25 лет, и время неумолимо двигалось вперед.

Глава 5
Моя марсельская мечта (2003–2004)…

Генгам – тихий городок в Бретани на северо-западе Франции с населением меньше восьми тысяч человек. Марсель – его полная противоположность: крупный средиземноморский порт, второй город страны, насчитывающий 850 тысяч жителей, известный своей суетой и мультикультурностью. Фанаты «Генгама» съезжаются на его матчи со всех окрестностей. «Марсель» же поддерживается болельщиками со всего света. В то время стадион в Генгаме «Стад дю Рудуру» вмещал 16 тысяч человек, стадион в Марселе «Велодром» – около 60 тысяч. И это всего лишь небольшая часть различий между этими двумя клубами.

Я был в расположении национальной сборной, когда оформлялся трансфер, поэтому смог присоединиться к команде только в конце предсезонных сборов. Забавно, что они проходили в Бретани, недалеко от Генгама. Мне сразу же помогли обжиться на новом месте. Я делил комнату с капитаном команды швейцарцем Фабио Селестини, который снабдил меня полезными сведениями о тренере Алене Перрене и его методах, а также о том, что он представлял собой как личность. Кроме того, он посоветовал мне, как себя вести: просто делать свое дело и оставаться самим собой. Это помогло мне немного расслабиться. Было непривычно повсюду встречать болельщиков «Марселя». Их поддержка показала мне, что популярность этого клуба несравнима с тем, что мне доводилось видеть раньше.

К счастью, внимание не было сосредоточено только на мне. Мидо только что перешел из «Аякса» за 12 миллионов евро, это была рекордная сумма для футболиста из Египта, по этой причине все обратили взоры на него, а не на какого-то парня, только что взятого из «Генгама», чье имя многие до сих пор не могут правильно произнести. Такая ситуация меня вполне устраивала. Я не испытывал внешнего давления, хотя внутренне ощущал. Смогу ли я качественно заиграть в такой команде? Я теперь был частью чего-то большого, и это было для меня в новинку. Я старался не выдавать своего смятения, делал вид, что приспособился к новой обстановке, но все равно чувствовал себя не совсем в своей тарелке – словно лебедь, который выглядит так, будто бы легко, без малейших усилий скользит по поверхности, а на самом деле бешено перебирает под водой лапами. Именно так

я себя вначале и чувствовал – бешено греб незаметно для других, чтобы не отставать от остальных.

Однако я не мог в чем-либо упрекнуть своих партнеров. Они проявили просто удивительное дружелюбие. Я ожидал увидеть команду, состоящую из законченных индивидуалистов, учитывая, кто в ней играл, и предполагал, что многие будут просто делать свое дело, не обращая внимания на то, что чувствуют и думают на этот счет окружающие. Однако реальность опровергла все мои ожидания. На самом деле атмосфера в коллективе для них значила много.

Подтверждение тому имело место на одной из моих первых тренировок с «Марселем». Был август, стояла настоящая жара, и так как я не проходил полностью предсезонку вместе с остальными, то не был как следует готов к нагрузкам. Мы начали беговое упражнение, и я понял, что не справляюсь с общим темпом. Я изнывал под палящим солнцем, пульс у меня зашкаливал, я все больше отставал. Один из защитников, Джонни Экер, заметил это, но вместо того, чтобы оставить меня и продолжать бежать, он попробовал слегка меня приободрить: «Давай, Дидье, давай!» И когда стало ясно, что это не помогает, заставил всех притормозить.

– Ничего страшного, – сказал он. – Мы подождем. Будем бежать за тобой. Ты первый, а мы за тобой.

Вот так все сложилось. Теперь уже я задавал темп. Такое отношение просто поразило меня. В любой другой команде, особенно в низших дивизионах, подобное было невозможно даже представить. Там ты либо плывешь, либо тонешь. И если ты сзади, то ты остаешься сзади, и точка. Никто не будет ждать тебя.

Таким образом, я с самого начала почувствовал, что меня приняли, и это было действительно замечательное ощущение. Мы поладили с Аленом Перреном. Хотя он был требовательным, наряду с этим он был хорошим человеком и хорошим тренером. Безусловно, нужно было внимательно слушать то, что он говорил. Он пояснял, чего он от тебя хотел, а затем передавал тебе ответственность за все, что ты делал. Отныне ты сам отвечал за то, что происходило на поле. «Вы выступаете не для меня, а для себя», – обычно повторял он. Такой стиль я бы сравнил с манерой Гуса Хиддинка. Для Франции в то время это было нетипично, поэтому с некоторыми игроками у него возникали проблемы. Это касалось, прежде всего, тех игроков, которые привыкли больше полагаться на тренера, которые привыкли, что на поле нужно делать только то, что он прикажет. С моей точки зрения, когда ты достигаешь определенного уровня, ты уже обязан сам знать, что тебе следует делать. Тренер задаст для тебя направление работы,

но на поле выходишь именно ты, и за происходящее там тебе нужно брать ответственность на себя. Ты уже должен обладать достаточным опытом, чтобы тебя не приходилось водить за руку.

Со мной стиль работы Перрена сработал – он сдержал слово и поставил меня вперед, в пару к другому нападающему. Он предоставил мне возможность проявить себя. Я тут же начал забивать, еще в предсезонных товарищеских матчах, и сразу вошел в нужный ритм.

Жизнь полна странных совпадений. В первой игре чемпионата нам предстоял выездной поединок против «Генгама», моего прежнего клуба, на стадионе «Стад дю Рудуру». Еще чернила не успели высохнуть на моем контракте, а я уже вернулся в Генгам – и думал о том, как обыграть свою прежнюю команду. Забить мне в этот раз не удалось, но было нелегко видеть своих бывших партнеров и многочисленных болельщиков, тепло поприветствовавших меня, когда я сделал первый шаг на поле. Я старался держать при себе свои эмоции, по крайней мере, до окончания матча, в противном случае я просто не смог бы сконцентрироваться на игре и как следует выступить. Однако мне следует быть честным: хотя покидать «Генгам» и было грустно, меня вдохновлял тот факт, что теперь я игрок «Марселя».

Мне дали мой любимый 11-й номер. В прошлом под ним играл легендарный Эрик Кантона, поэтому право носить его (вместе с моим именем на спине футболки) вызывало у меня теплые чувства. В первый раз я буквально вылетел на поле «Велодрома», обуреваемый счастьем и стремлением проявить себя. Я с трудом сдерживался. Помню, как я увидел огромный баннер на одной из трибун с моим изображением и подписью снизу: «Дрогба, забивай для нас».

Скандирование моего имени фанатами на каждом матче, прекрасный огромный стадион, славная история клуба и чувство причастности к ней – все это никогда не переставало вдохновлять и мотивировать меня. Иностранцы, подписывая контракт с «Марселем», очевидно, понимают, что приходят в большой клуб с историей, но если ты вырос во Франции, то для тебя «l'OM» имеет особое значение. Ожидая в туннеле перед началом очередного матча выхода на заполненный фанатами 60-тысячный стадион, я всякий раз испытывал какие-то совершенно удивительные чувства. Мне вообще все казалось почти нереальным: что я ношу эту светло-синюю футболку, что выбегаю на эту потрясающую арену. Это ощущение нереальности происходящего не покидало меня, по существу, весь тот сезон, который я провел в этом клубе. Каждую игру я проводил так, стовно она была первой. Каждую игру я воспринимал как нечто особенное.

Свой первый гол я забил в августе на выезде против «Ланса», а в следующем туре я забил первый гол уже на нашем стадионе – тогда мы обыграли «Сошо». Вскоре я начал праздновать забитые мячи специальным танцем, который называется «купе-декале». Он популярен в Кот-д'Ивуаре, а также в ивуарийской общине во Франции. Исполняется он в сопровождении национальной поп-музыки. Этот танец стал моим фирменным знаком, и мои фанаты в течение сезона полюбили его.

Вскоре после победы над «Сошо» настал черед еще одной важной вехи в моей карьере – речь идет о групповом этапе Лиги чемпионов УЕФА. Мы попали туда в августе, победив в отборочном матче «Аустрию» из Вены. Мы выиграли не очень убедительно, но прошли дальше, а это главное. К нам в группу попались «Партизан» из Белграда, «Порту» и могучий мадридский «Реал». Стартовать предстояло в сентябре с матча на «Сантьяго Бернабеу». В испанской команде была собрана целая плеяда звезд мирового футбола (это было даже курьезно), начиная с капитана команды Рауля, потом шли Зидан, Роналдо, Фигу, Касильяс и, наконец, Дэвид Бекхэм, который только что перешел туда из «Манчестер Юнайтед» за весьма внушительную сумму.

Это было нереально: мне предстояло играть на одном из главных стадионов мира в самом престижном европейском турнире. Раньше я смотрел игры Лиги чемпионов дома с друзьями по вторникам или средам. Мы усаживались перед телевизором, ели пиццу, смеялись и шутили, угадывая, какая команда сегодня победит. Потом звучал гимн Лиги… Я вспомнил все это, выходя на то поле в Мадриде, выстраиваясь в шеренгу рядом со всеми этими звездами и слушая этот гимн. Я испытывал удивительное чувство, по моему телу пробегал холодок. «Я сделал это, я здесь!» – думал про себя, сам до конца еще не веря в это.

Удивительно, но вместо благоговейного страха меня переполняла легкость и какое-то странное спокойствие. Я верил в свою команду и в то, что смогу соответствовать уровню игроков в этой группе. Возможно, я наслаждался происходящим еще и потому, что наконец достиг вершины европейского футбола, хотя всего тремя днями ранее я опасался, что мне придется пропустить этот матч. Я подвернул лодыжку во время тренировки, и буквально за день до игры, когда мы проводили предыгровое занятие уже на стадионе соперника, продолжал ощущать боль. Но мне повезло. Я успел восстановиться ровно к назначенному времени. В противном случае на поле я бы не вышел – я никогда так не делал. И для меня почти не стало неожиданностью то, что на 26-й минуте мне удалось забить первый гол. Вне себя от

счастья я побежал праздновать к угловому флажку. Наши многочисленные болельщики тоже радовались и торжествовали, а вот что касается фанатов «Реала» – это была совсем другая история. Я расслышал из их толпы легко узнаваемое «обезьянье» уханье. Его издавала небольшая группка зрителей, но слышно их было отчетливо. Меня это шокировало. Никогда не забуду, как в тот момент, пусть я и радовался забитому мячу, в голове пронеслась мысль: «Ничего себе! Как же так: у «Реала» – и такие болельщики?!»

Игра окончилась победой «Галактикос» со счетом 4:2, но мы уходили с поля, чувствуя, что сыграли хорошо. Это придало нам уверенности перед встречей со следующим соперником, и «Партизан» дома мы просто разгромили – 3:0. Я вновь открыл счет и в целом был доволен тем, как выступил сам и как выглядела наша команда.

Друзья безостановочно звонили и писали мне сообщения, начиная с мадридского матча. Мои родители и родственники не из тех, кто слишком поддается эмоциям, но мои друзья не могли сдерживать свое возбуждение: «Лига чемпионов! Не могу поверить, что ты там играешь! Как оно вообще?» Как и они, я тоже не мог поверить в это. И тоже не мог скрыть тот факт, что я сам крайне удивлен: «Ну, на самом деле это, скажем так… здорово!» А потом я заливался смехом. В «Лиге 2» действительно игралось тяжелее из-за того, что основное внимание уделялось физической подготовке. В Лиге чемпионов же прежде всего ценится техника, хладнокровный расчет, умение организовать атаку в нужный момент, футбольное мышление, понимание, когда соперник «просел» и пришел момент перехватывать инициативу. Все зависело от умения «читать» игру, и к тому моменту я уже научился понимать все эти нюансы, поэтому для меня это было естественно и довольно легко.

В последующем нам предстояли две игры подряд с «Порту». Этому клубу в тот год предстояло выиграть Лигу чемпионов, а тренировал его сам Жозе Моуринью (впрочем, тогда еще он не был «сам», а был просто Моуринью). В первой игре (дома) я опять забил, однако оба этих матча мы проиграли: сперва 2:3, а потом, в Португалии, 0:1. Больше всего мне польстили разговоры защитников соперника в первой встрече: я слышал, как они, обсуждая между делом, как можно меня остановить, признали единственным действенным способом удары по ногам. Пожалуй, я делал все правильно, если они считали меня неудержимым. Это был лучший комплимент, который только они могли мне сделать!

В тот раз я впервые встретился с Жозе. Он подошел ко мне в туннеле после завершения игры и в шутку спросил меня на

французском, нет ли у меня братьев или кузенов, которые так же, как я, играли бы в футбол.

– Вообще-то, в Африке много тех, кто играет лучше меня, – отшутился я.

– Однажды, когда я смогу себе это позволить, я подпишу тебя, – сказал он перед тем, как уйти.

Я не стал обращать особого внимания на его слова, но знал, что с помощью своего скаута, прекрасно всем известного Андре Виллаш-Боаша, он продолжал следить за моей карьерой. Андре неоднократно приезжал на матчи с моим участием и отправлял отчеты своему боссу.

Одной из основных причин моих успехов стала физическая форма – она была лучшей, чем когда бы то ни было. И не только благодаря собственно тренировкам. Большую роль в этом сыграли два человека: Стефан Рено и Паскаль Керлу, с которыми я начал сотрудничать в «Генгаме» и которые продолжают помогать мне по сей день (лишь несколько лет назад вместо Паскаля со мной начал работать Матье Бродбек). Вначале они работали с Флораном Малуда, и я тогда поражался, как быстро он приходил в себя после напряженного матча, особенно тогда, когда нужно было вновь играть через три дня. По сравнению со мной он всегда выглядел свежим. Мне же требовалось пять дней для восстановления, что было, конечно же, не совсем хорошо, поскольку, если бы я начинал нормально тренироваться лишь на пятый день, то тренер бы вряд ли включил меня в стартовой состав на следующую игру. Я осознавал, что нужно было что-то делать. И Флоран познакомил меня с этими ребятами, которые помогали ему готовиться, причем не только физически, но также технически и тактически. Я тоже начал заниматься с ними и продолжаю это делать до сих пор.

Стефан – тренер по физподготовке, спортивный физиотерапевт, который специализируется на упражнениях, способствующих профилактике травм и ускорению восстановления после футбольных тренировок. Они включают в себя много упражнений на растяжку. Когда я говорю «много», это значит не 20 минут, а два-три часа или даже больше, если это требуется. Это многочисленные повторения одних и тех же движений, растягивание всех мышц и мягких тканей.

У Паскаля больше академического, научного опыта, у него обширные знания по физиологии, биомеханике и по физической технике – то есть по всему тому, что требуется хорошо знать для выступлений на высшем уровне. В начале нашей совместной работы мы часами смотрели видеозаписи разных матчей, детально анализируя все движения, отборы мяча и те технические

приемы, которые не были заложены в мою мышечную память, потому что я не тренировался с детства на каких-либо футбольных курсах. Я научился использовать незаметные, но оттого не менее значимые компоненты своей игры: как читать «язык тела» моих соперников, причем не только вратарей; как быть уверенным, что уходишь от соперника в нужный момент; как оставаться вне зоны его видимости; как успех матча может зависеть от нескольких секунд, когда тебе удалось перехитрить соперника, сделать необходимый пас или найти зазор в обороне, чтобы просочиться через нее или передать мяч. Все это включало многочасовой анализ, многочасовые занятия после тренировок, многочасовую работу по физической подготовке и упражнения дома на растяжку.

Кроме того, я еженедельно посещал остеопата. Некоторые считали эти визиты излишними и бессмысленными, но я был твердо убежден в той пользе, которую они приносили. И это подтверждалось фактами: с тех пор как я нанял остеопата в конце своего пребывания в «Генгаме», моя физическая форма существенно улучшилась, результативность выросла, а футбольная карьера пошла в гору.

Моя «фитнес-команда» никогда не вмешивалась в то, что происходило в клубе, а также в концепцию тренировок. Она всегда стремилась работать сообща с тренерами и помогать мне становиться лучше именно в интересах клуба. Аналогичного подхода, кстати, придерживались и баскетбольные суперзвезды – такие, как Майкл Джордан и Коби Брайант, которыми я всегда восхищался: у них были собственные физиотерапевты. Сейчас такая практика стала модной среди игроков многих клубов высшего дивизиона.

Реалии футбола таковы, что даже в лучших командах может быть три физиотерапевта, а игроков – от 22 до 24. Даже если эти физиотерапевты – лучшие из специалистов, они способны уделить каждому футболисту максимум 10–20 минут, после чего им нужно переключаться на следующего игрока. В большинстве случаев им приходится применять методику, подходящую для среднестатистического игрока. Я же понимал, что мой организм (если только я хотел полностью раскрыть свой потенциал), который постоянно травмировался с ранних лет, нуждался в более специфичной, более точечной помощи.

Таким образом, моя «фитнес-команда» последовала за мной в «Марсель» (а затем и в «Челси»), и эта дополнительная работа приносила свои плоды и мотивировала меня продолжать усилия в данном направлении. Мне всегда приходилось упорно работать над тем, чтобы расти как футболист. Я первым был готов

признать, что не обладал выдающимся талантом, но я мог видеть, что мое усердие действительно помогало достигать необходимого уровня – такого, которого от меня все ожидали.

К сожалению, что касалось результатов команды, то они не соответствовали имевшимся ожиданиям. Прошлый год клуб закончил на втором месте. Новый сезон тоже начался для него хорошо, на какое-то время в сентябре мы даже возглавили турнирную таблицу, но в дальнейшем положение стало ухудшаться. В группе в Лиге чемпионов мы завершили игры третьими, не сумев пробиться в плей-офф, и одновременно упустили возможность участия в чемпионате Франции. Ален Перрен каким-то образом потерял доверие команды и перестал с нами общаться. После того как наш действующий вратарь Ведран Рунье раскритиковал тактику команды на матче с «Мадридом», в аренду из «Манчестер Юнайтед» был взят Фабьен Бартез. Не знаю, была ли связь между этими событиями, но если да, то оставалось лишь удивляться. В любом случае к началу зимнего перерыва было очевидно, что между рядом игроков и Перреном существуют определенные трения. Не самым благоприятным образом сказывался также тот факт, что наш капитан был травмирован. Помню, как я однажды сказал одному из помощников главного тренера, что в команде нет авторитетного игрока, к которому можно было бы обратиться за советом, кто мог бы повести за собой – в общем, нет настоящего лидера. Он повернулся ко мне и заявил: «Что ж, тебе придется им стать!» Мне? Стать лидером «Марселя»? Да бросьте! Однако в конце концов я понял, что у меня не было другого выхода, и, признаться честно, я чувствовал себя достаточно естественно в роли человека, который должен был объединить коллектив. Я стал устраивать после тренировок совместные ланчи с некоторыми игроками или как бы ненароком приглашал их на обед, чтобы парни могли просто побыть вместе, и мы, таким образом, восстановили в команде нормальную атмосферу. Это было забавно. Нам пришлось узнать друг друга получше, поближе познакомиться с семьями своих партнеров, и все это существенно помогло в период нестабильности, когда в тренере ощущалась нехватка лидерских качеств.

Отставка Перрена в начале января, когда после одного из поражений мы опустились на 6-е место, всерьез расстроила меня, поскольку я всегда уважал и продолжаю уважать этого человека. Его уход, однако, меня не удивил: мы чувствовали, что он приближался, на протяжении нескольких последних недель. Шокировало меня лишь то, что все было обставлено достаточно грубо. Впрочем, уже тогда начинал привыкать к тому, что в футболе это считалось вполне нормальным. В то время мне

казалось, что ему было высказано недостаточно благодарности и признания за все, что он сделал для клуба. Ведь, в конце концов, перед этим он впервые за четыре года вывел клуб в Лигу чемпионов, а до этого команда в турнирной таблице шла сразу же вслед за «Лионом». Но этого, очевидно, было недостаточно, и наши посредственные результаты осенью в сочетании с атмосферой в раздевалке сделали его дальнейшее пребывание в «Марселе» невозможным.

На его место был назначен тренер резервной команды Жозе Аниго. Рожденный и воспитанный в Марселе, он был близок к фанатам, жил и дышал атмосферой клуба и в плане общения являлся более прямой, более открытой, более дружелюбной личностью. Жозе сразу же установил контакт с игроками и вдохнул в нас новую жизнь. Я быстро дал ему понять, что, несмотря на огорчение от ухода Перрена, полностью предан делу и готов продолжать выполнять свою работу. В прошлом я уже достаточно настрадался от того, что уважаемый мною тренер покидал команду, а ему на смену приходил человек, находившийся не в восторге от меня или от стиля моей игры. Поэтому я был настроен показать ему, что он может на меня рассчитывать и что ради команды я готов на все. Как результат, мы смогли быстро найти общий язык. Наступил момент для нового старта – и для меня, и для всей команды.

Глава 6
…и как она закончилась

Итак, мы вылетели из Лиги чемпионов, но, попав в Кубок УЕФА, хотели показать новому тренеру, владельцу клуба и болельщикам, что можем хорошо выступить там. Новым капитаном стал алжирец Брахим Хемдани. Меня стали привлекать к организации разминки перед тренировками, а я сам продолжал усилия объединить команду. Учитывая, что этот сезон был для меня первым в клубе, казалось странным, что мне в команде уже отводили столь значимую роль. У меня не было опыта игры в клубах высшего дивизиона, чтобы я мог заявить: «Парни, послушайте-ка, в «Ювентусе», или в «Барселоне», или в «ПСЖ» мы делали так-то и так-то». Но я регулярно выступал на командных собраниях, ко мне обращались остальные и спрашивали, если игра не складывалась: «Что теперь нам следует делать?» Даже более опытные футболисты начали искать у меня помощи и совета. На поле мое влияние достигло такого уровня, что один из моих партнеров, Филипп Кристанваль, однажды подошел ко мне и откровенно заявил, что я – тот, кто сплачивает команду, и если я играю хорошо, все и остальные тоже хорошо играют. И это называется: «Никакого давления?!»

Я проводил много времени на тренировочной базе «Ла Коммандери», где регулярно общался со всеми, кто работал в клубе, чтобы они почувствовали сопричастность к общему процессу, чтобы дать им чувство принадлежности к большой семье. Для меня это было и остается важным фактором. Мы, игроки, имеем честь играть за великие клубы, поэтому наш долг – демонстрировать любовь и всячески помогать тем, кто в них работает. Их редко благодарят и не всегда замечают, но их вклад в успех клуба очень велик.

Моя роль в клубе (как и мои старания на поле, где мой счет голов продолжал расти) не осталась незамеченной со стороны фанатов, и к началу 2004 года моя популярность выросла настолько, что я не мог сделать и шага из дому, не собрав вокруг себя толпы. Каждая попытка прогуляться до ближайшей булочной за багетом для завтрака растягивалась на полчаса. Болельщики скандировали мое имя, брали у меня автографы или делали мое фото (еще на старые телефоны с плохими камерами, до эпохи селфи). Все это было для меня абсолютно новым. Сначала мне это нравилось, я наслаждался вниманием к себе, но со временем меня все чаще стала посещать мысль: «Стоп! Хватит! Это не для меня, я

больше не хочу этого. Я не хочу, чтобы моя семья терпела это. Почему люди кричат при виде меня, чуть ли не попадают в аварии, когда видят меня в соседней машине (несколько раз именно так чуть не случилось)?» Ситуация выходила из-под контроля, а мне так жить не хотелось. Мне хотелось сказать им: «Я не тот человек, которого вы желаете видеть во мне. На самом деле я простой парень. Я обычный человек из Кот-д'Ивуара. Я не заслуживаю вашего преклонения».

В клубе работал спортивный психолог, и я решил обратиться к нему. Я рассказал ему, что происходит и как это начинает на меня влиять. Он объяснил, что мне нужно найти способ поглощать это внимание, принимать его. Он также дал понять, что это не просто часть ответственности за возможность играть в большом клубе вроде «Марселя», это неизбежный побочный эффект от того, что ты добиваешься успеха, здесь или в любой другой команде. Я не мог прожить остаток своей жизни, устранившись от этого, закрывшись в скорлупе. Моя жизнь менялась, и нужно было принять данный факт, как есть. Главное, следовало сосредоточиться на собственной игре, поскольку в этом случае результаты не заставили бы себя ждать, и голы бы порадовали болельщиков. Это оставалось приоритетом: стремиться хорошо выступать, чтобы все остальные тоже оставались довольны. Мне понадобилось некоторое время, чтобы переварить сказанное психологом, но в конечном счете я понял, что он пытался донести до меня, и стал свыкаться с мыслью, что успех влечет за собой ответственность по отношению к другим и к самому себе. Это не всегда было легко соблюдать год за годом, но, по крайней мере, я кое-что уяснил на этот счет, и это стало первым шагом на пути к примирению с той жизнью, которой я живу сейчас.

В «Марселе» мне было суждено провести всего один сезон, но я был настолько предан клубу и болельщикам, что до сих пор, когда люди узнают, что я провел там такой короткий промежуток времени, они искренне удивляются: «Всего год? Мы были уверены, что ты был там лет пять!» Это означает, я что-то оставил там после себя. Я получил большую моральную поддержку от фанатов, и сам, будучи фанатом «Марселя», хотел дать им в ответ все, что только мог. Я забивал за «Генгам» и высоко ценился там и партнерами, и зрителями, но в «Марселе» все было совершенно иначе. Здесь мне помогли вырасти. «Марсель» – клуб, где я наконец-то стал мужчиной и лидером.

Чтобы быть честным, я был не единственным лидером в клубе. Фабьен Бартез, появившись там, тоже играл роль лидера. С Фабьеном подписали контракт в октябре, однако ему нельзя было

играть до января. У него была исключительно высокая репутация. Он был чемпионом мира 1998 года, чемпионом Европы 2000 года, только что помог «Манчестер Юнайтед» выиграть Премьер-лигу. Он сразу стал любимцем болельщиков, тем более что появление в «Марселе» было для него не первым: он уже весьма успешно играл здесь в 90-х годах. Фабьен был не из тех, кто болтает попусту. На собраниях он сидел и прислушивался к мнениям остальных. Подобно крестному отцу, он сначала выжидал, пока выскажется каждый, а затем произносил всего несколько слов – и остальные ему внимали. Иногда я вкратце записывал то, что он говорил или делал во время собраний, чтобы потом мы могли обсудить ту или иную проблему вместе. Фабьен никогда не стремился стать центром внимания, но все равно каким-то образом умудрялся управлять коллективом. Он оказал на меня серьезное влияние, и я многому научился за те несколько месяцев, которые мы провели в одном клубе.

По жеребьевке нам в соперники в 1/8 финала Кубка УЕФА достался «Ливерпуль», возглавляемый тогда Жераром Улье. Меня и так не особо-то надо было мотивировать, но мысль об игре на стадионе «Энфилд» на глазах у «Копа» в мой 26-й день рождения (11 марта) заставила меня отнестись к первой игре как к чему-то особенному. О каком же подарке я мог больше всего мечтать? Забить гол, конечно же, что я, собственно, и сделал. Тот мяч стал первым, забитым французской командой в Ливерпуле за последние 27 лет (последний раз это удалось сделать в марте 1977 года «Сент-Этьену»). Тогда тренером был Боб Пэйсли, а за команду выступали легендарные Кевин Киган и Эмлин Хьюз. Таким образом, мне довелось стать первым игроком из нового поколения, который забил там гол в футболке французской команды. После матча, завершившегося вничью, 1:1, вся раздевалка наполнилась эхом от того, что мне хриплыми голосами пели поздравление: «С днем рождения!» Этот момент Улье и его парни не смогли оценить (так же, как и присоединиться к нам). Но это было неважно, в моей памяти от того дня остались только положительные воспоминания, как и от многих других, когда приходилось играть против «Ливерпуля».

Благодаря победе (2:1, решающий гол я забил с пенальти) в ответной встрече мы прошли в следующий тур, где переиграли миланский «Интер». В обоих матчах мы выиграли, я забил важный гол, единственный в домашней игре. Нам снова удалось одолеть одну из самых сильных европейских команд, за которую тогда выступали Фабио Каннаваро и Кристиан Вьери.

Теперь между нами и финалом Кубка УЕФА стоял клуб «Ньюкасл Юнайтед», и мы знали, что его талисман Алан Ширер,

божество Тайнсайда[7], сделает все возможное, чтобы обеспечить своей команде победу над нами. Ему было уже 33 года, но он оставался невероятно результативным и сильным футболистом. В гостях нам удалось сдержать их и добыть нулевую ничью, ставшую личным разочарованием для меня: я попал в перекладину и не смог использовать пару отличных моментов. Зато мы, по крайней мере, сохранили хорошие шансы.

В преддверии домашнего поединка, несмотря на небольшую боль в паху, я чувствовал в себе необычайное спокойствие и решимость. Я знал, что нужно делать. Я взвалил на себя большую ответственность, однако понимал, как сильно остальные рассчитывают на то, что я выступлю хорошо и принесу клубу столь желанную победу.

Мои молитвы были услышаны, и я забил два очень важных гола, по одному в каждом тайме – то, о чем я мечтал еще ребенком. Нам удалось пробиться в финал на глазах у безумно довольных болельщиков. Тысячи и тысячи фанатов наводнили той ночью улицы Марселя, вовсю гудели машины, все размахивали флагами, танцы и песнопения продолжались до утра, многие местные жители исполняли мой коронный танец – «купе-декале».

Через три дня после победы над «Ньюкаслом» нам предстояла игра на выезде с «Монако». Тренер решил предоставить мне отдых, потому что до финала оставалось всего 10 дней, но уже через 15 минут после начала игры мы проигрывали 0:1, и он выпустил меня в надежде, что мне удастся изменить игру (как оказалось, зря). Мы защищались, последовал навес от углового, я выпрыгнул, и защитник сильно, пусть и неумышленно, ударил коленом мне в бедро. Я сразу же почувствовал, как меня пронзила боль, и, как только приземлился, понял, что мои дела весьма плохи. От боли у меня потемнело в глазах, я не мог двигаться. Мою ногу на какое-то время буквально парализовало.

Меня сразу же отвезли в больницу в Монако, однако снимки и рентген ничего не показали. Тем не менее следующие пять дней я не мог ходить. Чтобы заглушить боль, мне регулярно делали противовоспалительные инъекции, однако по мере приближения финала главным становился фактор времени.

Чтобы понять, насколько важен был тот финал (не только для клуба, но и для всего города), упомяну, что утром перед отъездом команды на игру в Гётеборг, где нас ждал чемпион Испании «Валенсия», некоторые из нас посетили католическую базилику Марселя Нотр-Дам-де-ла-Гард. Это одна из главных достопримечательностей города, расположенная высоко на холме и хорошо видимая даже в окрестностях города. Считается, что она

стоит на страже города и его жителей, поэтому я тоже пришел, чтобы в качестве подношения подарить одну из своих игровых футболок – в надежде, что это обеспечит нам немного божественной помощи в предстоящем матче. Это был уже не первый визит такого рода. В 1993 году команда предприняла такой же шаг перед финалом Лиги чемпионов, в котором мы играли с «Миланом» в Мюнхене. Так или иначе, мою футболку охотно приняли, и сейчас она висит (заключенная в рамку) рядом с вымпелом «Марселя» справа от входа в базилику, но достаточно высоко, чтобы удержать желающих сорвать ее оттуда!

Несмотря на боль при каждом рывке и игру наполовину от своих возможностей, я неплохо начал финал. Впрочем, довольно скоро мне попало локтем от аргентинца Роберто Айялы, и я упал на газон. Мы действовали лучше в начале матча, но «Валенсия» успешно отбивалась, и вскоре игра выровнялась. Неожиданно на исходе первого тайма Фабьен Бартез сбил в штрафной центрального нападающего соперников, Мисту. Судья Пьерлуиджи Коллина решил, что нога Фабьена была поднята слишком высоко, и удалил его с поля. На мой взгляд, это единоборство не было столь уж грубым. Учитывая принципиальную важность матча и тот факт, что не прошла и половина игры, Коллина, как мне кажется, показал красную карточку ошибочно и тем самым убил игру. Но Коллина в то время являлся наиболее авторитетным судьей в футбольном мире, и в ответ на мои жалобы он был непреклонен, заявив, что у него не было другого выбора, кроме как неукоснительно следовать правилам. В любом случае «Валенсия» забила с пенальти, и в игре, по существу, была поставлена точка. Через 15 минут после начала второго тайма нам забили еще один мяч. У нас также были возможности забить, и мы отчаянно боролись, но так и не смогли отыграться.

Надо признать, что в то время «Валенсия» под руководством Рафы Бенитеса, проводившего последний сезон перед уходом в «Ливерпуль», была очень хороша. Но хотя в целом они выглядели лучше, мы чувствовали, что могли бы обыграть их, будь я в лучшей форме и сложись ряд обстоятельств в нашу пользу. Однако нашей мечте завоевать кубок не суждено было сбыться, и это стало большим разочарованием для наших игроков и болельщиков.

В том сезоне оставалось сыграть один матч, последний тур «Лиги 1». Мы находились на седьмом месте, гораздо ниже желаемого, но команда, с которой нам предстояло встретиться, находилась в отчаянном положении и была решительно настроена на победу. Ей нужна была только победа, иначе она

вылетала из дивизиона. С кем же нам предстояло играть? С клубом «Генгам». Это было удивительное совпадение. Я играл против них не только в своем первом матче за «Марсель», но также и в последнем. И моей новой команде предстояло вершить судьбу прежней. Мягко говоря, для меня это была не самая комфортная ситуация, но нужно было оставаться профессионалом и играть так, словно меня не волновало название соперника. Я не забил в том матче, но мы обыграли их 2:1, отправив на следующий сезон в «Лигу 2». После матча я обнял своих бывших партнеров, у некоторых из них катились слезы. Я вспомнил, как двумя годами ранее, в конце моего первого сезона в клубе «Генгам», нам тоже пришлось до последнего тура сражаться за выживание. Тогда мы победили, сейчас же им не повезло, и я действительно сочувствовал им: в конце концов, такое вполне могло произойти и со мной.

По итогам сезона я был признан, по версии UNFP (французский аналог Ассоциации профессиональных футболистов), лучшим футболистом Франции. Это стало для меня огромной честью. Когда я услышал эту новость, я был просто поражен. Казалось, только вчера я сидел на скамейке запасных в «Ле-Мане», и оттого получение такой награды было удивительно. Хотя, действительно, я забил в том сезоне 32 гола и стал третьим бомбардиром лиги (первое место занял Джибриль Сиссе из «Осера»). Думаю, что отчасти награда досталась именно мне потому, что я был новичком для французского футбола. Кроме того, очевидно, сказалось то, что я внес большой вклад в выступление своего клуба в еврокубках: я забил шесть голов в Лиге чемпионов (несмотря на «вылет» «Марселя» после группового этапа) и пять голов в Кубке УЕФА, в котором я забивал в каждом туре, кроме финала.

Эта награда весьма порадовала меня, учитывая, что я, 26-летний, был уже далеко не юношей. Но я никогда не забывал, что остаюсь частью команды и своим успехом обязан своим партнерам. Ни один игрок не может быть лучше или значимей своей команды. Последующее развитие событий показало мне, что, как бы игрок ни был успешен, лоялен и привязан к команде, ни один клуб не поставит эти качества между собой и предложением, заманчивым для игрока.

Впервые об интересе ко мне со стороны других клубов я услышал в марте или апреле 2004 года. Дело было после пресс-конференции (не помню уж, по какому случаю), когда один французский журналист подошел переговорить со мной.

– До меня тут дошли слухи, будто бы один английский клуб сделал тебе предложение.

– Действительно?

– Да, и на очень серьезную сумму! И будто бы твой клуб готов тебя отпустить.

– Не принимайте это всерьез, я никуда не собираюсь уходить, – ответил я в шутку. – Даю слово.

Я просто не воспринял сказанное тем парнем всерьез. Я занялся дальше своими делами и даже не стал задумываться на этот счет. Когда же все получило огласку, я мысленно возвращался к тому короткому разговору и думал: может быть, уже тогда клубы обсуждали детали моего трансфера? Жозе Моуринью в то время еще не возглавил «Челси», но, вполне возможно (помня о его интересе ко мне), он уже тогда сообщил клубу о желании заключить со мной контракт – не в качестве непременного условия, лишь при выполнении которого он готов присоединиться к «Челси», а скорее, как один из своих планируемых первых шагов. Кто знает?

В самом конце сезона я продлил контракт с «Марселем». Что касается меня, то когда я делаю это, то чувствую обязательства перед клубом. Иными словами, я не привык к такому повороту: подписал – и потом отправился, куда захотел. В начале июля я находился в Камеруне на весьма важном отборочном матче к Чемпионату мира и давал интервью, обсуждая связанные с «Марселем» планы на предстоящий сезон: чего я хотел бы достичь, насколько сильно желал побить рекорд Жан-Пьера Папена, забившего за один чемпионат 30 голов, как мне хотелось стать величайшим игроком в истории клуба, чтобы помочь ему выиграть лигу, и так далее.

После матча, выигранного Камеруном со счетом 2:0, ко мне в гостиничный номер зашел Пап Диуф. Теперь он являлся генеральным менеджером «Марселя» и не мог более оставаться моим агентом. Его визит меня весьма удивил, так как обычно он никогда не посещал моих игр за сборную.

– Нужно поговорить, – сразу же объявил он. Я понятия не имел, почему вдруг так срочно ему понадобился. – Одна команда сделала предложение по твоей покупке, и «Марсель» готов его принять. Это будет означать для тебя очень хорошую зарплату.

– Но я не хочу уходить. Я только что подписал новый контракт, и для меня «подписал» означает «подписал». Я не собираюсь никого вводить в заблуждение.

– И все же тебе придется уйти, потому что этого хочет клуб.

– Что за клуб?

– «Челси».

– Я не хочу уходить. Я дал слово. Я никуда не собираюсь уходить.

– Да, но президент готов принять решение уже сегодня.

– Меня это не волнует. И дело даже не в деньгах. Я не хочу никуда переходить. Можешь сказать президенту, что, даже если «Челси» удвоит мою зарплату в сравнении с нынешней, я все равно не собираюсь уходить. Я не хочу!

И на этом мы расстались. Что касалось меня, то разговор был окончен.

Я был сильно взволнован и очень зол. Я чувствовал, что меня загнали в угол, поймали в ловушку, предали. Эта новость просто огорошила меня. Я попросту не мог поверить в то, что мне только что сказали, не мог в то время воспринять это.

На следующий день я улетел в Париж. Как только я приземлился, я сразу же направился к ближайшему газетному киоску купить «Экип», ежедневную спортивную газету, – и увидел заголовок передовицы: «Дидье Дрогба уходит» – или что-то вроде этого. «Возьми себя в руки. Возможно, я что-то упустил!» – подумал я про себя.

Когда я вновь разговаривал с Папом, он убедил меня принять это предложение, поскольку возможность была слишком хороша, чтобы упускать ее. Это обеспечило бы меня и мою семью в финансовом отношении на всю жизнь. Я вновь попытался объяснить ему, что для меня деньги не являлись решающим фактором. Для меня быть частью семьи, которой являлся для меня наш клуб, было важнее, чем зарабатывать баснословные суммы. Собственно говоря, я подумывал о том, чтобы стать игроком одного клуба, «Марселя», как, например, Паоло Мальдини был игроком одного лишь «Милана». Пожалуй, из-за того, что на протяжении всего детства я регулярно переезжал и жил в отрыве от родителей, моим главным желанием стал поиск стабильности и принадлежности чему-то важному, и в семье «Марселя», как я полагал, это как раз и может произойти. Но теперь (в очередной уже раз) вновь приходилось переезжать. Я позвонил Жозе Аниго, нашему тренеру.

– Что происходит, Жозе?

– Боюсь, мне нечего сказать.

Судя по всему, ему дали инструкцию ничего не говорить, хотя я был абсолютно уверен, что потеря ключевого центрфорварда перед новым сезоном его должна была серьезно расстроить.

Я не мог обсудить это даже с женой, потому что, как я обнаружил, я не мог объективно оценивать преимущества и недостатки сложившейся ситуации. Когда мы обсуждали мои трансферы в прошлом, решение всегда было простым и давалось легко. Каждый раз, покидая клубы («Левалуа», «Ле-Ман», «Генгам»), я грустил от того, что приходилось уходить, но

чувствовал готовность к переходу на новый уровень. Теперь же, когда мы окончательно обустроились (у нас был уютный домик с видом на море, дети были счастливы, климат был прекрасный), я предлагал всем сняться с насиженного места и отправиться в неизвестность. Нам предстоял переезд в другую страну, на языке которой никто из нас не говорил, и мы не имели ни малейшего понятия, как там все сложится. Жена всегда поддерживала меня, но я знал, что она не будет гореть желанием переезжать. В конце концов, она никогда не бывала в Англии, и для нее это было серьезным шагом.

Как только я вернулся в Марсель, я прямиком направился на встречу с президентом клуба Кристофом Буше. Я вновь заявил, что не хочу никуда переходить:

– Через два-три сезона – да, возможно, но именно сейчас я не готов.

– Что ж, хорошо, но, видишь ли, мы не уверены, получим ли через год или два такое же предложение, – отметил он. Теперь мне все стало ясно.

– То есть вы считаете, что я буду не в состоянии играть в дальнейшем так же, как играл в этом сезоне? Вы думаете, что мне в этом сезоне просто повезло, и хотите теперь на этом заработать? Ладно, если вы так думаете, тогда, я полагаю, ваше решение окончательное, и я перехожу в другой клуб.

Одним предложением он выдал всю подноготную. Для меня этого было достаточно. Он дал понять, что на самом деле он не верил в меня. Психологически мне всегда было важно чувствовать, что те, для кого я играю, в меня действительно по-настоящему верят. Таким образом, мне оставалось только уйти. Не имело значение, какой именно клуб желал меня приобрести: «Челси», «Милан», «Ювентус», «Реал Мадрид», – это было все равно. Я чувствовал себя преданным, словно получил удар в спину, когда услышал, как Буше изложил эту ситуацию.

К тому моменту сделка была практически оформлена, оставалось лишь уладить отдельные детали. Сумма трансфера составляла 37 миллионов евро, примерно 24 миллиона фунтов стерлингов по курсу того времени. Тогда Жозе Моуринью подвергли критике за то, что он потратил такую сумму на неизвестного нападающего из Франции, но он ответил следующим образом: «Судите меня, когда он будет покидать клуб». Некоторые из моих бывших клубов (в том числе, «Ванн» и «Туркуэн», за которые я играл еще мальчишкой, а также «Левалуа» и «Ле-Ман») получили от трансфера определенные проценты. «Левалуа», к примеру, досталась весьма внушительная, по их меркам, сумма: 675 тысяч евро (около 450 тысяч фунтов

стерлингов), что помогло им, среди прочего, построить новый стадион, в котором клуб остро нуждался.

В качестве отступления скажу, что я был польщен, когда они назвали этот стадион в мою честь. В октябре 2010 года мне было приятно принять участие в церемонии его открытия, а также сыграть против некоторых из ребят, которые теперь там занимаются. Я случайно встретил там одного из своих бывших тренеров, Сребренко Репчича, который существенно помог мне в футбольной карьере и оказывал поддержку, когда моя жизнь складывалась тяжело. Очень важно, что любительские клубы живы, именно там ты получаешь важные уроки как по части футбола, так и в жизни в целом. Ты учишься в них делиться с партнерами, быть частью коллектива, уважать своих коллег и полагаться на них. Иногда в профессиональном спорте эти ценности утрачиваются.

Вскоре на стадионе «Велодром» была организована пресс-конференция, на которой мне предстояло попрощаться с клубом. На всем ее протяжении я с трудом сдерживался, чтобы не расплакаться. Я с трудом выдержал присутствие на собственной пресс-конференции и все попытался осознать, что же произошло в последние 24 часа. Преодолевая волнение, я бормотал какие-то банальные слова о том, какой прекрасный шанс мне выпал, однако мои интонации явно расходились со сказанным, учитывая, что я переходил в более сильный клуб с лучшими перспективами и на бóльшие деньги. Я должен был бы улыбаться, но вместо этого сидел, ссутулившись, опустив голову, не желая ни с кем общаться и вообще страшно недовольный из-за этой пресс-конференции.

Затем я зашел в раздевалку и, испытывая на душе боль, начал плакать. Было такое ощущение, словно меня оттолкнули от себя. Клуб действительно сказал мне: «Тебе нужно уходить!» Делая выбор между деньгами и мной, они выбрали деньги. Мысли об этом были настолько мучительны, что я был крайне расстроен и подавлен. Я в последний раз вышел на поле. Там не было ни одного фаната, скандировавшего мое имя, стояла невыносимая тишина. Я развернулся и, по-прежнему весь в слезах, покинул столь любимый мною клуб. Я не мог возвращаться в таком состоянии домой, поэтому сел в машину и просто поехал куда глаза глядят. Я проехал вдоль красивого берега, добрался до пляжа и уселся там прямо на песок, готовый провести так целые годы. Я пытался понять, что же со мной произошло. Все случилось слишком быстро. Пресс-конференцию назначили, когда еще не были согласованы последние детали контракта, и я его даже официально еще не успел подписать. Но сделка уже считалась

совершенной, поэтому и решили объявить о моем уходе. Я начал понимать, что футбол – это бизнес, и с этим невозможно было бороться. Мне оставалось лишь принять это как данность, как нечто неизбежное.

Когда я вернулся домой, был уже вечер. Мой агент Тьерно Сейди как раз остановился у меня, поскольку рано утром мы должны были вылететь в Англию для подписания контракта. Сам я был не в состоянии сложить необходимые вещи, за меня это сделала моя жена. Посреди ночи, так и не сумев заснуть, я неожиданно встал и спустился к Тьерно вниз и сказал ему: «Я не собираюсь уезжать, я не вижу в этом ничего хорошего. Поговори с моей женой, я никуда не уезжаю!» Внутренне я понимал, что уже слишком поздно отступать, но меня выводила из себя мысль о том, что я утратил контроль над собственной судьбой. Именно это и вызвало вспышку гнева. Кроме того, какая-то часть меня цеплялась за мысль о том, что теперь я стал свободным агентом. Я больше не принадлежал «Марселю», но не принадлежал и «Челси». Может быть, я могу подписать контракт еще с каким-либо клубом? По правде, тогда «Челси» не значил для меня ничего. Конечно, я знал, что это большой клуб, что туда – к восторгу руководства клуба – только что перешел Жозе Моуринью и что у «Челси» большие амбиции. Но для всех живущих и играющих во Франции главной английской командой, за которой все следили, был «Арсенал», поскольку в его составе было много французов или франкоговорящих игроков. Большое значение имело также то, что тренером там был Арсен Венгер. Этот клуб иногда называли двадцать первой командой «Лиги 1». Он только что завершил сезон 2003–2004 годов без единого поражения в чемпионате. Но хотя «Челси» и стал вторым в Премьер-лиге, этот клуб не значил ничего особого для большинства футболистов из Франции.

Моя истерика была недолгой. Рано утром я сел на частный самолет владельца «Челси» Романа Абрамовича и прибыл в аэропорт «Фарнборо». Роман Абрамович был уже там, чтобы поприветствовать меня вместе с Жозе Моуринью, который сразу же дал мне почувствовать себя комфортно, обратившись на французском, одном из многих языков, которыми он владел:

– Как себя чувствуешь, мой друг? Ты отличный игрок. Но если ты хочешь стать великим футболистом, тебе нужно играть у меня. «Марсель» – хороший клуб, но, чтобы стать лучше, тебе нужно играть за очень сильную команду, такую как «Челси». Именно поэтому ты и должен играть у меня!

Он ясно дал понять, что видел во мне потенциал и хотел видеть меня в своем клубе. Я почувствовал, что могу ему

доверять, поэтому моя первая реакция была следующей: «Хорошо! Думаю, я нашел того, кто меня понимает». Его доверие было именно тем, что я желал увидеть. Поэтому теперь я был готов подписать этот контракт.

Глава 7
Я стал «синим» (2004–2005)

Встреча получилась короткой: все ограничилось рукопожатиями с мистером Абрамовичем и Жозе Моуринью и улаживанием некоторых деталей сделки. Было несколько непривычно обсуждать подписание контракта таким вот образом, но я был настолько поглощен своими эмоциями, что мне в то время было сложно анализировать ситуацию. Пап тоже прилетел, однако он выступал в качестве представителя «Марселя». Было странно видеть его по другую сторону стола.

В тот первый день в Фарнборо, хоть я и провел с Жозе не так много времени, всего несколько произнесенных им слов позволили мне понять, что это был за человек. Уходя, я обнял его, чтобы таким образом поблагодарить. Вспоминая это позднее, он упоминал, что сразу признал наши с ним отношения особыми. Это были не просто отношения между тренером и игроком. Как выразился Жозе, я, переходя в «Челси», навсегда менял свою жизнь. Кроме того, я чувствовал, что мы с ним вместе окунаемся в это приключение под названием «Челси», начинаем в одно время жизнь в клубе, и это связало нас настолько крепко, что отношения между нами сохраняются и сегодня.

Настоящее подписание контракта состоялось через пару недель в Лондоне. Теперь я уже понимал, что остаюсь здесь. Я выбрал футболку с номером 15 (день рождения моего сына Айзека). Одиннадцатый номер по-прежнему принадлежал Дэмьену Даффу. Мы быстро сфотографировались, пожали друг другу руки – и на этом все завершилось. Тьерно и Пап попрощались со мной, пожелали мне удачи – и отбыли в Марсель. Я снова, как это бывало раньше, почувствовал себя ребенком, расстающимся с родителями. Я отнес свои вещи в номер в отеле «Челси Вилладж», расположенном рядом со стадионом. Номер мне достался отличный, с хорошим видом, но в первую ночь мне было очень одиноко. Моя семья осталась во Франции, потому что перед переездом в Англию предстояло еще многое уладить.

Контракт был подписан в конце июля, и уже на следующий день мне нужно было улетать вместе с командой в США на межсезонный тур. Меня представили остальным игрокам в автобусе по дороге к тренировочному комплексу, который в то время располагался возле аэропорта «Хитроу», в Харлингтоне. То

лето выдалось насыщенным в плане трансферов: спустя неделю после моего приезда из ПСВ (Эйндховен) прибыл Арьен Роббен, из «Ренна» – Петр Чех, из бывшего клуба Жозе, «Порту», – Рикарду Карвалью.

Первой проблемой для меня стало незнание английского. Мое владение языком ограничивалось разрозненными предложениями, которые заучиваются всеми французскими детьми в школе. Самые известные из них – это абсолютно бессмысленный обмен репликами: «Где Брайан?» – «Брайан на кухне». Как и следовало ожидать, эти фразы толком так и не пригодились мне в первые недели моего пребывания в новом клубе.

Я залез в автобус и пошел по проходу, пожимая встречающиеся руки, словно в первый день в новой школе (а уж у меня-то был в этом накоплен достаточный опыт). Я увидел несколько знакомых лиц: французы Клод Макелеле и Вильям Галлас, камерунец Жереми и Петр Чех, игравший против меня в составе «Ренна». Хотя я не был знаком с ними лично, все равно я чувствовал себя с ними комфортно, поскольку они говорили на французском. Я уселся рядом и бóльшую часть дороги в США провел вместе с ними.

На следующий день после приезда состоялась моя первая тренировка с командой. Как обычно в такой ситуации, я внимательно осматривался, ничего не говорил и пытался понять, что происходит, как устроена работа в коллективе и что за люди его составляют. На глаза мне попался один высокий паренек, который выглядел очень молодо, а двигался и вел себя так, что я подумал, будто он из резерва. «Интересно! – подумал я. – Очевидно, его вызвали, чтобы он получил необходимый опыт, тренируясь с основным составом». В конце занятия я спросил одного из игроков, кто этот юный парнишка. «Это капитан команды! – ответил тот, засмеявшись. – Джон Терри». Вот насколько плохо я знал эту команду – не смог узнать даже ее молодого капитана!

Первая же тренировка открыла мне глаза на многое. Помню, как я поднимался в автобус с кроссовками в руках, полагая, что они мне скоро понадобятся.

– Куда это ты с ними собрался? – спросил меня тренер.

– Разве мы не будем бегать? – удивился я.

– Бери бутсы, – ответил он, – ты ведь играешь в футбол. Все, что я делаю, предусмотрено для игры и имеет отношение к игре. А во время игры не носят кроссовок!

Для меня это было в новинку. Во Франции во время межсезонной подготовки считалось нормальным пробежать 5–10

километров, зачастую через лес, для повышения выносливости. Только после этого мы могли ненадолго притронуться к мячам. Я всегда ненавидел кроссы, и у меня нередко бывали проблемы с бегом на длинные дистанции. Жозе выстраивал тренировки иначе (так, как он делал это в Португалии), и его методы были откровением для всей команды. Мы выполняли много специфичной игровой работы: совершенствовали игру в пас, отрабатывали единоборства, бег, ускорения, изменение направления движения. Во Франции это скорее выглядело так: «Хорошо, ты должен быть физически готов, чтобы играть». Здесь же упор делался именно на футбольную подготовку. Не требовалось никаких многокилометровых забегов. Кому-то может показаться, что подход, который предполагает бег на выносливость, изматывает сильнее, и поэтому он лучше. Однако в действительности это гораздо скучнее и, на мой взгляд, менее эффективно. По методике Жозе работать приходилось усердней, чем во время пробежки трусцой в течение часа или больше. Здесь не было возможности увильнуть: требовалось постоянно следить за мячом, выполнять внезапные ускорения, постоянно менять направление. В плане аэробной и анаэробной работы это было более энергозатратно, но зато и гораздо интересней.

Первые три или четыре занятия складывались тяжело, лишь немногие из нас были готовы к такой работе. Но я наслаждался тренировками, так как находил в них много нового, стимулирующего. Сам тренер существенно отличался от всех, с кем я сталкивался раньше. Когда мы не тренировались, он смеялся, шутил, разговаривал с нами. Но как только начиналась тренировка, он сразу же становится крайне серьезным. Вне всякого сомнения, он был настроен завоевывать кубки, поэтому во время занятий он не позволял нам работать спустя рукава.

Когда я подписал контракт, Моуринью пообещал, что после турне мне дадут короткий отпуск, поэтому по возвращении из Америки я съездил на неделю навестить семью. Предполагалось, что это будет идиллия, но на самом деле эти каникулы получились худшими в моей жизни: я не мог думать ни о чем, кроме предстоящего сезона, поэтому никак не мог расслабиться.

Вернувшись после каникул в команду, я с удивлением обнаружил, что тренировочная база в Харлингтоне совершенно не соответствовала тому, что ожидалось от клуба Премьер-лиги с большими амбициями. Практически все требовалось изменить, поэтому Роман Абрамович, владевший клубом второй сезон, уже сделал инвестиции в инфраструктуру своим приоритетом, и на следующий год мы переехали на тренировочную базу в Кобхэм. К тому времени материальная база, которая использовалась

«Челси» с 70-х годов, настолько устарела, что явно нуждалась в ремонте. Порой мы заканчивали тренировку и обнаруживали, что не было горячей воды. Даже в «Генгаме» с этим было лучше.

В отличие от нынешних условий, «Челси» не мог похвастаться и в отношении помощи игрокам в обустройстве на новом месте, и я это сразу же почувствовал. Гари Стакер, менеджер по взаимодействию с футболистами, старался, как только мог, но, говоря начистоту, на него свалилось слишком много работы. А ему требовалось подобрать мне варианты с жильем и ознакомить меня с окрестностями юго-запада Лондона. В этой связи я либо полагался на советы других игроков, либо делал все самостоятельно. Приходилось нелегко, если вспомнить, что я должен был тренироваться и толком пока еще не владел английским. Нередко после тяжелой утренней тренировки я слишком уставал, чтобы вообще думать о том, как осмотреть кучу домов, учитывая, что я не имел понятия, где мне хотелось бы жить. Поселиться рядом с тренировочной базой в Челси Харбор или вблизи нового тренировочного центра, зная, что относительно скоро мы туда переедем? Помнится, клуб познакомил меня с одним агентом по недвижимости. Довольно быстро стало ясно, что он думал, будто бы моя трансферная стоимость, все 24 миллиона фунтов, попали прямиком в мой карман. Все дома, которые он показывал, не вписывались в нужную ценовую категорию: он предлагал что-то в диапазоне 8–10 миллионов фунтов. Я пытался объяснить, что всего лишь сезоном ранее купил дом в Марселе примерно за 500 тысяч фунтов, но он просто смотрел на меня непонимающим взглядом. Возможно, он считал, что я запутался в курсе валют или при переводе потерял цифру и на самом деле подразумевал 5 миллионов фунтов.

На первое время я остался в отеле «Челси Вилладж», поскольку стадион располагался буквально по соседству с этим отелем. Выглядывая из окна, я видел внизу болельщиков клуба. В дни игр я просыпался в 8 утра, потому что к этому времени они уже приезжали и начинали скандировать. В первые несколько недель жена и дети регулярно приезжали ко мне, хотя им приходилось нелегко, несмотря на то что мы проживали в номере «люкс». Это нельзя было сравнить с домом, а когда у тебя трое детей (Айзеку и Иман было три и два года соответственно, а Кевин стал уже почти подростком), то в такой обстановке долго было не выдержать. В конце концов, после долгих поисков мы нашли хороший дом в десяти минутах от Кобхэма и в пятнадцати – от отличной школы для Кевина. Место было прекрасным, и мы там благополучно прожили вплоть до переезда в нынешний дом

несколько лет назад. Но те первые недели получились для всех нас весьма нелегкими.

От начала первого сезона остались смешанные впечатления – и у меня, и у всей команды. Мне было приятно забить свой первый гол за «Челси» в третьем матче против «Кристал Пэлас», наряду с этим пришлось заново привыкать к силовому футболу Премьер-лиги и жесткости соперников при отборе мяча. Где-либо в Европе после такого фола ты падаешь, и судья показывает желтую карточку. В Англии же после фола ты должен подняться на ноги и пожать сопернику руку! Сейчас мне смешно это вспоминать, но тогда это стало для меня настоящим шоком. Короче говоря, мне понадобилось много времени, чтобы привыкнуть к этому.

Следующий забитый мяч пришлось ждать целый месяц – я забил «Миддлсбро» на выезде. «Челси» изо всех сил старался не отстать от действующего чемпиона, «Арсенала», который начал сезон очень мощно и возглавлял таблицу. В физическом отношении я столкнулся с некоторыми проблемами и в итоге пропустил несколько недель из-за операции на паховых мышцах. Это явно не способствовало укреплению моих позиций в составе команды. Кроме того, я по-прежнему скучал по любимому «Марселю». Я убежден, что для того, чтобы показывать свои лучшие качества, нужно психически быть готовым к этому. Я же на старте того сезона определенно не был полностью предан новой команде, и это следует признать. Да и как могло быть иначе, если принимать во внимание обстоятельства, сопутствовавшие моему трансферу?

Осенью у «Челси» дела наконец-то пошли в гору, и к началу ноября мы заняли первое место в турнирной таблице, которое уже до конца сезона никому не отдавали, тогда как у титулованного «Арсенала» начались проблемы.

Несомненно, одно из худших воспоминаний сезона (и для меня, и для всей команды) связано с 1/8 финала Лиги чемпионов на стадионе «Ноу Камп» с «Барселоной». Мы вели со счетом 1:0 и очень хорошо смотрелись. В начале второго тайма у меня произошло единоборство с их вратарем, которое я до сих пор считаю безобидным. И шведский судья, на мой взгляд, ошибочно показал мне красную карточку. Как обычно в таких ситуациях, удаление дало сопернику преимущество, и они в результате выиграли – 2:1. Многие считали, что им здорово повезло.

Впоследствии многие, даже те, кто не относился к числу фанатов «Челси», склонялись к мнению, что меня не следовало удалять, но дела уже было не поправить. Негодование наших болельщиков достигло такого уровня, что судья начал получать

угрозы убийством, что вынудило его отказаться от обслуживания ответного матча (по итогам которого мы в целом победили с общим счетом 5:4).

Я был настроен реабилитироваться в финале Кубка Лиги, в игре против «Ливерпуля» в конце февраля, через четыре дня после моего удаления в игре в Барселоне. Я был благодарен тренеру за то, что он включил меня в состав, – это подтверждало его доверие ко мне, несмотря на случившееся в Испании. Игра в финале была как раз шансом воздать ему за веру в мои способности и доказать болельщикам «Челси», на что я способен в важных играх. К тому же это была для меня первая возможность выиграть хоть какой-то трофей. Ведь я никогда не играл за команды, которые брали все кубки подряд (хоть на любительском, хоть на профессиональном уровнях), поэтому тот матч многое для меня значил, и я ощущал особое давление.

Это давление испытывала и команда в целом. Как подметил перед началом сезона тренер, можно было пересчитать по пальцам одной руки тех из нас, кто выигрывал хоть один серьезный турнир, в особенности чемпионат страны. Поэтому, чтобы показать соперникам, что мы являемся силой, с которой необходимо считаться, нужно было начинать завоевывать кубки.

Несомненно, груз ответственности довлел и над «Ливерпулем». Их тоже возглавлял новый тренер, Рафа Бенитес, поэтому получалось, что одной командой руководил недавний обладатель Кубка УЕФА, а другой – победитель Лиги чемпионов. Конечно, такое совпадение добавляло остроты противостоянию этих двух людей и их команд. Противоборство данных тренеров, кстати, продолжается и до сего дня.

Финал, проводившийся на стадионе «Миллениум» в Кардиффе, начался для нас просто ужасно: Йон-Арне Риисе забил уже через 45 секунд после стартового свистка, и тот гол стал самым быстрым в истории финальных матчей турнира. Мы толком даже не успели войти в игру и как следует настроиться, а уже надо было отыгрываться. Но мы продолжили бороться. Преимущество во владении мячом было за нами, однако сравнять счет никак не удавалось.

Приближалась заключительная десятиминутка, мы заработали штрафной. Исполнять его пошел Паулу Ферейра. Последнее, что я помню из этой сцены, – это то, что Стивен Джеррард направил мяч затылком в собственные ворота. Ужас для них – и гигантское облегчение для нас! Тот гол, вероятно, стоил двух, так как внезапно воодушевил нас, заново подарил нам надежду и позволил контролировать игру еще более уверенно. В добавленное время мы продолжали оказывать

давление на противника, но в первом тайме никто не смог забить победный мяч. И после перерыва я наконец-то забил, переправив мяч в сетку с близкого расстояния. Этот гол стал первым из девяти, забитых мною в финальных матчах за «Челси». Это был момент искренней радости и шанс искупить вину за игру с «Барселоной», показав каждому, что на меня можно рассчитывать в ключевых играх. Спустя пять минут мы закрепили победу голом Матеи Кежмана, и хотя через минуту «Ливерпуль» отыграл один мяч, для него было уже слишком поздно, нас было уже не догнать. Итоговый счет – 3:2.

По целому ряду причин та победа была для нас особенной. Мы только что уступили в двух важных играх подряд (в Барселоне и ранее в пятом туре Кубка Англии в игре против «Ньюкасла») и, несмотря на сохранение лидерства в чемпионате, чувствовали себя выбитыми из колеи. Завоевание этого кубка стало лучшим способом расставить все по своим местам, вернуть уверенность в себе и объявить футбольному миру, что с нами теперь необходимо считаться. Это также наметило смещение баланса сил между нами и «Арсеналом», наиболее успешным из наших лондонских соперников на тот момент. С момента, когда в ноябре мы обошли их в турнирной таблице, чаша весов склонилась в нашу пользу, и до сих пор ситуация остается прежней. Выигрыш кубка вполне определенно стал тем символом, с помощью которого мы ясно дали это понять всем остальным.

С того момента мы стали необычайно сильны. Конечно, это было большое разочарование, когда «Ливерпуль» отомстил нам за утрату Кубка Лиги победой над нами в полуфинале Лиги чемпионов (которую они впоследствии выиграли в историческом финале в Турции). Однако следует помнить, что мы проводили тот матч спустя несколько дней после другой незабываемой победы – выигрыша командой «Челси» первого титула чемпионов Премьер-лиги. Не могу сказать, оказало ли это какое-то влияние на то, что мы не смогли ни разу забить на «Энфилде» после нулевой ничьей в первом туре на «Стэмфорд Бридж».

В любом случае, на наш взгляд, завоевание чемпионства в гостевой игре с клубом «Болтон Уондерерс» остается одним из наших наиболее красочных воспоминаний. Это стало большим психологическим достижением для команды, которая раньше никогда не выигрывала данный титул. Для меня этот момент стал ключевым во всей моей карьере. Я уже завоевывал индивидуальные награды во Франции, даже в Африке («Лучший гол сезона», «Игрок года» и прочие), но никогда не выигрывал командных кубков. Теперь у меня их было уже два, включая чемпионство в лиге, победа в которой считается самой трудной в

футбольном мире.

Насколько я помню, Жозе перед началом сезона совершенно четко говорил нам: если мы будем делать то, что он говорит, играть так, как он требует, и безоговорочно ему верить, то мы выиграем чемпионат. Наверняка. Именно из-за таких высказываний его считают надменным человеком. Хотя дело тут не в этом, а в уверенности. Если мы выигрываем все матчи против команд ниже классом, а также выигрываем или играем вничью против своих прямых конкурентов, то титул наш. Логика проста. Это кажется банальностью, но я не думаю, что каждый тренер мыслит в том же ключе или как минимум может так все разложить по полочкам и объяснить простым языком. В том сезоне мы сделали все именно так. Мы не только обыграли всех, кто ниже уровнем, мы также в обеих встречах (дома и на выезде) одержали верх над «Манчестер Юнайтед» и свели к ничьей два матча с «Арсеналом». В конечном итоге мы проиграли лишь один поединок за целый сезон – в гостях у «Манчестер Сити» – и выиграли титул с рекордными 95 очками. Даже наши критики были вынуждены признать это достижение.

Вспоминая свой первый сезон в Премьер-лиге, я могу сказать, что он запомнился рядом положительных моментов, но было и довольно много разочаровывающих падений. Переезд в Англию сложился трудней, чем ожидалось. Нужно было ко многому адаптироваться в языковом плане и в отношении командного стиля игры, моей семье также нелегко было приспосабливаться к новой обстановке. Мне не удалось впечатлить фанатов своим вкладом в игры. Мой счет по итогам чемпионата насчитывал скромные 10 мячей (16 во всех турнирах), что намного меньше, чем у обладателя «Золотой бутсы» Тьерри Анри – 25 мячей (31 во всех турнирах). Я получал различные травмы, которые затрудняли мое вхождение в команду, и не имел достаточно времени в начале сезона, чтобы как следует приспособиться к английской футбольной культуре.

Меня, например, шокировали жесткие манеры Премьер-лиги, та скорость, с которой играли все матчи, неделя за неделей. Первую неделю я чувствовал себя в клубе, как брошенный в воду щенок, когда нам пришлось сыграть три игры подряд. Во Франции такое случается редко. В Англии – несколько раз каждый сезон. Конечно, если у тренера достаточно большой состав, он может часто менять футболистов. Однако в дело постоянно вмешиваются травмы, поэтому даже при длинной скамейке запасных некоторым игрокам приходится выходить, несмотря на усталость и недостаточную готовность. Как результат, в Англии такое понятие, как «игра через боль», –

вполне распространенное явление.

Упор на физическую подготовку – это еще один элемент, поразивший меня в английском футболе в первом сезоне, хотя я уже и успел в какой-то степени познакомиться с ним годом ранее, играя в составе «Марселя» против «Ньюкасла» и «Ливерпуля». Мне хорошо запомнился один эпизод с вбрасыванием аута. Я попытался рвануться навстречу мячу, как вдруг откуда-то появился защитник и врезался в меня. Я, ошеломленный, покосился на него, потом бросил взгляд на судью, ожидая свистка – никакой реакции, надо было продолжать играть! Во Франции это было бы стопроцентным нарушением, но только не в Англии.

Но калечат друг друга игроки все-таки нечасто – мало кто боросается в борьбу очертя голову. Как правило, в борьбу вступают, руководствуясь неким расчетом. С одной стороны, повреждения – это часть спорта, от которой никуда не денешься, с другой – никто не хочет получать травмы. Я лично никогда не «убирал ноги» из-за опасения сломаться. Когда ты видишь, что против тебя собираются идти в отбор, всегда есть способы избежать проблем, и ты сам не идешь в отбор, если не уверен в его целесообразности, хотя, конечно, не всегда ситуацию можно оценить правильно.

В моем первом сезоне были, впрочем, и положительные моменты. Партнеры очень тепло встретили меня, а Вильям Галлас, Клод Макелеле и Жереми – в особенности. Они стали мне отличными друзьями. Мы часто смеялись по разным поводам, проводили вечера вместе, играя в покер в отелях в разных уголках страны, когда были на выезде. Мой английский постепенно улучшался, поэтому я все лучше общался с остальными.

Ярче всего запомнились два поднятых над головой кубка. Они явно помогли компенсировать те трудности, с которыми я продолжал сталкиваться и которые были связаны с адаптацией к английскому футболу. Завоеванные трофеи поддерживали во мне силы продолжать карьеру, потому что временами я задавался вопросом: удастся ли мне преуспеть в Англии и в этом клубе? Победа в Кубке Лиги была настолько важной для клуба, что перед ответным матчем с «Барселоной» в Кубке чемпионов мы провели презентацию кубка для фанатов. Я тогда был дисквалифицирован, но помню, что выходил на поле вместе с командой для того, чтобы показать болельщикам кубок. Они выглядели счастливыми. Подобные моменты давали мне силы и воодушевление, чтобы продолжать работать.

Глава 8
Уйти или остаться? (2005–2006)

Я надеялся, что во втором сезоне буду чувствовать себя комфортней, чем в первом, как в личном, так и в профессиональном плане. Два гола, забитые мной в открывавшем сезон матче за Суперкубок Англии против «Арсенала», казались практическим идеальным началом. Лучшего я не мог и пожелать.

Летом Жозе Моуринью вернул из аренды в «Милане» аргентинского нападающего Эрнана Креспо. Когда-то тот был одним из самых дорогих футболистов, поскольку в 2000 году «Лацио» приобрел его у «Пармы» за 56 миллионов евро (около 35,5 миллиона фунтов стерлингов), и славился своим умением забивать голы. Вначале я был вполне доволен этим шагом, но вскоре стало очевидным, что тренер умышленно сталкивает нас, организуя между нами конкуренцию. Вместо того чтобы использовать нас вместе, он предпочитал в той или иной мере чередовать нас. Я играл один матч, забивал, а затем Эрнан играл следующий матч. Или же практиковалась следующая схема: один из нас выходил в начале игры и покидал поле во втором тайме, если нам не удавалось забить. В следующей игре мы менялись местами. Думаю, он пытался так замотивировать нас обоих добиваться лучших результатов и активнее работать, чтобы опередить своего конкурента. Нам этого никогда никто не объяснял, но где-то после трех игр мы оба поняли, что происходит и что нам нужно делать.

Когда все это случилось, мы поладили друг с другом, так что доходило даже до того, что мы посмеивались над всем происходившим. У нас не было никакого чувства соперничества, и даже наоборот. Например, если я забивал гол в какой-либо игре, Эрнан подходил ко мне и говорил: «Здорово! Это была отличная игра!» В следующем матче играл и забивал уже он, и наступала моя очередь обращаться к нему со словами: «Парень, как ты умудрился забить такой классный мяч?!»

Впрочем, в конце концов такая ситуация стала разочаровывать нас обоих. Для меня всегда было лучше играть регулярно. В этом случае я находил нужный ритм и поддерживал себя в тонусе. Кроме того, тренер довольно часто использовал схему 4–3–3 и с ее помощью добился победы во многих важных матчах. Когда ему хотелось быть немного консервативным, то он

отдавал предпочтение этой модели. Однако у него в составе имелись игроки, с которыми можно было использовать схему 4–4–2, хорошо подходившую мне. Однажды я решил встретиться с ним, чтобы переговорить по этому вопросу.

– Жозе, – сказал я, – понимаешь, мне очень тяжело так играть. Я нападающий, и я не забиваю достаточно голов, потому что постоянно нахожусь между двух защитников, а это очень трудно.

Кроме того, я больше месяца отсутствовал, играя на Кубке африканских наций, где мы были очень разочарованы результатом, поскольку в финале в серии пенальти мы уступили Египту. Как бы сильно я ни любил этот турнир (поскольку представлять свою страну для меня всегда было честью), необходимо отметить, что для меня он являлся дополнительной нагрузкой, так как из-за него каждые два года я не мог играть полный сезон. Я доигрывал до конца декабря, а затем пропускал игры в течение всего января и в начале февраля. Помню, перед отъездом Жозе шутил, желая мне «хороших каникул». Полагаю, это означало, что меня будет не хватать и что он бы не хотел, чтобы я уезжал. В любом случае в феврале я вернулся в клуб крайне уставшим, и это было неудивительно. Во время моего отсутствия Эрнан Креспо забил много голов, так что, по существу, мне предстояло вновь бороться за место в составе, и игра в одиночку против двух защитников – не лучший способ для этого.

Одно из многочисленных необходимых качеств тренера – это способность выслушать игрока, и именно его Жозе и продемонстрировал. Он выслушал мое мнение по поводу того, как меня следует использовать, и, как мне хочется думать, принял это к сведению. В любом случае он явно все взвесил, поскольку вскоре решил изменить схему и поставить меня вместе с Креспо вдвоем впереди по схеме 4–4–2. Как только он это сделал во второй половине сезона, я стал регулярно выходить на поле с первых же минут, и, как результат, пришли голы. Постепенно я начал чувствовать себя как в «Марселе». Новая система обеспечила мне больше свободы, вернула уверенность и комфорт.

К сожалению, несмотря на то что стал чувствовать себя на поле более свободно, я по-прежнему не ощущал изменения отношения к себе со стороны фанатов: они меня не принимали. В начале марта «Барселона» выбила нас из $^1/_8$ финала Лиги чемпионов, что очень расстроило болельщиков и всех в клубе, учитывая тот факт, что в прошлом году клубу удалось добраться до полуфинала. В обоих матчах мы снова использовали схему 4–3–3, и либо я менял Креспо, либо он меня – и это не сработало, поскольку никто из нас не смог забить. Перед этим мы

сенсационно рано вылетели из Кубка Лиги, проиграв в октябре «Чарльтон Атлетик», поэтому теперь могли рассчитывать только на Кубок Англии и защиту чемпионства в Премьер-лиге.

В марте две игры за короткий промежуток времени почти поставили под вопрос мои успехи за целый сезон и заставили меня всерьез задуматься о происходящем. Прежде всего речь идет о нашей игре с «Фулхэмом» на стадионе «Крэйвен Коттедж». Этот клуб отчаянно сражался за выживание, что с самого начала определило исключительную важность матча. Болельщики «Фулхэма» пришли в ярость, когда через пять минут после начала игры в пользу их команды не назначили одиннадцатиметровый (как показал повтор, это решение было верным). Впрочем, на 17-й минуте они забили и выглядели гораздо лучше нас, что вынудило Жозе Моуринью решиться на кардинальные перестановки: убрать Джо Коула и выпустить меня играть вместе с Эрнаном Креспо. Ко второму тайму, действуя теперь по схеме 4–4–2, мы смогли нормально сыграться.

Я получил от партнера длинную передачу, обработал мяч, побежал вперед, обыграл их вратаря Кроссли и забил гол, полагая, что сравнял счет. Но тут на поле начался хаос: игроки «Фулхэма» окружили судью, Марка Дина, и заявили, что я подыграл себе рукой. Учитывая позицию Дина относительно того места, где находился я, он не мог разглядеть, что произошло на самом деле. Сначала он засчитал гол. Затем, когда болельщики и футболисты «Фулхэма» уже начали сходить с ума, он обратился к своему помощнику, переговорил с ним и отменил гол. Сделал ли он это под влиянием тех обстоятельств? Он утверждал, что нет. Независимо от того, правильным ли было его решение или же нет, оно было именно таким, и в прессе я подвергся резкой критике. На этом противоречия в матче не завершились: на 90-й минуте Вильям Галлас был удален с поля за неправильный отбор мяча у одного из нападающих «Фулхэма».

Если тот эпизод показался мне ужасным, то это было ничто по сравнению с тем, что случилось в последующем. Мы играли на выезде против «Манчестер Сити», и я никогда не забуду ни тот матч, ни события после его окончания. Сама игра началась для нас неплохо. Мы выглядели лучше, хотя и не могли никак забить. Я действовал впереди вместе с Эйдуром Гудьонсеном, и на 30-й минуте ему наконец-то удалось сделать мне передачу, позволившую мне забить тринадцатый гол в этом сезоне. Все складывалось замечательно. Мой второй гол случился уже спустя три минуты, когда я «выстрелил» буквально с пяти метров. Как и в игре с «Фулхэмом», моментально начались споры. Защитники «Сити» утверждали, что я подработал себе мяч рукой. Они

настолько разозлились, что их капитан Сильвен Дистен продолжал спорить с судьей Робом Стайлзом даже после свистка на перерыв, за что ему была показана желтая карточка. Поскольку у него уже была одна карточка за протесты после моего гола, вторая означала удаление с поля.

Но это было еще не все. В конце матча мы с защитником «Сити» Ричардом Данном «запутались» друг в друге. Я обводил его, он попытался развернуться и поскользнулся, после чего его рука прошлась по моему лицу, и одним из пальцев он попал мне прямо в глаз. Мне было настолько больно, что я не мог продолжать игру. Я лежал на газоне и извивался всем телом. Глаз начал распухать, и мне было действительно трудно подняться и продолжить игру. На трибунах не знали, что именно произошло, тем не менее все начали неодобрительно гудеть, причем не только фанаты «Сити», но и наши болельщики вместе с ними. Я был ошеломлен. Не мог поверить, что дело дошло до такого: меня освистывали мои собственные фанаты. Я бы понял их, если бы не показывал хорошей игры, но я отдавал клубу всего себя, я делал все, что было в моих силах, чтобы заручиться поддержкой болельщиков. Перед финальном свистком было сделано объявление о том, что меня признали лучшим игроком матча – и это вновь вызвало гул на трибунах. Какая ирония: лучшего игрока матча невзлюбили сразу обе стороны. Меня это сильно ранило.

Средства массовой информации, разумеется, чуть не сошли с ума. Была ли рука? Правда ли тебе попали в глаз? Журналисты горели желанием услышать, что я им скажу. Репортер программы «Матч дня» телеканала Би-би-си вскоре после игры загнал меня в угол, желая знать, что же произошло на поле. Он говорил очень быстро. Мне было крайне сложно поспевать за ним, поскольку мой английский, несмотря на некоторый прогресс, все еще был не так хорош. Стремясь в запале быть честным (и одновременно будучи наивным), я совершил ошибку: на его вопрос, была ли игра рукой, я ответил: «Да, это была игра рукой». Но я также добавил по поводу матча с «Фулхэмом»: «Это лишь часть игры. Я пытаюсь забить, и если судья видит игру рукой, мы начинаем заново. Он этого не увидел, и для меня это часть игры».

Затем он спросил, симулировал ли я. И вот здесь из-за недопонимания при переводе произошла накладка, не в первый и не в последний раз. Итак, я ответил: «Иногда я симулирую[8], а иногда продолжаю стоять. В футболе нереально постоянно стоять. Я не строю игры на одних рывках, я играю в свою игру. Если моя игра не устраивает, и никто не хочет, чтобы я играл, я не играю». Не стоит и говорить, что в прессу попала лишь первая часть высказывания. Ее буквально растиражировали. До тех пор, пока

фраза «Иногда я симулирую» не приклеилась ко мне ярлыком.

Этот болезненный эпизод открыл мне глаза на жестокость британских СМИ. Раньше я давал интервью только специализированным спортивным изданиям вроде «Экип» или «Франс футбол». Как и телерадиожурналисты, они всегда освещали лишь текущие игры, ничего лишнего. Они не занимались никакими противоречивыми или сложными вопросами. Британские средства массовой информации были совершенно другими. Мне пришлось пройти этот тяжелый урок. Мой ответ оказался в заголовках новостей во всевозможных источниках: в телепередачах, на радио, в печатных изданиях, в Интернете.

Отвечая на вопросы, я также не учел того, как уровень моего английского мог повлиять на интерпретацию моих слов и влиял на мой образ в глазах прессы. Мой английский по-прежнему был слишком «французским», слишком неестественным. У меня не было такого большого словарного запаса, как сейчас, не было способностей точно выражать свои мысли. Если бы мне пришлось отвечать на французском, то была бы совсем другая ситуация: я бы смог объяснить свою позицию более ясно. В тот же момент я просто пытался отвечать как можно короче, чтобы не увязнуть в длинных предложениях, и зачастую чувствовал скованность из-за недостаточного знания языка. И это, безусловно, повлияло в тот день на мою способность выразить свое мнение.

Однако, к чести Арсена Венгера, он заступился за меня, заявив, что я находился в центре повышенного внимания, но ему импонировало мое отношение к делу. Он добавил: «Это не тот футболист, который играет нечестно. Его тоже пихают и бьют, но никто этого не видит».

Я тогда согласился с ним и сейчас придерживаюсь того же мнения. Все нападающие, особенно те, кто, как и я, сделали футбольную карьеру за пределами Англии, играли в такой же манере. Это было нормой, и я не делал ничего особенного по сравнению с другими, но однозначно приковывал к себе повышенное внимание. Кроме того, как упомянул Арсен, обо мне думали: «Он высокий, он сильный», – поэтому мне иногда нужно было в несколько большей степени продемонстрировать, что на мне фолят. Я признаю, что привыкание к английской манере игры и к английской футбольной культуре заняло у меня определенное время, поэтому проблема с «нырками» (в первые пару сезонов) возникала достаточно регулярно. Но в конечном итоге я адаптировался и стал в этом отношении более умелым и сильным игроком.

В любом случае после матча с «Манчестер Сити» я был сыт

всем этим по горло и решил поговорить со своим агентом, Тьерно, и с Папом Диуфом.

– Мне здесь не нравится, я подавлен, – сказал я им. – Команда хорошая, мы выигрываем кубки и титулы, но я не уверен, что захочу здесь оставаться и дальше.

Они оба выслушали меня, и, как я понял, почувствовали себя в определенной степени ответственными за ситуацию, в которую я попал, поэтому не стали сразу же отвергать мои жалобы.

Я поговорил и с женой. Я всегда прислушиваюсь к ее мнению. Она никогда не навязывает мне его и ни на чем не настаивает, но перед принятием решения, чтобы знать, как будет лучше для семьи, я учитываю то, что говорит она.

– Тебе тут непросто, – сказала она. – Нам всем тоже. Но мне кажется, что детям здесь нравится, так что…

Она дала понять, что поддержит любой мой выбор, но надеется, что мы сможем все вместе остаться в Англии. Я выслушал ее и решил остаться. Оглядываясь назад, я понимаю, что это было лучшим решением для всех нас. У руководства «Челси» был план развития, были определенные амбиции. Мы теперь тренировались на новой базе в Кобхэме, и хотя на первых порах приходилось пользоваться временными сборными постройками, новые корпуса, построенные вскоре, были просто замечательными. Было ясно, что владелец клуба готов полностью поддерживать нас и делать все возможное для нашего комфорта, чтобы обеспечить нашу успешную игру на поле. Кроме того, я теперь не сидел на скамейке: я регулярно играл, забивал и понимал, что вписываюсь в планы тренера на будущее. Мне оставалось только завоевать расположение болельщиков.

В этой связи у меня появился план. Во-первых, мне надо было как следует отдохнуть сразу же по окончании сезона. Затем мне надо было отправиться на чемпионат мира в Германию и выступить как можно лучше за сборную, после чего сделать все возможное, чтобы хорошо отработать межсезонную подготовку. Межсезонная подготовка определяет практически все. В большинстве случаев, когда сборы складывались для меня успешно, хорошо складывался и весь сезон. Хорошая межсезонная подготовка включает в себя прилежные тренировки, отсутствие каких-либо травм, способность не изнуряться на занятиях, а также способность не поддаваться капризам своего тела, а самому диктовать ему ту интенсивность, с которой ты собираешься работать. Этим летом я собирался провести именно такую межсезонную подготовку впервые с момента присоединения к «Челси», какую я всегда хотел, а не ту, которую позволял мне собственный организм.

Таков был мой план. Однако кое-какие изменения в нем наметились уже в следующем матче, против «Вест Хэма», всего спустя два дня после всех проблем с «Манчестер Сити». Победа со счетом 4:1 вполне удовлетворила меня, поскольку мне удалось полностью проявить себя на поле. Мы проигрывали 0:1 и всего через 17 минут остались вдесятером. Это была не лучшая ситуация. Однако довольно скоро я забил важный мяч, сравняв счет, а потом помог забить второй мяч Эрнану Креспо. После игры Жозе Моуринью продемонстрировал, насколько сильно он в меня верил. Он решил заткнуть критиков своим заявлением: «Дидье должен приехать домой, включить телевизор, послушать экспертов, скупить завтра все газеты и проверить, хватило ли здравого смысла всем тем, кто хотел его убить, воздать ему должное теперь». Это, определенно, помогло мне почувствовать себя гораздо лучше!

Наступил апрель, мы все еще имели шанс вновь выиграть кубок. Полуфинал Кубка против наших постоянных соперников из «Ливерпуля» назначили на конец месяца, он должен был пройти на стадионе «Олд Траффорд», поскольку новый стадион «Уэмбли» к тому моменту еще не успели закончить. Утрата формы на новогодние праздники продлилась до середины марта, но теперь мы вновь выглядели хорошо и были готовы сохранить свое чемпионство. Чего действительно хотелось, – так это привезти еще и Кубок Англии. Но, увы, этого не случилось. «Красные» забили два гола, по одному в каждом тайме, я смог отыграть только один, ударом головой на 70-й минуте. У нас были еще моменты, но «Ливерпуль» в тот день был лучше.

Разумеется, все мы были расстроены, но времени долго унывать у нас не было. В следующую субботу нам предстояла важная встреча дома с «Манчестер Юнайтед», и для защиты титула в Премьер-лиге нам хватало ничьей. Но мы были действительно мотивированы и через пять минут после начала матча оказались вознаграждены после того, как Вильям Галлас забил головой после углового удара от Фрэнка Лэмпарда. «Юнайтед» не сдавался, у Руни было несколько возможностей сравнять счет. Игра через некоторое время стала равной и была во втором тайме крайне напряженной вплоть до того момента, когда Джо Коул спустя час игрового времени после сольного прохода забил второй мяч. Это нас успокоило, хотя расслабляться мы не собирались, поскольку «Манчестер Юнайтед» продолжал атаковать вплоть до финального свистка. Третий гол в исполнении Рикарду Карвалью закрепил исход матча, хотя итоговый счет и не отражал того, насколько сильно играли наши соперники.

Сезон опять выдался для меня тяжелым, и я все еще не ощущал признания болельщиков. Пресса, казалось, уже похоронила меня, что уж точно не помогало мне завоевать уважение потенциальных поклонников. Как и в прошлом году, помимо положительных моментов, были и отрицательные, среди которых, конечно же, выделялась игра с «Манчестер Сити». Однако я решил остаться в клубе и сделать все от себя зависящее для того, чтобы исправить ситуацию. Сохранение чемпионского титула в Премьер-лиге помогло мне убедиться в том, что мое будущее действительно связано с «Челси». Празднование победы со своими партнерами в присутствии наших болельщиков и соперников одновременно сделало это чувство еще более сладким.

Хотя чемпионат в завершение сезона был выигран довольно легко (после того матча мы опережали «Манчестер Юнайтед», который занимал второе место в турнирной таблице, на 12 очков), на самом деле побеждать второй год подряд было достаточно сложно. Мы превосходно стартовали, победив в 15 играх из 16. К началу 2006 года у нас было преимущество в 18 очков, и все уже считали нас обладателями титула. Однако затем мы притормозили, наши результаты ухудшились, в то время как ближайшие конкуренты, «Арсенал», «Ливерпуль» и «Манчестер Юнайтед», набрали форму и начали нас догонять. «Манчестеру» удалась даже серия из десяти матчей без поражений, так что после трех побед подряд в апреле над «Вест Хэмом», «Болтоном» и «Эвертоном» мы вздохнули с облегчением, после чего официально защитили свой титул на стадионе «Стэмфорд Бридж».

* * *

К концу сезона у нас еще сохранился гандикап в восемь очков, и нам удалось повторить прошлогодний показатель по количеству побед – 29, поэтому разрыв по результату был вполне комфортным, хотя в последние недели так казалось не всегда. Я понял, что победа ощущается сильнее и приносит больше наслаждения, когда ради нее приходится преодолеть более серьезные препятствия. Наша стабильность продемонстрировала всем, что мы собирались стать постоянным претендентом на титулы. Жозе Моуринью совершенно однозначно мыслил в этом плане, потому что во время празднования он бросил свою медаль победителя Премьер-лиги в толпу, чем сильно кого-то осчастливил. По всей видимости, он планировал побеждать и

дальше…

Глава 9
«Золотой» сезон (2006–2007)

Лето перед началом нового сезона выдалось странным. В Германии проходил чемпионат мира по футболу, куда Кот-д'Ивуар попал впервые в истории. Я не мог дождаться момента, когда приму участие в этом событии, но подробный рассказ о нем изложу позже. К сожалению, турнир принес мне более тяжелый опыт, чем я ожидал, и его итоги в эмоциональном плане выбили меня из колеи – хотя в то время я, пожалуй, этого еще не сознавал.

В «Челси» я пользовался поддержкой Жозе Моуринью и все больше узнавал своих партнеров, а они, в свою очередь, меня (как за пределами поля, так и на нем). Благодаря этому я чувствовал себя в коллективе все более комфортно. В общей сложности я забил 16 голов, из них 12 в чемпионате, и стал в команде вторым по результативности после Фрэнка Лэмпарда (он забил 20 мячей, из них 16 – в чемпионате). Это было очень хорошо, и я был весьма рад за Фрэнка, но в отношении самого себя считал, что выступал ниже своих возможностей, и это меня расстраивало. Я из тех людей, которые внутренне постоянно недовольны собой, и я знал, что мог бы проявить себя лучше – особенно если бы меня чаще ставили в основной состав.

Пресса и некоторые болельщики «Челси» продолжали относиться ко мне критически, и, если говорить прямо, я по-прежнему чувствовал себя не в своей тарелке. Летом один человек помог мне избавиться от всех сомнений и навсегда убедил меня остаться в клубе. Да, Жозе Моуринью всегда поддерживал меня, как и остальные партнеры по команде, но тем человеком, который лично убедил меня остаться, был Фрэнк Лэмпард. Я уверен, что он до сих пор не осознает, какое влияние он оказал на меня тем летом. В один из дней уже после чемпионата мира, находясь с семьей в отпуске в Марракеше, я получил от него сообщение. Это было весьма странно, так как я не мог припомнить, чтобы он хоть раз писал мне в течение целых двух сезонов, которые я провел в «Челси». Я открыл сообщение – и его содержание врезалось мне в память навсегда: «Привет, Дидье Дрогба! Надеюсь, ты остаешься, потому что мы должны вместе выиграть чемпионат и Лигу чемпионов!» Мой взгляд буквально застыл на телефоне. Фрэнк был не из тех, кто много

говорил. Довольно спокойный, тихий человек, он при этом – настоящий лидер, он вел за собой остальных не словом, а делом, подтверждая свое лидерство на поле забитыми мячами. Он и Джон Терри были, по существу, руководителями команды. С этими двумя игроками (а также с Петром Чехом) у меня были особые отношения. Фрэнк был умным парнем, и хотя я никогда не обсуждал с ним свою ситуацию и не делился с ним своими мыслями, он, похоже, все прекрасно понимал. Он просто знал это. Для меня это сообщение стало определяющим. Оно оказало на меня сильное впечатление. Оно показало мне, что во мне нуждались. Нельзя сказать, что команда или клуб раньше не показывали мне этого, просто хотелось, чтобы кто-то сказал мне это лично. И тот факт, что он решил со мной связаться лично, значил для меня многое. Так много (я никому об этом никогда не рассказывал), что я очень долго не менял телефон, чтобы хранить это сообщение! Вот какое значение это имело для меня. И вот что сделал для меня Фрэнк Лэмпард.

Именно с этого дня я раскрепостился как нападающий. Мне удалось в том сезоне стать лучшим бомбардиром Премьер-лиги и выиграть «Золотую бутсу»[9]. Я чувствовал, что был неудержим. Случившееся в тот день наполнило меня чувством свободы, у меня словно выросли крылья, и я смог наконец-то показать, на что я был способен. Необходимость чувствовать свою важность, ощущать, что другие любят и ценят меня, всегда была для меня важным мотивационным фактором, именно поэтому одно-единственное сообщение стало тем самым катализатором, который послужил взлету моей карьеры в «Челси».

Это показывает, насколько важна для игрока психологическая составляющая в его успехе или неудаче. Некоторые думают: «Ты должен просто играть и быть сосредоточенным, неважно, что вокруг происходит». Но, на мой взгляд, это невозможно, для меня это именно так. Футбол – это вид спорта, тесно связанный с эмоциями. Мы же ведь не роботы, а человеческие существа. Мы не способны полностью отделять свои чувства и то, что происходит в нашей жизни, от того, что мы делаем на поле. По крайней мере, лично я не способен на это. Чтобы играть хорошо, мне нужно подтверждение окружающих, что они хотят меня видеть на поле. Как только я это вижу, я обретаю возможность сделать все то, что от меня требуется, – и в ответ я делаю ради них все, что могу.

Летнее трансферное окно получилось для «Челси» весьма насыщенным. Эрнан Креспо опять был арендован, а мы подписали контракт с Андреем Шевченко из «Милана», Михаэлем Баллаком из «Баварии», Саломоном Калу из «Фейеноорда» и Джоном Оби Микелом из норвежского клуба «Люн». Кроме того, к нам из

«Арсенала» пришел Эшли Коул, а мой друг Вильям Галлас проследовал в обратном направлении. Хотя Эшли многое дал клубу, потеря Вильяма была чувствительной как для клуба, так и лично для меня, поскольку мы стали очень близкими друзьями.

У Андрея Шевченко был внушительный послужной список: он был капитаном сборной Украины на первом в ее истории чемпионате мира, где они достигли четвертьфинала, дважды являлся лучшим голеадором «Серии А», победителем Лиги чемпионов и лучшим игроком Европы в 2004 году. Перед началом сезона Жозе Моуринью провел собрание всей команды, включая новичков, на котором он объявил: «Дидье, ты знаешь, что мне нравится схема 4–3–3, но мы начнем играть по схеме 4–4–2, и вы оба будете играть впереди. Если это сработает, мы эту схему оставим. Если же нет, я вернусь к схеме с одним центрфорвардом». Мне такой расклад подходил, поэтому с самого начала я делал все возможное, чтобы убедить всех в целесообразности схемы с двумя нападающими. В результате я начал сезон, активно забивая голы, и так же его и закончил.

Буквально сразу же я ощутил, что мои отношения с фанатами стали улучшаться. Мой английский – тоже. Теперь я мог даже шутить на нем, а это важный показатель уровня владения иностранным языком. Можешь шутить – значит, ты хорошо владеешь языком. И в качестве последнего фрагмента психологического пазла, который требовалось сложить, чтобы я был доволен собой, мне дали 11-й номер!

Я многому научился у Шевченко. Он был отличным парнем, весьма скромным. Было несколько странно играть рядом с ним, поскольку я был таким страстным его поклонником, что, играя с сыном на игровой приставке, я всегда выбирал Шевченко – а теперь мы оказались в одной команде! Признаюсь, мне сильно везло в своей карьере. Где бы я ни сталкивался с конкуренцией на позиции центрального нападающего (начиная с Даниэля Кузена в «Ле-Мане» и заканчивая Эрнаном Креспо, Андреем Шевченко и другими игроками в «Челси»), наше соперничество никогда не принимало негативного характера, оно всегда сопровождалось только положительными отношениями. Может быть, такое влияние оказывала положительная атмосфера в команде, но в любом случае я был действительно рад, что Андрей присоединился к нам.

Он крайне досадовал, что был травмирован, когда приехал, потому что он так и не смог выступать на привычном для себя уровне и показывать то, на что, как мы все знали, он был способен. Он забил за нашу команду несколько важных мячей, но не так много, как все ожидали. Думаю, по этой причине

болельщики так по-настоящему его и не приняли. Однако когда мы играли вместе, наша связка работала хорошо, и мы нашли общий язык и на поле, и за его пределами.

Я также начал находить свое место в команде в целом (опять-таки и на поле, и за его пределами). Окружающие всегда удивлялись, как мы ладили, и скажу честно: люди есть люди. Франкоговорящие футболисты держались преимущественно вместе, как и говорящие на английском, как и те, кто говорил на португальском. Но в разногласия это никогда не переходило. Вполне естественно, что вы тянетесь к тем, кто разделяет с вами общий язык и общую культуру. Например, во время завтрака или обеда команда распределялась на три или четыре стола, и за каждым в общении преобладал какой-то один язык. Жозе, разумеется, мог говорить с каждым из нас на любом из этих языков!

Роман Абрамович иногда приходил на наши тренировки или на несколько минут заходил в раздевалку. Он был очень застенчивым и неразговорчивым, поэтому, появляясь, всегда вел себя сдержанно, больше осматривался, иногда, прощаясь, пожимал нам руки и перебрасывался с нами парой слов. По его лицу было заметно, что он был доволен состоянием команды и ее результатами, но он никогда не демонстрировал своего влияния и не вел себя так, словно ему здесь все принадлежит (хотя, на самом деле, именно так и было!). В последние годы я узнал его лучше и провел с ним какое-то время, но тогда, в начале своего пребывания в «Челси», у меня было мало возможностей познакомиться с ним и изучить его.

Начало того сезона получилось лучшим в моей карьере: я забил пять голов в первых пяти матчах, шесть голов в первых семи. Сезон в целом складывался неплохо, и вскоре стало ясно, что нашим главным конкурентом будет «Манчестер Юнайтед». Я думаю, нам не хватило жесткости, умения доводить игру до конца, добиваться победы через «не могу», и это в конце концов стоило нам титула. Мы одержали 24 победы, у «Манчестера» было 28, но основную роль сыграло соотношение ничьих: у нас их было 11, у них – всего пять. Мы потеряли слишком много очков в тех матчах, где имели возможность победить.

В кубковых соревнованиях ситуация была совсем другой, возможно, потому, что от нас не требовалось поддерживать график «победа каждую неделю», который требовался для выигрыша Премьер-лиги. Как бы то ни было, наш первый финал состоялся в феврале, это была игра в Кубке Лиги против «Арсенала». Тот финал был последним, проводившимся на стадионе «Миллениум» в Кардиффе.

Главная интрига перед финалом заключалась в том, выпустит ли Арсен Венгер команду, составленную из относительно молодых игроков, как он делал это на предыдущих этапах турнира. Сам он провел параллель между некоторыми молодыми, недостаточно опытными футболистами (но с большим потенциалом) и неизвестными певцами из британского телевизионного музыкального шоу талантов «The X Factor», добившимися большого успеха. Он добавил: «Игра «Челси» строится на опыте и мощи, а наша будет опираться на мобильность и движение».

Венгер остался верен своей философии. В тот день средний возраст его команды равнялся 21 году. Там были самые настоящие дети. Тео Уолкотту тогда было 17 лет, как и Арману Траоре. Абу Диаби было 20, Сеску Фабрегасу – 19 лет. В состав не попали игроки с большим опытом вроде Тьерри Анри и Вильяма Галласа. По части опыта они полагались на Коло Туре и Филиппа Сендероса.

В отличие от них, мы решили использовать свои основные козыри, выставив на игру основной состав с участием опытных, физически крепких игроков. Помню, как за день до игры мы говорили между собой: «Если мы проиграем эту игру и уступим детям!..» На том этапе сезона это стало бы сокрушительным ударом по нашей уверенности в себе. С учетом этого мы были полны решимости сделать все, чтобы не проиграть.

Вначале они смогли нас удивить. По существу, они во всем были лучше нас. Мы не владели мячом, они же создали несколько хороших голевых моментов. Затем, на 12-й минуте, Тео забил, послав мяч мимо Петра Чеха. Тот гол стал для него первым за клуб, и фанаты «Арсенала» от счастья буквально сходили с ума. Мы тем временем совершенно растерялись, и в этом не было ничего хорошего! В первые двадцать минут я почти не касался мяча.

Однако вскоре Михаэль Баллак выдал мне отличный пас на правый край штрафной площади, и, оторвавшись от защитников, я сравнял счет. Это был тот самый случай, когда гол выравнивает баланс сил, и все это понимали.

Во втором тайме мы начали их переигрывать, захватили инициативу, стали больше владеть мячом и контролировать игру как физически, так и стратегически. Неожиданно в середине тайма Джон Терри получил удар ногой по голове от Абу Диаби, который пытался вынести мяч. Сразу было видно, что травма серьезная, поскольку Джон упал на газон и на время потерял сознание. Его сразу же уложили на носилки, унесли с поля и повезли прямо в больницу. Мы не знали, насколько серьезно было

его состояние, но это усилило наше желание во что бы то ни стало выиграть матч ради нашего капитана.

Время шло, и наконец-то наши усилия увенчались успехом. На 84-й минуте «Арсенал» потерял мяч, Майкл Эссьен отпасовал налево на Арьена Роббена, а тот прострелил на меня в район вратарской. Я помню, что предугадал, что он собирается сделать, и смог оторваться от своего опекуна, Сендероса, после чего головой послал мяч в сетку. Это был совершенно фантастический гол, доставивший всем немало удовольствия. И при этом – победный! Таким образом, я не просто забил оба мяча в матче, который закончился итоговой победой со счетом 2:1; второй из них попал в число моих любимых голов в ворота «Арсенала», и я всегда с радостью его вспоминаю.

Подбегая к партнерам отпраздновать забитый мяч, я думал только о том, чтобы пальцами изобразить в воздухе цифру «26» – игровой номер нашего капитана. Поразительно (учитывая, насколько ужасной вначале казалась его травма), что он настолько быстро смог выйти из больницы, что, сразу же отправившись на стадион, успел присоединиться к нашему празднованию победы. Да, Джей Ти – это настоящий мужик!

Игра в финале Кубка Англии против «Манчестер Юнайтед» – это был еще один матч, в котором мы не могли себе позволить даже думать о поражении. Двумя неделями ранее мы отдали им титул чемпионов Премьер-лиги, сыграв в начале мая вничью против «Арсенала» (тем самым за два тура до конца чемпионата разница между нами составила семь очков). Следующую игру (против них) мы провели дома, но, так как обе команды сконцентрировались на кубковом финале, до которого оставалось несколько дней, на поле вышли немногие футболисты из основного состава, и игра получилась неяркой, не такой, какую можно было бы ожидать в обычной ситуации.

Это был первый финал Кубка Англии на новом стадионе «Уэмбли». Я с детства мечтал сыграть на «Уэмбли», поэтому меня охватило особенное чувство, когда я впервые увидел этот стадион после реконструкции и получил возможность сыграть на нем. К тому моменту я уже выиграл с командой несколько титулов, но ни один из них не был завоеван на этой родине футбола. Честно говоря, мне было немного жаль, что не удалось сыграть там в то время, когда известные башни-близнецы еще являлись символом арены.

Непосредственно перед началом матча, когда все уже вышли на поле, мне вдруг захотелось кое-что сказать партнерам – то, что могло их удивить. До стартового свистка оставалось всего несколько секунд.

– Парни, – сказал я, – хочу сказать, что я немного нервничаю. Вы, может быть, и нет, но я слегка напуган. Не знаю, это странное чувство, но я действительно боюсь. Однако даю слово: я выложусь в этой игре на все сто. Я выложусь полностью.

И это было правдой. Когда я первый раз играл на «Уэмбли», этом огромном 90-тысячном стадионе, чья вместимость почти на 20 тысяч превышала вместимость стадиона «Миллениум» и название которого известно во всем мире, у меня были несколько другие чувства. Однако мне кажется, что я сформулировал именно то, что чувствовали и все остальные. Я ведь знал своих партнеров, видел, что они вели себя не так, как обычно, даже перед важными матчами. Они не разговаривали, по-другому ходили и держали себя. Именно поэтому я и решил, что должен что-нибудь сказать.

Впоследствии Джей Ти подтвердил, что сказанное мной и вправду относилось ко всем им, а моя речь помогла остальным игрокам. Для меня самое удивительное в том небольшом инциденте заключалось в том, что он показал, насколько комфортно я стал чувствовать себя в «Челси», раз смог признать перед остальными свою уязвимость. Годом раньше о таком нельзя было бы и подумать. Но теперь я наконец-то знал, что партнеры в меня верят, как и я в них. И это было существенным достижением. Теперь я мог открыто признаваться в своих чувствах. Это являлось показателем того, что я хорошо чувствовал себя в клубе.

Как выяснилось, похожие чувства испытывали и игроки «Манчестер Юнайтед». Игра получилась далеко не лучшей, так что, пожалуй, все ощущали некоторую нервозность из-за желания выиграть на «Уэмбли». Кроме того, впервые за 20 лет в финале встретились чемпион и вторая команда Премьер-лиги. Для обеих команд на кону стояло многое. Наши соперники хотели сделать дубль, а мы, уже завоевав Кубок Лиги, были полны решимости привезти домой второй за этот сезон трофей.

Основное время закончилось нулевой ничьей, ни одна из команд не выглядела лучше, и ни у кого не было явных голевых моментов. Началось дополнительное время, и я стал ощущать судороги. Это было плохо. Я подбежал к краю поля и сказал тренеру: «Нужно делать замену, я не могу больше бегать». Он даже не стал меня слушать:

– Нет-нет. Тебе не нужно бегать. Просто стой там, просто стой. Ты забьешь. Просто сосредоточься. Один-единственный удар – и ты забьешь!

И мои молитвы были услышаны. Да, все это время я повторял про себя: «Боже, пожалуйста, Боже, дай мне один гол, всего лишь

один гол!» Снова и снова я умолял его дать мне хотя бы одну возможность. И вдруг на 116-й минуте, за четыре минуты до серии пенальти, я получил мяч от Джона Оби Микела. Я отпасовал Лэмпарду, он вернул мяч мне, и я пробил их вратаря Ван дер Сара. Гол! Конец матча! Мы выиграли Кубок Англии! Я впервые забил в ворота «Манчестер Юнайтед» после трех лет тщетных попыток, и этот гол стал первым в истории нового «Уэмбли»! Это значило для меня очень, очень многое. В той игре у меня случилось все, на что я только мог надеяться (за исключением судорог!).

То, что произошло в конце игры, во многом символизирует наши отношения с Жозе Моуринью. После финального свистка в ожидании кубка мы все дружно стали праздновать успех на поле – и тут я заметил, что он ушел с поля. Я побежал по туннелю в поисках Жозе и нашел его в раздевалке, разговаривающим по телефону с женой. Я сказал, что если он не выйдет к нам, команда не пойдет забирать трофей. «Мы все единое целое. Либо ты сам пойдешь туда, либо я отведу тебя!» – сказал я ему. У меня не было ни малейших сомнений в том, что он являлся ключевой частью всех успехов «Челси», поэтому он должен был быть с нами при получении нами кубка, в противном случае все это не имело никакого смысла. Да и для меня лично его присутствие было крайне важно: он был существенной частью моей карьеры в «Челси» и моей жизни в целом, поэтому мне хотелось разделить с ним празднование победы, иначе у меня осталось бы ощущение внутренней пустоты.

В тех двух финалах – Кубка Англии и Кубка Лиги – я стал автором победных голов, победителем в «Челси». Это укрепило мои взаимоотношения с клубом и болельщиками. В том году я забил 33 мяча, вдвое с лишним больше, чем в прошлом сезоне. Двадцать из них пришлись на чемпионат, за что я был награжден «Золотой бутсой», увенчавшей этот замечательный сезон. Теперь я был игроком, преданным «Челси» на всю жизнь.

Глава 10
Безумие в Москве (2007–2008)

Жозе Моуринью привел меня в «Челси» и, несмотря на то что порой между нами не все было гладко, всегда оказывал мне поддержку. Он всегда хотел видеть меня в своем клубе. Еще работая в «Порту», он говорил, что наблюдал за моей игрой в «Марселе» и был впечатлен моей самоотдачей на поле и моими выступлениями. За пределами поля он защищал и поддерживал меня все три сезона в «Челси», потому что я всегда изо всех сил сражался за клуб. В те годы цитировали его фразу о том, что со мной он бы пошел в разведку. Я чувствовал, что был перед ним в долгу, и наряду с Фрэнком Лэмпардом он оставался одной из основных причин, почему я не покинул клуб в течение двух первых сезонов. В глубине души я не уверен, что захотел бы однажды уйти из команды, которой руководил человек, так сильно веривший в меня. Мы всегда были близки и отлично понимали друг друга, так как наша совместная работа в «Челси» началась в одно и то же время, и между нами с самого начала установились особые взаимоотношения.

С первого же дня, как только я присоединился к клубу, где бы я ни оказался, все всегда хотели что-нибудь разузнать о Жозе. Почему он так успешен в качестве тренера? В чем его секрет? Одно из его качеств – это умение привнести психологию победителя в любую команду, которую он тренирует. В «Челси», например, уже были отличные игроки типа Джей Ти и Фрэнка Лэмпарда. Затем он привел меня и Петра Чеха, а мы оба уже тоже состоялись как успешные футболисты в чемпионате Франции. Он также подписал контракты с Матея Кежманом и Арьеном Роббеном из Голландии, Рикарду Карвалью, Паулу Ферейрой и Тиагу из Португалии. Он превратил набор футболистов – не самых плохих, понятно, – в команду, которая думает только о победах. У нас появилась вера в то, что мы сможем добиться высоких результатов. И когда он ушел, менталитет победителей остался с нами. Это похоже на умение кататься на велосипеде. Как только ты научился ездить на нем, уже никогда этого не забудешь, этот навык останется у тебя навсегда. Именно так он поступает со своими игроками, в каком бы клубе ему ни довелось работать.

Мне Жозе придал уверенности в собственных силах, заставил

работать в полную силу и сражаться на поле за него. Некоторые говорили, что я для него как сын, однако я четко понимал, что не буду попадать в состав, если начну выступать плохо. Он никогда не оказывал игрокам протекцию, исходя из сентиментальных причин, и это хорошо. Если ты ему нравился, он давал тебе это понять, но все это оставалось вне футбола. На поле же, если ты играл, то он в тебя верил, ты знал, что заслужил свое место, и я высоко это ценил.

Он всегда поддерживает всех своих игроков и прямо говорит им, если они сыграли хорошо. Даже если кто-то забил победный мяч или отличился хет-триком, он все равно обращался, например, к защитнику и говорил, что тот сыграл свой лучший матч. Футболисту очень важно ощущать, что его ценят. Защитники или полузащитники далеко не всегда купаются в лучах славы, но их значимость в конечном результате не меньше, чем тех, кто забивает голы. Именно это и формирует преданность игроков такому тренеру.

Он всегда обращался со мной именно таким образом, даже если мне не удавалось забить. Если ему казалось, что я выступил неплохо, он находил возможность меня похвалить. Жозе всегда поддерживал меня, особенно в самом начале карьеры в «Челси», когда меня часто критиковали. Даже когда его стали критиковать за то, что он приобрел меня, тогда еще неизвестного игрока, он ответил совершенно ясно: «Посмотрим, что вы скажете, когда он будет покидать клуб». В этой вере в успех – весь Жозе. У нас сложились отличные рабочие взаимоотношения, и я уверен, что наша общая история еще не завершена, что в будущем мы будем вновь работать вместе. Более того, мы стали с ним настоящими друзьями, а такое в футболе – редкость, и для меня это очень многое значит.

Увы, к началу сезона 2007 года у Жозе сложилась в клубе непростая ситуация. Владелец клуба и тренер оба были большими, сильными личностями, и они оба прекрасно осознавали, чего хотели достичь, – только у них были разные взгляды на это. Владелец клуба хотел наравне с Премьер-лигой выиграть и Лигу чемпионов. В прошлом сезоне мы проиграли оба этих турнира, и я считаю, что это стало большой проблемой. Тренер, как мне кажется, в свою очередь, стремился защитить имидж своей команды и ее отдельных футболистов. Мы знали, что он находился под давлением и что в начале сезона между ним и владельцем клуба возникли определенные трения по поводу того, как вернуть наши высокие результаты. Как я и сказал, они оба живые люди, у обоих были разные взгляды, поэтому именно такая ситуация и сложилась.

Кроме того, я считаю, что многие процессы развиваются с трехлетним циклом, а мы в то время как раз подошли к концу такого цикла. В первый год мы выиграли два важных национальных кубка, во второй мы почувствовали себя единым целым, снова выиграв Премьер-лигу. На третий год все это, возможно, сменилось разочарованием, поскольку, несмотря на завоевание Кубка Лиги и Кубка Англии, мы проиграли в полуфинале Лиги чемпионов и отдали чемпионство в Премьер-лиге «Манчестер Юнайтед». Третий год всегда оказывается самым тяжелым: вы должны превзойти все достигнутое ранее, иначе вам придется вернуться назад.

Думаю, что в начале того сезона (четвертого под руководством Жозе), ему стало уже сложнее разъяснять игрокам свои требования. Мы хотели услышать его, мы пытались сделать это, но каким-то образом мы утратили часть того, что делало нас особенными. И стоило только нам всего лишь на несколько процентов сбавить мощность, чтобы это тут же отразилось на наших результатах. Что касается меня, то я не мог играть во всех матчах из-за травмы колена. Даже когда я выступал, то не мог играть в полную силу и показать всего, на что был способен. Я ощущал дискомфорт из-за того, что ничем не мог помочь Жозе. Я чувствовал, что подвожу его и что в какой-то мере несу ответственность за происходившее с ним, хотя и логически понимал, что дело было не в этом.

У Жозе была возможность показать, что он по-прежнему способен на волшебство, но в сентябре у нас было несколько весьма посредственных результатов: поражение со счетом 0:2 на выезде от «Астон Виллы» и нулевая ничья дома с «Блэкберном», оставившая нас на пятом месте турнирной таблицы. Затем мы встречались дома с норвежским «Русенборгом» и сыграли вничью – 1:1. Тот матч наверняка и стал последним гвоздем в крышку гроба.

На следующий день в кинотеатре неподалеку от клуба показывали документальный фильм «Челси: путь к успеху» о пяти предыдущих годах с момента покупки клуба новым владельцем. Когда мы с Жозе возвращались к своим машинам, я поинтересовался у него, что происходит. Он ответил: «Для меня все кончено», – и, не выдавая каких-либо эмоций на лице, просто уехал. Я остался стоять как вкопанный. Пусть в последние несколько недель все складывалось не лучшим образом, я все равно не мог себе представить, что дело дойдет до такого, я не мог поверить, что он покинет «Челси».

На следующий день было объявлено о том, что Жозе оставляет клуб. Он пришел к нам в раздевалку в Кобхэме

попрощаться. Мы все были там, не в состоянии переварить эту информацию, и Жозе выступил с замечательной речью. Он поблагодарил всех нас за помощь в течение всех лет совместной работы, сказал, что никогда не забудет о нас, что мы все фантастические, особенные игроки. Он пожелал удачи нам и нашим семьям. Его речь была недолгой, всего несколько минут, но слушать ее для всех нас было непросто: даже сейчас у меня идет дрожь по спине, когда я вспоминаю об этом. Мы все, включая Жозе, были крайне взволнованы. Он очень эмоциональный человек, и это ни для кого не новость (любой может убедиться в том, как он ведет себя во время матчей), и ему, разумеется, было грустно при мысли об уходе.

Когда настала очередь прощаться со мной, он крепко меня обнял, и я начал плакать. Я не мог сдержаться. Мне довелось испытать тяжесть расставания с несколькими тренерами, многие из них сделали для меня очень много, они способствовали моему развитию и моей карьере, однако уход Жозе, без сомнения, перенести было тяжелее всего. Это оказало на меня сильное влияние, даже довело до слез, чего никогда не случалось раньше. Этот человек в корне изменил мою жизнь. У нас сложились с ним исключительные отношения. Кроме того, я привык хранить верность тому, кто в меня верит. Мне уже не в первый раз предстояло расставаться с человеком, ставшим важной частью моей жизни.

После того дня я решил измениться, стать более беспристрастным, чтобы исключить повторение подобных ситуаций. Я научился по-разному справляться с ними или вообще не попадать в истории, где существовал риск проявления подобных эмоций. Уход Жозе в очередной раз продемонстрировал мне, что футбол – это бизнес и в нем нет места эмоциям, когда приходится принимать сложные решения.

Я встретился с владельцем клуба и спросил его: почему именно сейчас? Почему он не сделал этого в конце предыдущего сезона? Я был спокоен, я просто хотел поговорить с ним и понять ход его мыслей. Он ответил, что хотел дать Жозе шанс и поглядеть, сможет ли он изменить ситуацию в начале сезона. Я всегда относился к нему с большим уважением, поэтому понял его. «Пока я играю здесь, – заверил я его, – я всегда буду оставаться профессионалом и делать все возможное на пользу клуба, потому что я принадлежу этой команде». Мы пожали друг другу руки, и на этом для меня та история закончилась.

В раздевалке после увольнения Жозе вначале было непросто. Некоторые из нас считали, что кто-то из игроков не выкладывался на поле в полную силу и не пытался помочь тренеру в сложной

ситуации. Впервые эти мысли были высказаны вслух. Я не уверен, что мы были правы в своих подозрениях, но в любом случае никогда ранее между нами не существовало никаких разногласий, поэтому это была новая ситуация, и она явно не пошла на пользу команде. Нам следовало все обговорить, пока проблема не вышла из-под контроля. В конце концов, мы профессионалы, и у нас не было другого выхода, кроме как уладить противоречия и продолжать работать под руководством нового тренера, Авраама Гранта, которого сразу же назначили на освободившуюся должность.

Выбор его кандидатуры ни для кого не стал неожиданностью, потому что еще летом во время межсезонья он прибыл в клуб и занял место спортивного директора, по существу, был уже давно на ежедневной основе вовлечен в тренировочный процесс. Авраам повел себя умно и сохранил в тренерском штабе Стива Кларка, помощника Жозе. Жозе называл его лучшим помощником тренера в мире, и это было правдой, он действительно был весьма хорош. В октябре тренерский штаб пополнился Хенком тен Кате, который работал помощником у Франка Райкарда в «Барселоне». Таким образом, Авраам, не имевший самостоятельного опыта работы на высшем уровне, особенно в Лиге чемпионов, окружил себя знающими, крайне опытными помощниками. В результате получилось отличное сочетание, и всем нам это пошло на пользу.

Авраам грамотно действовал и в тех ситуациях, когда он хотел поработать над каким-то конкретным элементом игры. В этом случае он говорил одному из помощников: «Сегодня мы работаем над прессингом» (к примеру), – и Стив Кларк готовил с этой целью тренировочное занятие. В результате мы все наслаждались тем, как была выстроена тренировка. Они отличались от тех, что были раньше, и новизна одновременно делала их захватывающими и стимулирующими. Авраам всегда был предельно спокоен, расслаблен, и он давал игрокам много свободы на поле, позволял брать ответственность на себя, зная, что за спиной у него есть Стив Кларк и Хенк тен Кате, которые не дадут нам выбиться из игровой схемы и потерять контроль над матчем. В команде, которой он управлял, было много опытных футболистов, таких как Михаэль Баллак, Джей Ти, Фрэнк Лэмпард, Клод Макелеле, Майкл Эссьен и я, и мы были готовы и вполне могли брать на себя ответственность в различных ситуациях. Таким образом, он работал вовсе не с молодыми футболистами, которым надо говорить, что следует делать. Мы сплотились вокруг него и постарались облегчить ему работу на тренерском посту.

Когда Авраам начал свою деятельность в качестве тренера, я

как раз восстанавливался после травмы и в первой игре после возвращения, против «Фулхэма», умудрился заработать удаление за две желтые карточки. Моя первая красная карточка в Премьер-лиге стала для меня настоящим потрясением. Я пробыл в «Челси» три сезона, выиграл все, что было возможно, кроме Лиги чемпионов, и уход Жозе, несомненно, отразился на мне. Я продолжал играть и отдавал все силы за «Челси», потому что оставался профессионалом, но, даже полностью выкладываясь на поле, не мог избежать мыслей о том, что все изменилось. Сердцем я не смог принять произошедшее так, как должен был это сделать.

После «Фулхэма» мы одержали гостевую победу в групповом этапе Лиги чемпионов против «Валенсии», где я смог забить. Я играл хорошо, но чувствовал себя каким-то отрешенным. Голова была затуманена. В середине октября я отправился в Инсбрук на товарищеский матч между Австрией и Кот-д'Ивуаром, и там дал интервью для издания «Франс футбол», в котором сказал, что не знаю, останусь ли в клубе в следующем сезоне. Оглядываясь назад, я понимаю, что не должен был тогда давать этого интервью, но в то время я считал, что не говорю чего-либо удивительного для остальных. Я чувствовал, что пришло время для перемен. Уход Жозе стал предпосылкой к этому, но он не являлся единственной причиной, поэтому я был честен в своих высказываниях.

Хенк тен Кате не обрадовался, когда до него дошла информация о том, что было напечатано в газетах. Как только я вернулся в Англию, он вызвал меня к себе.

– Зачем ты дал это интервью? Ты должен извиниться перед своими партнерами, – и все в таком же духе. Я-то вообще не видел в этом ничего такого, чего должен был стыдиться.

– Приятель, ты меня не знаешь! – спокойно ответил я ему.

– Может быть, но ты все равно должен это сделать!

– Хорошо, без проблем.

Мы готовились к тренировке. Я видел, как Авраам и Хенк переговариваются, а потом, когда весь состав собрался на поле, главный тренер объявил: «Дидье хочет всем кое-что сказать».

– Ладно! – ответил я. – Парни, как я уже сказал в интервью, я не знаю, что произойдет в конце сезона, но пока я здесь, я буду вести себя профессионально. И надеюсь, что вы тоже будете делать для клуба все от себя зависящее. Точно так же, как и я. У меня все. Это все, что я хотел сказать.

Мне та история не показалась сколько-нибудь значимой, но в клубе сочли, что я пересек черту, и я понял, что должен выпустить пресс-релиз, где бы подтверждалось, что я связан с

клубом обязательствами до 2010 года. Чтобы подтвердить свои намерения, в следующем выездном матче с «Миддлсбро» я забил гол и, празднуя его, в знак глубочайшего признания и уважения к клубу и его болельщикам поцеловал эмблему на футболке. Это был последний раз на ближайшие несколько лет, когда велись какие бы то ни было разговоры о моем уходе из команды.

Сам сезон сложился удачно, но впервые после того, как Роман Абрамович купил клуб, мы закончили год без побед. Мы уступили в четвертьфинале Кубка Англии «Барнсли», в финале Кубка Лиги проиграли «Тоттенхэму» и второй раз подряд заняли второе место в Премьер-лиге вслед за «Манчестер Юнайтед». Это был неприятный итог, учитывая, что судьба чемпионства решалась в последний день сезона. Нам нужно было обыграть «Болтон», а «Юнайтед» требовалось сыграть вничью или уступить «Уигану». Вместо этого вничью со счетом 1:1 сыграли мы, а они победили – 2:0. Сейчас мне кажется, что чемпионат мы проиграли немного раньше, сыграв на стадионе «Уайт Харт Лэйн» в марте вничью – 4:4. Мы вели со счетом 3:1, затем 4:3, но за две минуты до конца матча Робби Кин сравнял счет. Потеря тех двух очков стала для нас решающей.

Итак, мы проиграли все домашние турниры, и нашей единственной надеждой на трофей оставалась Лига чемпионов. В полуфинале против наших постоянных соперников из «Ливерпуля» все сложилось именно так, как я и хотел. Я очень неплохо сыграл в ответном матче дома, дважды забив и внеся решающий вклад в общую победу со счетом 4:3.

Мы попали в финал и были настроены победить, особенно учитывая то, что матч впервые проводился в России, в Москве. Победа приобретала для нашего владельца дополнительную значимость. В соперники нам достался другой наш постоянный конкурент, «Манчестер Юнайтед», с которым, что удивительно, мы никогда раньше не встречались в еврокубках. Им тоже хотелось выиграть, поскольку в 2008 году отмечалась пятидесятая годовщина мюнхенской авиакатастрофы[10], и в память о погибших они хотели привезти кубок в Манчестер. В общем, для обоих клубов ставки были высоки.

Для меня победа в этой игре также многое значила. Я думал, что, выиграв Лигу чемпионов, смогу стать счастливым обладателем всех возможных кубков в клубе «Челси».

Чтобы как следует привыкнуть к обстановке и подготовиться к матчу, мы приехали за два дня до него. Мы стремились сделать все правильно перед игрой, имевшей такую символическую значимость для владельца клуба. Однако не всегда все идет именно так, как хочется, и нельзя всегда полностью

контролировать ситуацию. Меня в то время потрясла новость о том, что моя бабушка по материнской линии, с которой я был очень близок, попала в больницу, и врачи не оставляли ей шансов. Во время двухдневной подготовки к матчу я постоянно висел на телефоне, разговаривая с мамой, которая находилась рядом с бабушкой и передавала не самые радостные известия. Мы были с ней очень близки, когда я был еще маленьким, и вот теперь она умирала. Во время игры я не мог должным образом сосредоточиться. Было тяжело выкинуть эти мысли из головы. Может, не случись тогда этих проблем, дела на поле пошли бы по-другому. Но все мы – живые люди, и мы не всегда понимаем, что мы не можем отделить себя от происходящего в нашей жизни. Я верю в судьбу, в то, что тот финал был не наш. Это был финал «МЮ».

Сама игра началась довольно спокойно, обе команды искали свой ритм. На 26-й минуте Криштиану Роналду забил головой с передачи Уэса Брауна. Спустя несколько минут я почти сравнял, но в итоге счет оставался неизменным почти до перерыва, когда, наконец-то, забил Фрэнк Лэмпард после рикошета от Неманьи Видича и Рио Фердинанда, дезориентировавшего их вратаря Эдвина ван дер Сара.

Во втором тайме голов не было, хотя мы атаковали острей и были ближе к тому, чтобы забить, особенно после того, как я с дальней дистанции угодил в штангу. В дополнительное время напряжение возросло, и нам чуть не хватило удачи – удар Лэмпарда пришелся в перекладину. С другой стороны, Джей Ти спас команду, сумев головой вынести с линии мяч, направленный Гиггзом в пустые ворота. Время шло, и я все больше расстраивался из-за того, что не смог выступить так, как хотел. Кроме того, я видел, что Фердинанд и Видич очень устали и даже пытались тянуть время до серии пенальти. Я подошел к бровке и сказал тренеру: «Нам нужно играть в два нападающих, и тогда мы забьем. Я, или Нико (Анелька), или кто-то еще. Но главное, чтобы мы играли в два форварда». Весь матч мы играли со мной на острие атаки, но такая схема подходила мне не лучшим образом. Тренер меня, однако, не послушал: Нико вышел на поле, это правда, но на позицию флангового хавбека, оставив меня так же одного против двух центральных защитников «Юнайтед». Постепенно я начинал нервничать все больше, потому что я знал, что мы были очень близки к тому, чтобы забить гол и завершить игру.

За четыре минуты до конца дополнительного времени эмоции и разочарование взяли надо мной верх. Вбрасывался аут после того, как игру останавливали, чтобы помочь игрокам

избавиться от судорог, и Карлос Тевес слишком медленно отдавал нам мяч. Между некоторыми игроками начались споры, затем все произошло очень быстро: Видич оттолкнул меня, и я, инстинктивно среагировав, слегка смазал его рукой по лицу. Ничего жесткого в той ситуации не было, но поскольку судья находился рядом, мне незамедлительно показали красную карточку.

Я ощущал себя так, словно мне снился кошмар. Я не мог поверить в то, что только что произошло. Путь до раздевалки был очень долгим, и на всем его протяжении я продолжал думать: «Эта игра может быть для меня последней за клуб!» Какие только мысли не переполняли меня в тот момент! Я слышал, как недовольно гудели в мой адрес наши болельщики. Я осознавал, что виноват в случившемся, и это было ужасное чувство. Никогда его не забуду.

К тому времени, как я дошел до туннеля, ведущего на поле, началась серия пенальти. Я не мог просто вернуться в раздевалку, поэтому стоял там, в этом туннеле, в абсолютном одиночестве, ожидая начала серии. С того места, где я стоял, было видно только поле. «Юнайтед» выиграли жребий, и пенальти пробивались на той стороне, где сидели их болельщики.

Это было странное ощущение: смотреть в одиночестве, видя, что происходит на поле, слыша гул наших фанатов и молча находясь там. Словно какой-то посторонний пришел взглянуть на игру.

Погода была ужасной. Поле заливал сильный ливень. Первым бил Карлос Тевес, и он легко перехитрил Петра Чеха. Следующим был Михаэль Баллак, и он тоже смог забить без проблем. Следующая пара, Майкл Каррик из «Юнайтед» и вышедший на замену Жулиано Беллетти, сделала счет 2:2. К мячу подошел Криштиану Роналду и, как он часто это делал, притормозил во время разбега – очевидно, чтобы вратарь дернулся в сторону. Впрочем, это могло сбить с ритма и самого Криштиану. Во всяком случае, Петр смог правильно оценить ситуацию, прыгнул вправо от себя и отбил удар – Криштиану в шоке закрыл лицо.

Дождь продолжал заливать поле. Фрэнк Лэмпард традиционно для себя забил и вывел нас вперед – 3:2. Следующие три удара в исполнении Оуэна Харгривза, Эшли Коула и Нани попали точно в цель, хотя вратари пару раз и смогли коснуться мяча рукой. Счет стал 4:4. Наш капитан получил возможность принести «Челси» победу. Все помнят, что произошло дальше. Опорная нога Джей Ти проскользнула перед ударом, и мяч «облизал» штангу с внешней стороны. Джон сразу же упал на газон, уронив голову между коленей, чувствуя себя

опустошенным.

Игра пошла до гола. Напряжение стало невыносимым. На этой стадии все это уже стало скорее похоже на лотерею и игры разума, чем на футбол.

Первым бил Андерсон из «Юнайтед», за ним Саломон Калу из «Челси» – 5:5. Райан Гиггз хладнокровно отправил мяч в сетку, и наступила очередь Николя Анелька. Он уже выигрывал Лигу чемпионов с «Реал Мадридом», был опытным игроком, хорошим пенальтистом, поэтому мы на него надеялись. Я думал о таком количестве самых разных вещей одновременно, что мне было трудно продолжать внимательно следить. Непосредственно перед тем, как Николя приготовился бить, Ван дер Сар указал пальцем влево от себя, словно бы подстрекая Николя пробить туда, куда били шесть игроков «Челси». Заставило ли его это передумать? Было ли это осознанной уловкой? Как бы то ни было, вратарь рассудил верно, прыгнул вправо от себя и парировал удар Николя. Мы проиграли, «Юнайтед» победил. Может быть, так было предначертано судьбой, и тот вечер должен был остаться за нашими соперниками.

Я развернулся и направился к раздевалке, сел там в одиночестве, оцепенев от неверия и пытаясь понять и пробудиться от этого кошмара – и вместе с этим сознавая, что невозможно было проснуться и что все это происходило наяву. Мне показалось, что я сидел там очень долго. Затем вошел Роман Абрамович вместе со своим рыдающим сыном девяти или десяти лет. Конечно же, моей первой реакций было обнять бедного ребенка. «Однажды я выиграю Лигу чемпионов для тебя», – пообещал я ему. Тем не менее было тяжело смотреть на этого плачущего мальчика и понимать, что я не смог все сделать так, как ему бы хотелось.

Позднее я узнал, что Джей Ти очень долго рыдал прямо на поле, а Авраам Грант тщетно пытался его успокоить. Многие также не сдерживали слез. Из-за красной карточки я не мог после игры получить вместе со всеми свою медаль финалиста, и Авраам Грант передал ее мне немного погодя тем же вечером. Это было хорошо. Я не хотел там быть, и мне удалось избежать всей этой ужасной церемонии с медалями и презентацией кубка. Как только тренер вернулся на поле после вручения кубка, он бросил свою медаль в толпу зрителей. Ему она была не нужна. Я тоже хотел выбросить свою медаль, но жена убедила меня не делать этого. Даже сегодня эта медаль ничего для меня не значит. Мне говорят: «Но ты ведь достиг финала!» – словно я должен радоваться тому, что пришел к финишу вторым. Пьер де Кубертен мог сколько угодно повторять, что участие тоже важно, но, извините, я

придерживаюсь другой точки зрения. Может, это было замечательно – прийти вторыми, когда никто не ждал от тебя первого места, но для нас – нет, совершенно точно, в этом не было ничего хорошего.

Когда все начали возвращаться в раздевалку, никто не разговаривал, стояла тишина. Несколько человек подошли ко мне, спросили, что случилось и как я себя чувствовал, я просто отвечал: «Все нормально, уже слишком поздно. Уже слишком поздно». Я чувствовал себя опустошенным эмоционально и физически и желал лишь поскорее покинуть Москву. Это стало для меня наглядной демонстрацией того, до чего тонкая черта существует в спорте между успехом и проигрышем, между тем, чтобы сотворить историю – и жестоко проиграть. Авраам Грант был в шаге от того, чтобы его провозгласили одним из величайших тренеров в истории «Челси», а в результате через пару дней он, как и ожидалось, покинул свой пост.

По возвращении в Англию я ушел в отпуск. Мы уехали так далеко, как только могли – только моя жена, моя семья и я. Затем, когда я только начал приходить в себя, раздался звонок от мамы, которая сообщила о том, что моя бабушка умерла.

Глава 11
Два тренера – один кубок (2008–2009)

Сезон 2007–2008 годов был сложным, он состоял как из некоторых взлетов, так и из многочисленных падений. Кроме того, я в течение долгого времени пытался совладать со своей травмой. Проблема с моим коленом усугубилась, и в январе 2008 года, непосредственно перед отъездом на Кубок африканских наций, мне пришлось прооперировать мениск. При нормальных обстоятельствах мне бы следовало еще месяц не тренироваться, но я не мог позволить себе такой роскоши, как лишнее время, и уже через десять дней после операции начал бегать. Впоследствии у меня не было возможности нормально набрать форму, а для меня, чтобы хорошо играть, очень важна полная готовность. Я вернулся с чемпионата с опухшим коленом и до конца сезона был вынужден доигрывать в таком состоянии.

Как результат, летом 2008 года, перед началом межсезонных сборов, мне пришлось всерьез заняться здоровьем. Для этого я стал посещать специалиста-ортопеда и постарался давать колену максимальный отдых во время выполнения упражнений, чтобы способствовать его восстановлению. Но по возвращении в Лондон обнаружилось, что после летнего перерыва я набрал три килограмма. Не так уж много, это вполне нормальный вес, однако, поскольку колено еще не пришло в порядок, я не мог допустить на него никакой дополнительной нагрузки.

В июне спекуляции на тему преемника Авраама Гранта завершились назначением Луиса Фелипе Сколари. Он перешел на эту работу прямо с поста главного тренера национальной сборной Португалии после того, как она в четвертьфинале чемпионата Европы проиграла сборной Германии. Его главным достижением, конечно же, была победа сборной Бразилии на чемпионате мира 2002 года. У него, безусловно, имелся солидный опыт. Кроме того, он стал первым тренером – чемпионом мира, возглавившим клуб Премьер-лиги, поэтому от него ожидали многого. Таблоиды нарекли его «Большим Филом», и за ним сложилась репутация жесткого человека. Проблема заключалась в том, что вначале он не мог говорить по-английски и при личном общении с нами нуждался в услугах переводчика. Сколари привел на пост помощника в тренерский штаб своего бразильского приятеля Флавио Муртосу, и это еще сильней затруднило наше общение,

особенно после ухода в сентябре Стива Кларка. Несмотря на то что тренер упорно пытался выучить английский, во время его пребывания в «Челси» чувствовалось, что ему было тяжело донести необходимую информацию до игроков из-за языкового барьера.

Когда я вернулся в Лондон в преддверии межсезонного летнего тура в Малайзии и Гонконге и осознал, что колено у меня до сих пор не в лучшем состоянии, то отправился на встречу с тренером. Это был наш первый с ним разговор, и я сообщил, что не могу нормально тренироваться, поэтому не готов ехать в турне. В первую очередь мне было нужно восстановиться: либо в специализированном центре, где целенаправленно занимались бы моим коленом, либо здесь, в Лондоне. Сначала он согласился, заявив, что не видит никаких проблем. Однако на следующий день он вновь связался со мной, чтобы сообщить, что передумал и что я должен ехать с командой в Малайзию. Я не понял этого поворота на 180 градусов, так же, как и манеры, в которой мне это преподнесли. Он мог сказать: «Ладно, дай мне подумать», – а затем отказать и объяснить причину отказа. В конце концов, все равно было принято решение не заставлять меня ехать в турне, но тот инцидент не позволил нам с самого начала наладить отношения.

Когда началась межсезонная подготовка, тренировочные методы Сколари нас шокировали, и особенно меня. Мы вновь вернулись к «континентальному» стилю с 5-километровыми пробежками до того, как нам давали коснуться мяча. Учитывая особенности моего телосложения, моего организма и моего стиля игры, в этом не было для меня ничего хорошего. Кроме того, я за много лет, еще со времен игры во Франции, отвык от таких тренировок. В этой связи я совершенно не справлялся с нагрузками, у меня начинала сильно болеть спина через пару километров после начала пробежки. Я едва мог идти, не говоря уже о беге. Глядя на это, Сколари, как мне кажется, решил, что я не хочу с ним работать. Это было не так, и на протяжении всего его пребывания в «Челси» я постоянно пытался завоевать его расположение. Так или иначе, с самого начала выбор на позицию нападающего был сделан в пользу Николя Анелька. С ним у меня никогда не было никаких проблем, даже наоборот. Мы стали близкими друзьями и остаемся ими до сих пор. В течение нескольких недель стало понятно, что меня не рассматривают в качестве нападающего стартового состава.

Результатом тренировочного режима Сколари стало то, что на старте сезона мы были свежие, как огурчики, поскольку на наших тренировках работа выполнялась с низкой

интенсивностью, в то время как соперники работали во время межсезонья более усердно. Очевидно, он искренне верил в то, что делал, но реальность была такова, что самой сложной частью занятия становился 5-километровый кросс, а не то, что следовало после него. Мы могли достигнуть аэробной готовности, но отнюдь не футбольной. Из-за нехватки интенсивных физических упражнений спустя два или три месяца мы начали «проседать», и теперь уже настала наша очередь ощутить усталость, в то время как другие команды удерживали темп. Подобный сценарий отмечался каждый раз, когда у нас не было адекватной межсезонной подготовки, в том числе и в данном случае.

Проблема, как я ее видел, заключалась в том, что у Сколари не было опыта Премьер-лиги и понимания физических требований, которые здесь предъявляются футболистам. Доказательство этому обнаружилось в один из вечеров в начале сезона. Я помню, что мы находились в отеле, на следующий день нам предстояла игра, и мы смотрели игру между «Ливерпулем» и «Манчестер Юнайтед». Не нужно говорить, что матч был весьма интенсивным.

– Обе эти команды никогда не смогут закончить сезон в том же темпе, – сказал мне Сколари. – После пяти игр они просто выдохнутся.

– Нет, – ответил я. – Это Премьер-лига. Здесь так играют каждые выходные, в течение всего сезона.

– Нет-нет, – продолжил настаивать он, и я перестал переубеждать его, поскольку понял, что он все равно мне не поверит.

Осенью, однако, скатываться вниз начали не другие команды, а мы, теряя очки и добыв только одну победу за пять игр в преддверии Рождества. В то же время я успешно восстанавливался после травмы колена, моя форма улучшалась, и тренер включил меня в основной состав на домашний матч в «День подарков»[11] против клуба «Вест Бромвич Альбион». Мы выиграли 2:0, я забил один гол и был доволен своей игрой. Следующий матч проводился 28 декабря против «Фулхэма». Он закончился вничью – 2:2, мое выступление получилось довольно посредственным, что было неудивительно, учитывая, что какое-то время я был вне игры, а сыграть дважды за три дня, не набрав полностью формы, достаточно тяжело.

В начале Нового года, после неудачного матча третьего раунда Кубка Англии на своем поле с «Саутендом», который закончился ничьей, мы проиграли со счетом 0:3 «Манчестер Юнайтед» на их поле, и я был недоволен тем, как сыграл. В одном из моментов у меня был шанс забить, но удар получился

совершенно неточным – настолько, что я даже, смутившись, рассмеялся. Не то, чтобы я находил ту ситуацию забавной, вовсе наоборот. Но Сколари, как мне кажется, неверно расценил мою реакцию, потому что начал нас при всех критиковать, а особенно меня, заявив, что мы не победим в чемпионате, играя таким образом. Уже тогда, несмотря на то что он публично это отрицал, у него были ссоры с ведущими игроками, такими как Петр Чех и Михаэль Баллак, и обстановка в раздевалке была совсем не такой, какой она должна бы была быть.

Кризис в наших с ним отношениях наступил через три дня после игры с «Юнайтед», когда меня исключили из состава, отправлявшегося на выездную переигровку Кубка Англии против «Саутенда». Такого, чтобы меня совсем не включили в состав, со мной в «Челси» никогда не происходило, поэтому я решил поговорить с ним. Просто поговорить, не ругаться, потому что хотелось знать, какую мне отводят роль.

– Нет, ты с нами не едешь. Если хочешь уйти, то сейчас самое время.

– То есть вы считаете, что я не в состоянии помочь команде?

– Я не включил в состав еще и Деко.

– Но Деко травмирован, а я – нет.

– Послушай, – наконец-то сознался он, – ты не входишь в мои планы, и ты больше не будешь играть до конца сезона. Так что если решишь покинуть команду, то сейчас для этого подходящий момент. Поговори со своим агентом. Сейчас январь, у тебя есть время до конца месяца найти себе новый клуб и перейти туда.

Я понял, что он, в принципе, не видел для меня места в «Челси» и искал способ от меня избавиться. На самом деле он хотел купить бразильца Адриано из миланского «Интера».

– Ладно. Если вы желаете, чтобы сюда перешел Адриано, тогда я отправлюсь в «Интер».

Я сказал это совершенно искренне, потому что тренером там был не кто иной, как Жозе Моуринью, и я бы с удовольствием отправился к нему.

Когда наша встреча закончилась, я первым делом позвонил мистеру Абрамовичу и через одного из его помощников объяснил ситуацию.

– Я понимаю, что тренер не хочет, чтобы я оставался, поэтому мне бы хотелось, чтобы клуб все уладил, если мне придется уйти.

Но помощник сразу же возразил:

– Нет, ты никуда не уходишь. Кто это сказал? Никто и словом не обмолвился о том, что ты покидаешь клуб!

– Ну, хорошо, – сказал я, весьма удивленный тоном его категорического отказа. Таким образом, я понял свою ситуацию:

у меня не было поддержки со стороны тренера, зато меня поддерживал клуб.

Хотел бы пояснить, что у меня никогда не было личных проблем с Луисом Фелипе Сколари. Я знаю, что он действительно пытался сделать так, чтобы в «Челси» все нормально заработало, пытался выучить язык, но местная футбольная культура, на мой взгляд, ему просто не подходила. Не подходила с самого начала. Такое случается даже с лучшими из тренеров.

Последняя игра под его руководством состоялась в начале февраля – мы сыграли на своем поле вничью с «Халлом» – 0:0. Он ушел от нас на следующий день, и из интервью изданию «Франс футбол», вышедшему через несколько дней (записано, однако, оно было еще до той игры), стало ясно, что он думал о своих игроках и их несостоятельности. Он заявил, что у него не было нужных футболистов, особенно на флангах, чтобы играть по схеме 4–4–2, которая мне как раз подходит лучше всего, и поэтому он не мог выставить впереди связку Анелька со мной. Хотя я понял, почему он хотел дать то интервью, подобная критика постфактум, на мой взгляд, была не лучшим способом завершить отношения, какими бы сложными они ни были.

В период работы Сколари с «Челси» я решил взять под контроль свои взаимоотношения со средствами массовой информации и с болельщиками. Часто меня неправильно понимали, в прессе всплывали многочисленные небылицы, истории, появлявшиеся вследствие некорректного перевода, и я из-за этого порой расстраивался, потому что чувствовал, что меня представляют в ложном свете. В этой связи я принял решение обратиться в пиар-агентство для оказания мне помощи в этих вопросах, и они справились с этой задачей блестяще. С самого начала я получил возможность гораздо лучшего общения с журналистами и болельщиками, поэтому наше сотрудничество продолжается и сегодня. То решение стало поворотным для меня, особенно в вопросе отношений с фанатами.

В любом случае после ухода Луиса Фелипе Сколари временным тренером назначили Гуса Хиддинка, тренера российской сборной, – и результаты не замедлили сказаться. Что касается нас, то нам удалось проделать путь от команды, которая была якобы не готова и не соответствовала необходимым требованиям, до команды, поднявшейся на третье место, достигшей полуфинала Лиги чемпионов и выигравшей Кубок Англии. Наш состав остался тот же, поэтому, на мой взгляд, явно была какая-то проблема именно в начале сезона.

Как только появился Гус Хиддинк, все пошло на лад. Мы действительно уважали его. У него за плечами был солидный

послужной список как в клубном футболе (он работал с ПСВ), так и на уровне национальных сборных (работал со сборными Нидерланд, Южной Кореи и России). Кроме того, он говорил на английском, и для нас это было замечательно. Первым делом он заявил: «Команда не готова». Это было очевидно. Сама по себе физическая форма – это одно, но мы нуждались в соответствующей футбольной подготовке. Все сразу же изменилось, он заставлял нас усиленно работать, чтобы мы смогли вернуться к той форме, которая требовалась.

Наряду с этим он начал работать над тем, чтобы в команде все, включая меня, обрели прежнюю уверенность в собственных силах (во время работы его предшественника с этим были проблемы). Он велел мне перестать постоянно бегать и перемещаться, как я это делал в попытках вписаться в команду: «Ты нападающий, тебе это не нужно. Просто стой там и завершай атаки».

Как результат этого совершенно иного подхода и его манеры общения, мое моральное состояние улучшилось, я снова начал играть и забивать. Я был полон решимости показать, что меня рано списывать со счетов, и приход нового тренера придал мне дополнительную мотивацию и энергию. Довольны были и мои партнеры по команде, и в итоге в первых четырех играх под руководством Хиддинка мы одержали четыре победы. Было совершенно очевидно, что дела налаживались.

Мы хотели выиграть кубок для нового тренера и продемонстрировать повышение качества своей игры во второй половине сезона, поэтому поражение в полуфинале Лиги чемпионов от «Барселоны» больно по нам ударило. Я твердо верил в то, что мы вновь стали одной из лучших команд Европы с опытными игроками в ее составе. Первый матч в гостях закончился ничьей – 0:0, поэтому перед ответной игрой психологическое давление было огромным. Мы не могли не думать о прошлогоднем финале, о том, как близко нам тогда удалось подойти к выигрышу турнира. Это был наш шанс завершить начатое в прошлом году.

Но этому не суждено было случиться, хотя мы подошли настолько близко к победе, насколько это только было возможно. Фантастический гол с 20 метров в исполнении Майкла Эссьена на 9-й минуте подарил нам надежду на победу. Следующие 80 с лишним минут мы пытались увеличить это шаткое преимущество. Мы смотрелись лучше. «Барселона» ни разу не ударила в створ наших ворот и, кроме того, осталась в меньшинстве после удаления Абидаля (возможно, ошибочного) на 66-й минуте, когда он сфолил на убегавшем в отрыв Анелька. Это был один из

эпизодов, из-за которых тот матч стал знаменит судейскими решениями, а не собственно футболом. Мы четырежды требовали пенальти, но все наши апелляции были отклонены норвежским арбитром Томом Хеннингом Эвребе. Все эти отказы, по моему убеждению, были ошибочными. Наиболее явным и смешным, на мой взгляд, стал эпизод, когда Жерар Пике явно сыграл рукой в собственной штрафной, но судья, стоявший поблизости, отмахнулся от наших протестов. До сих пор не понимаю, как можно было не назначить за это пенальти. Уже во время матча, когда против нас принималось одно решение за другим, я начал думать: «Что происходит? Как такое может быть?» Одна ошибка – ладно. Может случиться и две. Но четыре, и в таком важном матче? Что это, вообще, было такое? Я думаю, что с судьей было что-то неладно.

Примерно за десять минут до конца игры меня заменили. Я прихрамывал, но не был готов уходить. Если бы тренер спросил меня, хочу ли я замениться, я бы ответил: «Нет, я в порядке, подождите немного. Я дам знать, если смогу справиться с этим». Я знал, что мой уход позволит защитникам Пике и Дани Алвесу оказывать на нашу команду больше давления. Но было уже поздно. Я увидел, как поднимается табличка с моим номером, поэтому мне пришлось покинуть поле. Я был серьезно расстроен из-за этого, поэтому направился в раздевалку, чтобы немного успокоиться.

Я не экстрасенс, но внутреннее чувство мне подсказывало приближение чего-то нехорошего. Я просто ощущал это. В конце концов, я вернулся и сел на скамейку, досматривая последние минуты и безостановочно молясь. Наступила 90-я минута. Может быть, мы все же сможем продержаться. Неожиданно мяч оказался у Иньесты на краю штрафной, тот нанес точный удар, и мяч, пролетев мимо Петра Чеха, оказался под перекладиной. Счет равный. До свидания, «Челси»!

Было и еще одно завершающее ужасное судейское решение, когда Михаэль Баллак пробил в руку Самюэля Это'о в штрафной, но нам опять не дали пенальти. Арбитр снова находился рядом с местом событий, но это снова не имело никакого значения. Итоговый счет 1:1 позволил «Барселоне» выиграть по сумме двух встреч.

После финального свистка все начали сходить с ума: болельщики, игроки – все. «Барселона» – от счастья, мы же остались недовольны очевидной несправедливостью этого вечера. Я признаю, что потерял контроль над собой, вышел на поле и начал кричать на арбитра, на всех, кто слушал меня, утверждая, что это все было позором (тогда было произнесено лишнее слово,

начинающееся на букву «f», просто для того, чтобы было понятней). Я был вне себя и едва ли заметил, что получил за это желтую карточку (а впоследствии еще и был дисквалифицирован на три матча). Однако я заметил несправедливость ситуации: как отчаянно и как хорошо мы играли, и все это ради того, чтобы проиграть из-за чьих-то ошибок. Я также думал об обещании годичной давности, данном в Москве, привезти кубок Лиги чемпионов на «Стэмфорд Бридж», о том, что было бы здорово попасть в финал и тем самым решительно изменить неудачную первую половину сезона. Я начинал его под руководством тренера, который утверждал, что мое время ушло, что я не мог бегать и что я ленивый, поэтому выход в финал стал бы лучшим способом доказать его неправоту. Все эти мысли переполняли меня, когда я допустил со своей стороны словесную агрессию.

Я сожалею, что использовал некоторые из тех слов, которые выкрикнул во время той вспышки гнева, но не жалею о тех чувствах, потому что до сих пор верю, что они были оправданны. Я совершенно уверен в том, что нам не дали победить. Болельщики поняли мою реакцию, потому что я выражал все то, что чувствовали и они. Они не хотели, чтобы их любимые игроки пожали плечами и просто ушли с поля. Они хотели знать, что футболисты тоже ощутили несправедливость той ситуации. Кроме того, те люди, которые наблюдают за подобными случаями перед экранами телевизоров, не всегда понимают, что на поле наши эмоции усиливаются. Мы так преданы нашим командам и клубам, на кону в больших матчах стоит столь многое, что порой мы действительно выходим из себя. Я не утверждаю, что это правильно, но трудно это полностью понять, пока сам не окажешься в подобной ситуации.

Оставался только один кубок, который еще можно было завоевать, – Кубок Англии. Мы уже дошли до финала, и нам предстояло встретиться с «Эвертоном». В полуфинале мы обыграли «Арсенал» – 2:1, и я вновь забил очень важный гол. Я часто повторяю, что забивать здорово, но есть такие голы, которые действительно крайне важны для твоей карьеры: те, которые сравнивают счет и коренным образом меняют ход матча, или же те, которые становятся победными, когда гола вообще никто не ждет. И мне повезло забить несколько голов, имевших большое значение. Я всегда во время матчей ловлю себя на мысли: «Время изменить ситуацию, время что-то предпринять, ведь я здесь именно для этого». Зачастую в твоем распоряжении – только один момент, и ты должен им воспользоваться сполна.

Как результат, во время игр я постоянно молюсь. Я прошу Бога помочь мне. Люди могут удивляться тому, как часто это

случается, но моя вера управляет всем, что я делаю, как на поле, так и за его пределами. Я искренне верю, что есть что-то, кто-то, помогающий мне быть не просто лучше как игроку, но и как личности. Это для меня важнее всего, особенно сейчас, когда моя футбольная карьера клонится к закату. Я был воспитан в католической вере, мы все ходили в церковь, и Бог всегда был в моей жизни и в жизни моей семьи. В юношеские времена я не посещал церковь и не молился, но меня никогда не покидала вера в Божественное могущество. Затем, в 2008–2009 годах, я заново обнаружил в себе близость к Богу и стал с ним общаться. Это включало в себя, в том числе, и обращения к нему во время матчей. Пусть для некоторых это может прозвучать забавно или странно, но любой, кто видел, как я смотрю в сторону неба или крещусь, знает, что это правда.

Матч против «Арсенала» – один из многочисленных случаев подобного рода и отличный пример того, как я по-настоящему испытал силу Божьей помощи. Игра шла весьма посредственно, счет был 1:1, и я действовал не лучшим образом. Я пытался переломить ситуацию, но мне ничего не удавалось. Во мне не было искры. Начиналась последняя десятиминутка матча, когда я начал говорить с Ним, упрашивая Его показать мне, как играть лучше, как забить гол. Спустя пять минут Фрэнк Лэмпард передал мне мяч верхом, я обыграл Лукаша Фабианьски и забил долгожданный мяч, принесший нам победу. Я был почти потрясен! Знаю, что некоторые подумают: «Да, он забил, потому что в тот момент мяч оказался у него», – однако сам я твердо верю, что в этом было нечто особенное. Подобного рода случаи происходили несколько раз (например, в финале Лиги чемпионов в 2012 году), и я понимаю, что мне повезло иметь в жизни источник веры – не только из-за этих моментов, но и из-за более важных вещей, которые мне, как человеку, дает вера.

Финал Кубка Англии оставался последним шансом выиграть серебро в том сезоне, и мы очень хотели посрамить критиков и вознаградить нашего тренера. Эта игра вошла в историю, поскольку Луи Саа из «Эвертона» забил уже через 26 секунд после начала матча – этот гол стал самым быстрым в истории финалов Кубка Англии. Это был для нас не лучший старт, ведь почти сразу же после стартового свистка мы были вынуждены догонять соперника, но мне опять удалось забить важный гол, сравнять счет и дать команде надежду. Тот удар головой на 21-й минуте вернул нас в игру, раскрепостил и позволил действовать более ярко, наслаждаясь возможностью выступать на «Уэмбли», видеть там наших болельщиков и знать, что сегодня для нас был особенный день. Мой гол стал для нас поворотным моментом, а

точный удар Фрэнка Лэмпарда с левой ноги на 72-й минуте принес нам победу в турнире. Эмоциональный, временами очень тяжелый для нас сезон завершился удачно. На каком-то этапе, в апреле, у нас даже был шанс выиграть Премьер-лигу, Лигу чемпионов и Кубок Англии. И пусть в итоге мы завоевали лишь один кубок из трех, мы воспринимали как достижение сам факт того, что продолжали бороться за два других, что не так уж и плохо для команды, которую кто-то вычеркнул из числа претендентов в начале года. Именно поэтому в тот день мы наслаждались победой. На самом деле, как мне кажется, отчасти секрет нашего успеха именно в этом и кроется: мы никогда не принимали ни одну из побед как должное. Мы наслаждались каждой из них, потому что все они были добыты с большим трудом и были для нас весьма ценны – и просто прекрасны.

Глава 12
Годы с Анчелотти (2009–2011)

Событием, которое для меня затмило выигрыш Кубка Англии в конце мая, стало рождение в том же месяце моего сына Кейрана. Мы с женой долго ждали этого события, и было замечательно приветствовать в нашей семье здорового и красивого малыша. Мы были счастливы.

Появление Кейрана задало настроение не только всему лету, но и лучшему сезону в моей карьере. Было ли это совпадением? Возможно, что и нет. Я вполне определенно чувствовал себя лучше и счастливей, чем какое-то время назад.

Мое настроение определялось также появлением в июне нашего нового тренера Карло Анчелотти. Как и планировалось, временный тренер Гус Хиддинк покинул клуб по окончании сезона. Анчелотти уже дважды выигрывал Лигу чемпионов и завоевывал множество других кубков, поэтому от него ожидали многого.

В конце предыдущего сезона ходило немало слухов относительно моего будущего в клубе. Некоторые явно желали моего ухода. Они считали, что я был не тем игроком, в котором нуждался «Челси», причем не только с учетом футбольных навыков, но в значительной степени из-за плохого имиджа и соответствующей репутации, которые я создавал клубу. Хотя большинство фанатов любили меня за мою игру и те усилия, которые я делал, чтобы одерживать победы, часть из них не понимали, что моя реакция на происходящее на поле всегда была обусловлена тем фактом, что я выказывал свои чувства и эмоции наравне с любовью к клубу. Я всегда был готов сражаться за него. Моя реакция после поражения от «Барселоны» продемонстрировала то же разочарование, что переполняло и болельщиков. Если бы камеру навели на них, на их губах прочли бы те же самые слова – они думали о том же, о чем думал и я, если не хуже! Я не горжусь тем, что сказал или сделал, но это продемонстрировало мое искреннее отношение к случившемуся.

Гус Хиддинк, который всегда меня поддерживал и в течение нескольких месяцев совместной работы способствовал обретению мной уверенности в себе, прекрасно меня понял. Поэтому он был одним из тех, кто в конце сезона высказал пожелание, чтобы я остался. Он переговорил с владельцем клуба (который никогда не

терял веры в меня) и его помощниками. Они выслушали его и дали ему понять, что я вписываюсь в их планы на будущее.

Моя первая встреча с Карло вышла многообещающей, поскольку он летом позвонил мне сам, когда я был в отпуске, чтобы представиться и дать понять, что ему не терпится начать со мной работать. Такое отношение меня впечатлило, ведь он совершенно не обязан был этого делать. Он мог просто дождаться, когда увидит меня, и, как это делают большинство людей, сказать: «Привет, как дела?» Однако он потрудился позвонить мне (а также, по всей видимости, и другим игрокам), и эти действия продемонстрировали его уважение к футболистам. С учетом этого я был очень рад его приходу в «Челси». Это талантливый тренер с огромным опытом, который смог наконец-то привести нас к исполнению мечты в отношении Лиги чемпионов.

При нем не было никаких 5-километровых кроссов во время межсезонья. Стиль тренировок остался примерно тем же, что был и при Гусе Хиддинке (отчасти из-за того, что в команде продолжил работать его тренер по физподготовке). Таким образом, все упражнения, все тренировки были напрямую связаны с футболом.

В отсутствие международных соревнований тем летом я мог спокойно отдохнуть и вернуться к работе, пройдя по-настоящему качественную, эффективную межсезонную подготовку. Как и раньше, если межсезонье для меня было успешным, то это предвещало мне хороший сезон. В то лето впервые за долгое время у меня не было вообще никаких болевых ощущений (мое колено наконец-то окончательно зажило), и это позволило мне обеспечить максимум физических возможностей и чувствовать себя свободно. В результате усердной работы к началу сезона я подошел полностью готовым, в той физической форме, в которой находился в конце предыдущего сезона.

Хотя в летнее трансферное окно мы приобрели Неманью Матича и Даниэля Старриджа, команда оставалась единым организмом: ведь ее костяк состоял из тех игроков, которые находились в ней в предыдущие три или четыре сезона. Командный дух был на высоте, существовала здоровая конкуренция за места в составе, что было хорошо, и в целом атмосфера в раздевалке была иной по сравнению с ситуацией годичной давности. Я был особенно близок с игроками, которых в шутку называл «своими африканскими братьями»: Саломоном Калу, Майклом Эссьеном, Николя Анелька, Джоном Оби Микелом и, конечно же, Флораном Малуда, знакомым мне еще со времен совместной игры за «Генгам». Я способствовал его переходу из

«Лиона», когда «Челси» еще руководил Жозе, поскольку очень хотел, чтобы он получил возможность сыграть за клуб, тренируемый этим замечательным человеком. Я хотел, чтобы Фло увидел, какие методы использовал Жозе, как он мотивировал игроков и поощрял в них чувство преданности к нему самому и к клубу.

Я тогда был кем-то вроде старшего брата для этих игроков, поскольку находился в клубе дольше их и чувствовал, что хорошо его изучил. В то же время я всегда был другом и для всех остальных. Я был рад провести время с каждым из них. Мы были близки с Джей Ти, Фрэнком, Петром, мы делили наши замечательные достижения. Я всегда стараюсь стать своего рода мостиком между различными группами в коллективе, сделать так, чтобы люди чувствовали себя комфортно и расслабленно. Молодые игроки нередко обращаются ко мне за советом или уточняют какую-то информацию, иногда касающуюся мелочей, и я стараюсь помочь им, чем могу. Даже футболисты из других клубов порой звонили мне и о чем-то спрашивали, и, надеюсь, мне удавалось им помочь. Это очень важно, так как я помню, как сам был в их положении, испытывал благоговейный страх перед звездами в новой команде, а потом приятно удивлялся, когда они оказывались нормальными людьми, охотно идущими тебе навстречу. Принимая это во внимание, я пытаюсь вести себя таким же образом всегда, когда это только возможно.

Как коллектив, мы не проводили слишком много времени вместе вне футбола. В течение сезона мы так часто бывали в отъезде, что, приезжая домой, те из нас, у кого были семьи, стремились проводить это бесценное время вместе с ними вместо общения с одноклубниками. Скажем так, если мы одерживали хорошую победу, то могли выбраться куда-нибудь посидеть небольшой компанией. Жозе Моуринью всегда отмечал, что даже в случае, когда не удалось победить, но знаешь, что выложился на поле без остатка, можешь позволить себе сходить куда-нибудь поужинать, например, но мы не могли и думать о каком-либо сумасшедшем времяпровождении в ночных клубах. Если мы их и посещали, то только в случае празднования чьего-то дня рождения или важной победы. Мы были профессионалами и старались избегать каких-либо неприятностей. Нам приходилось (отчасти благодаря социальным сетям) вести себя осторожно, даже когда мы не были на работе. Такое поведение необходимо просто принять как неотъемлемую часть жизни спортсмена. Нет смысла жаловаться на это, нужно просто свыкнуться с этим.

Так или иначе, стартовали мы просто фантастически, обыграв «Манчестер Юнайтед» в серии пенальти в матче за Суперкубок

Англии и одержав победы в первых шести играх чемпионата. Мы возвращались в победный ритм, а ко мне вернулось голевое чутье. У нас с Николя Анелька сложилась замечательная связка, и к Рождеству я забил 18 мячей в 21 матче – результат, на который я не мог и надеяться, учитывая ситуацию годичной давности.

Нашим (а также моим) главным разочарованием в том сезоне стало поражение в марте в играх плей-офф Лиги чемпионов от «Интера», которым руководил Жозе Моуринью. Ему было легко выстраивать игру против нас, поскольку ему были прекрасно известны возможности всех нас. Очевидно также и то, что ему хотелось взять верх над бывшим клубом. Мы же оказались в ином положении: мы знали Жозе и его помощников, но не знали игроков клуба, поэтому сам факт, что Жозе являлся их тренером, не давал нам никакого преимущества. Мы только осознавали, что он сделает все возможное, чтобы добиться победы своей команды. Проиграв 1:2 в Милане, мы уступили 0:1 и на стадионе «Стэмфорд Бридж». Для нас это явилось серьезным поражением.

Хозяин клуба тоже был не рад такому развитию событий. Он организовал собрание и сообщил нам, что, раз мы «вылетели» из Лиги чемпионов, важно компенсировать это завоеванием дубля. Без всяких «если» и «но». Думаю, такое требование ни для кого не явилось неожиданностью, и мы смогли добиться желаемого!

В гостевой игре с «Манчестер Юнайтед» в начале апреля я смог забить победный гол – 2:1. Этот результат вернул нас на вершину турнирной таблицы и позволил контролировать ситуацию в пяти оставшихся играх. Гонка за титулом между нами и «Манчестер Юнайтед» получилась весьма упорной, и мы почувствовали себя в безопасности лишь в последний игровой день, когда они обыграли «Сток» – 4:0, зато мы разгромили «Уиган» со счетом 8:0 (это стало нашей самой крупной победой в чемпионатах) и на одно очко опередили своих соперников. Странно то, что, несмотря на ожесточенный характер борьбы за первое место, мы побили немало рекордов: забили 103 гола за год, что стало наивысшим результатом в клубной истории; стали первой командой в Премьер-лиге, забившей 100 мячей; стали первой в истории английской командой, сумевшей забить семь голов и больше в одной игре сразу в четырех играх; наконец, мы финишировали с рекордной для английских клубов разницей мячей: +71. Таким образом, даже с учетом упорной борьбы за первое место мы, безусловно, добились этой победы в весьма впечатляющем стиле, играя в атакующий футбол. Кроме того, было особенно приятно не позволить «Манчестер Юнайтед» завоевать в чемпионате четвертый кубок подряд!

Для меня особенно запомнилась заключительная игра против

«Уигана», когда я сделал хет-трик во втором тайме – и благодаря этому завоевал свою вторую «Золотую бутсу», обойдя с 29 голами Уэйна Руни, который забил 26 голов. Я был удовлетворен этим, тем более что многие из забитых мной мячей оказались решающими для исхода матчей. Так, запомнился дубль в домашнем поединке с «Арсеналом», в результате которого у меня стало в личном зачете 12 голов за 12 игр против этого клуба. Такая статистика меня очень порадовала.

Кстати, «Арсенал» интересовался мною во время моих выступлений за «Марсель», хотя до конкретных предложений дело не дошло, и я тогда был не в курсе этого дела. Арсен Венгер утверждает, что знал меня как хорошего игрока, еще когда я играл за «Ле-Ман», но никаких конкретных шагов он никогда не предпринимал. Такова жизнь: зачастую ты выбираешь тот путь, а не другой. В любом случае, завоевав очередную «Золотую бутсу», я показал своим критикам, что им не следовало списывать меня со счетов. За последние 12 месяцев в моей жизни многое существенно изменилось!

Через неделю после завоевания титула чемпионов нам предстоял финал Кубка Англии на стадионе «Уэмбли», где мы намеревались впервые в истории клуба сделать дубль. К сожалению для наших оппонентов (клуба «Портсмут»), они находились в совершенно другом положении по сравнению с нашим. Руководимый нашим прежним тренером Авраамом Грантом, клуб ранее в этом сезоне перешел под административное управление и в итоге «вылетел» из Премьер-лиги. Сочувствовали ли мы им? Да. Изменил ли этот факт наше отношение к самой игре? Конечно же, нет. Это была для нас замечательная возможность войти в историю, поэтому мы не собирались позволить сентиментальным чувствам встать на нашем пути к намеченной цели. В такого рода ситуациях можно выразить свои соболезнования соперникам в конце матча, особенно если среди них есть ваши друзья, но всегда необходимо оставаться профессионалом.

Счет 1:0 не дает реального представления о происходившем на поле; тем более не отражает этого и нулевая ничья по итогам первой половины встречи. До перерыва мы умудрились пять раз попасть в штангу. На 54-й минуте «Портсмут» получил право на пенальти, который Петр Чех смог парировать. Заработали пенальти и мы, но Фрэнк Лэмпард неожиданно не смог его реализовать. К счастью, это уже не имело значения, потому что мне удалось забить победный мяч: я сделал идеальный удар низом со штрафного, мяч пролетел «стенку» насквозь и проскочил мимо Дэвида Джеймса, который, даже вытянувшись в струнку, не

смог его достать.

Я снова принес команде победу, и теперь на моем счету были голы во всех пяти кубковых финалах (в Кубке Англии и Кубке Лиги), а также во всех шести матчах на «Уэмбли». Это были весьма неплохие показатели, было что вспомнить. В то время я был не в курсе этих цифр, потому что думал о забитых мячах только в контексте принесенной команде пользы, но впоследствии услышать об этом было для меня приятно. Гол в финале стал для меня 37-м в сезоне (с учетом всех соревнований), что было вторым результатом в истории клуба. Я был горд этим и весьма тронут, когда мне вручали приз лучшего футболиста года по версии болельщиков «Челси». Чтобы добиться признания, потребовалось немало времени, но это, безусловно, того стоило!

Я всегда буду помнить сезон 2009–2010 годов. Это был действительно особенный год, после которого я чувствовал себя полностью удовлетворенным как в профессиональном отношении, так и в личном. Физически я чувствовал себя отлично, игра давалась мне легко. В течение карьеры случались моменты, когда, несмотря на упорную работу и все свои попытки, я просто не мог забить. Тот же сезон был иным. Порой я даже не искал возможности забивать – однако все равно забивал. Все получалось словно само собой, как в душе Шарко: едва нажал кнопку, без особых усилий, – и вода начинает бить!

Увы, это продолжалось не так долго. В 2010 году в ЮАР проводился чемпионат мира, и Кот-д'Ивуар, к нашей радости (ведь турнир впервые проводился на Африканском континенте), смог пройти отборочные игры. Как будет сказано в другой главе, в Швейцарии в рамках подготовки мы проводили товарищеские игры, и в одной из них, буквально за десять дней до начала чемпионата, я сильно повредил правую руку. Мысль о том, что мне не суждено сыграть на столь долгожданном турнире, совершенно исключалась, поэтому мне незамедлительно сделали операцию, и я, как мог, играл с гипсом на руке.

Сразу же по окончании нашего участия в турнире я получил двухнедельный отдых, в котором остро нуждался. Я был вымотан в течение сезона, за которым последовал еще драматичный чемпионат мира. Этой паузы для меня оказалось недостаточно, поскольку пришлось ложиться на операцию и удалять беспокоившую меня с 2004 года грыжу. Это может показаться удивительным, но я играл с ней все это время (предыдущая операция не смогла полностью разрешить данную проблему). И хотя сезон 2009–2010 годов сложился для меня успешно, на самом деле мне требовались противовоспалительные средства на

каждый матч, что было неправильно и что явно не могло устранить проблему надолго. Грыжа вызывала все более сильную боль, поэтому я решил второй раз за лето лечь под нож. В итоге я пропустил бóльшую часть межсезонных тренировок, и, как всегда в подобных случаях, неудачное межсезонье предвещало мне не тот уровень игры в сезоне, на который я надеялся.

Начал я довольно неплохо, отметившись хет-триком в стартовом матче сезона 2010–2011 годов против команды «Вест Бромвич Альбион». Кроме того, мы одерживали победы в пяти играх подряд. Все выглядело так, словно мы сохраним наметившийся в прошлом году контроль над ходом чемпионата. Но вскоре результаты ухудшились, а я сам к началу октября начал ощущать усталость, словно мои возможности исчерпались. Я объяснял тренерскому штабу, что выбился из сил и что две операции, по всей видимости, отняли у меня больше энергии, чем я думал. Однако никто не желал меня слушать. Они считали, что я был в полном порядке и просто слишком остро реагирую на свои эмоциональные переживания.

В конце концов я сам пришел к Карло и настоял как минимум на четырех днях отдыха. «Ладно, хорошо», – нехотя ответил он. Я отправился в Абу-Даби в поисках солнечного света и расслабления. Почти сразу же, как только я туда добрался, я стал чувствовать себя нехорошо, поэтому решил вернуться. Через пару дней мне необходимо было заниматься с тренером по физической подготовке. Я поплелся на поле, однако спустя пять минут внезапно взмок, потом меня бросило в холод, и я начал дрожать. «Я не могу бегать, не могу делать вообще ничего, мне нужно остановиться!» – умолял я. Они не могли понять меня и считали, что я просто ленюсь. Я, однако, настаивал на своем. «Посудите сами, зачем мне лгать вам? Я хочу набрать форму, я готов усердно работать. Почему вы мне не верите?» Присмотревшись ко мне, они решили, что я, возможно, не притворяюсь, поэтому позволили поехать домой и передохнуть. При этом я оставался в составе и с трудом отыграл три матча чемпионата и даже домашнюю встречу Лиги чемпионов против московского «Спартака». Это был ужасный месяц. Я знал, что со мной что-то не так, но никто, казалось, мне не верил. Я был, вне всякого сомнения, нездоров, я чувствовал жар во время матча Лиги чемпионов, однако понимал, что у меня не оставалось иного выбора, потому что все мои жалобы ставились под сомнение.

На следующий день я лежал дома на диване не в состоянии двигаться, чувствуя себя хуже, чем когда-либо в своей жизни. Я клацал зубами (в буквальном смысле этого слова), у меня появились галлюцинации. Моя дочь, которой в то время было

десять лет, вернувшись из школы, взглянула на меня и спросила: «Пап, а ты в порядке?» И я ответил ей: «Да-да, со мной всё нормально!» Сейчас мне смешно это вспоминать, так как очевидно, что по моему виду можно было сказать что угодно, кроме того, что я был в порядке. Я отправился на анализ крови, и через день результаты показали, что я каким-то образом умудрился подхватить малярию. До сих пор я точно так и не знаю, когда и как это случилось: несколькими неделями ранее я был в Кот-д'Ивуаре, но прилетел туда и улетел оттуда обратно буквально в течение двух дней. Очевидно, что я страдал от малярии уже около месяца, с того момента, когда впервые почувствовал себя нехорошо. Надо сказать, что клуб незамедлительно отправил меня на медобследование, но на том этапе активность паразитов в моей крови еще не достигла того уровня, при котором диагностируется малярия. Сначала болезнь должна была усилиться, прежде чем тесты могли подтвердить, что именно со мной было не так. Думаю, когда я начал чувствовать себя уставшим, я уже был укушен, и моя иммунная система, следовательно, стала уязвимой.

Таким образом, хотя мне и прописали незамедлительно все необходимые лекарства, что позволило впоследствии не пропустить слишком много игр, мои планы на сезон все равно были полностью нарушены. В отдельные дни я чувствовал себя хорошо, порой похуже, а так как мне исполнилось 32, люди неизбежно склонялись к мысли: «Он уже не тот, годы берут свое, и он уже прошел пик своей карьеры».

На этот период накладывалось январское трансферное окно, и неожиданно клуб подписал контракт с Фернандо Торресом – частично из-за того, что я хандрил и еще не вернул своей прежней формы, отчасти потому, что, как мне объясняли, хотели подготовить преемника на то время, когда меня уже не будет в клубе. «Хорошо, я еще не закончил, но никаких проблем!» – думал про себя. Точка зрения клуба мне понятна. Им нужно было смотреть в будущее, и мне следовало это принять.

Фернандо Торрес (или Нандо, как его зову я) был куплен у «Ливерпуля» за рекордные для британского футбола 50 миллионов фунтов. Как только он появился, тренер полностью поменял систему игры, чтобы помочь ему вписаться в команду. До этого времени мы играли с двумя нападающими, как предпочитал я и как, на мой взгляд, было лучше для всей команды. Однако я хотел, чтобы он вписался в команду, поэтому я был вынужден изменить свой стиль игры. Я стал отходить ближе к флангам или же отходил немного назад, исполняя «ложную десятку», – и оставлял его одного на острие атаки. В

предыдущие два года я играл впереди рядом с Николя Анелька и завершал атаки. Теперь мы поменяли структуру, чтобы вписать Нандо в игру, и все эти изменения не срабатывали.

Не способствовало его притирке, разумеется, и то, что он приехал травмированным. Он долгое время играл за «Ливерпуль» с повреждением. Даже за сборную на чемпионате мира он выступал в таком состоянии. Переходя в «Челси» (а этот шаг был организован в рамках большого трансфера), он знал, что не полностью готов. Необходимо учесть также тот факт, что переход был осуществлен в рамках одной лиги между двумя крупными клубами, что ему требовалось стать частью коллектива, в котором все были давно знакомы между собой и который добивался существенных успехов – все это было, на самом деле, достаточно сложно для него. Наконец, при всем уважении к «Ливерпулю», необходимо сказать, что в этом клубе Стивен Джеррард и Фернандо Торрес были королями. В «Челси» же было двадцать два короля. Поэтому я искренне сочувствовал Нандо, осознавая сложность всей ситуации, сложившейся для него. Я оказывался в похожей ситуации (хотя и в меньшей степени) и хорошо знал, какое давление от ожиданий испытываешь после большого трансфера.

В «Ливерпуле» все строилось вокруг него как основного центрфорварда. Речь идет не о том, что другие не могли забивать – они могли, но они «кормили» его мячами, вокруг него была выстроена вся команда именно с той целью, чтобы он забивал. В «Челси» дело было построено не так. Мое положение в «Марселе» было схожим: там я был королем. Затем я перешел в «Челси», где неожиданно для себя вместо 32 голов стал забивать лишь половину этого количества. Это было, конечно, неплохо, но, как нападающему, мне требовалось приспособиться к новым условиям, и я думаю, что Нандо также испытывал с этим трудности. Суть заключалась в том, что ему потребовалось три месяца, чтобы забить первый мяч.

Мы тем временем «вылетели» из Кубка Лиги, потерпев поражение в третьей игре от «Ньюкасла» еще в сентябре. В феврале мы проиграли в четвертом матче Кубка Англии «Эвертону», и защита титула представлялась все менее вероятной ввиду того, что «Манчестер Юнайтед» выглядел фаворитом и был готов вернуть себе чемпионство. Четвертьфинал Лиги чемпионов против наших главных конкурентов на английской арене должен был стать демонстрацией силы двух этих команд.

– Когда мы выиграем Лигу чемпионов? – помню, спросил меня Карло в преддверии первого матча.

– Организуйте команду вокруг меня, и мы ее выиграем, –

ответил я ему.

Это выглядит немного высокомерно, написанное именно так, но я был уверен, что знаю, что нужно делать, чтобы победить. Он мне, по существу, не ответил, лишь пробормотал нечто в духе: «Да, но нет». – «Что ж, без проблем», – отреагировал я. Я был готов принять любое его решение.

Я попал в основной состав на первый матч, который проводился в начале апреля на нашем поле. Увы, я сыграл не слишком удачно, и все закончилось победой «Юнайтед» с минимальным счетом – 1:0 – благодаря голу Уэйна Руни. На ответный матч меня оставили на скамейке запасных – совсем не то, что я планировал получить на свою 300-ю игру в футболке «Челси»! Неудивительно, что я расстроился, в том числе и потому, что знал: я по-прежнему могу сыграть на должном уровне и добиться необходимого результата. Вместо этого тренер предпочел Николя Анелька и Фернандо Торреса. Это было авантюрой, если вспомнить, что Нандо до сих пор ни разу не забил за наш клуб. В конце первого тайма Хавьер Эрнандес открыл счет, и Карло сразу же повернулся ко мне: «Ты должен выйти на поле». Я был, естественно, обеспокоен тем положением, в котором мы оказались: «Теперь уже поздно, и тут ты решил выпустить меня!»

В перерыве я разминался, а после возобновления игры заменил Нандо. Я быстро вошел в игру, заставив Ван дер Сара пару раз спасать ворота. На 77-й минуте я обработал мяч, приняв пас от Майкла Эссьена, приблизился к воротам и сильным нижним ударом пробил мимо вратаря. У нас появилась надежда! Впрочем, радовались мы не слишком долго, так как спустя несколько секунд, в первой же атаке после нашего гола, забил Пак Чжи Сун, выбив нас из борьбы за кубок, который мы никак не могли завоевать и на который так рассчитывал наш владелец.

Стало очевидно, что время тренера подошло к концу. В середине мая «Манчестер Юнайтед» завоевал очередной титул, а мы финишировали с девятью очками позади него. Как обычно, когда сезон складывается не очень гладко, находятся игроки, которые жаловались на тренера и на не слишком частое попадание в основной состав. На самом деле, Карло Анчелотти – очень хороший тренер, но он хорош, скорее, как тренер, как тот, кто собирает команду и выстраивает тактику. Возможно, ему нужен рядом человек, который возьмет на себя бремя проблем футболистов, когда они чем-то недовольны, который возьмет на себя работу с людьми, позволив тренеру сосредоточиться только на футбольных элементах.

До какой-то степени этим занимаются помощники, и это

правда, что мы в ноябре лишились отличного помощника тренера в лице Рэя Уилкинса. Работа помощника заключается в том, чтобы быть близко к тренеру, но в то же время и к игрокам – понимать их чувства, знать, когда следует с ними переговорить и что именно следует говорить, если они разочарованы или расстроены. Если футболист не попадает в основной состав, то первым, к кому он подойдет, будет помощник, а не главный тренер. Помощник, конечно, может сказать: «Иди и поговори с главным». Но если он хорошо чувствует себя в этой роли, он попытается объяснить тебе, в чем заключается проблема. Может быть, игроку необходимо поработать над каким-то конкретным аспектом, или тренер хочет попробовать в деле другого футболиста. Как бы то ни было, помощник исполняет функции посредника, и вполне возможно, что Карло Анчелотти мог бы справиться с обязанностями тренера, не будь он так обременен всем остальным. В немалой степени это произошло потому, что он слишком хороший человек. Он хотел угодить всем и каждому, а это невозможно.

В конце сезона Карло был уволен. За два дня до этого он пришел повидаться со мной.

– Я очень рад, что имел возможность работать с тобой, Дидье. Сожалею, что мы не всегда приходили к согласию по некоторым вопросам. Хочу, чтобы ты знал: в этом не было ничего личного.

– Ничего страшного, я все понимаю. Это же футбол, – ответил я.

Двумя годами ранее он потрудился позвонить мне перед началом сезона, чтобы поздороваться со мной. Теперь он сделал так, чтобы убедиться, что мы расстаемся друзьями. В обоих случаях он совершенно не обязан был это делать. Но именно поэтому, как я уже и сказал, его считают отличным человеком.

Глава 13
АВБ и РДМ
(2011–2012)

В июне объявили имя нового тренера – Андре Виллаш-Боаш (или АВБ, как его вскоре назовут британские средства массовой информации). Он стал шестым тренером за семь лет моего пребывания в клубе. Если же брать в расчет только четыре года с момента отставки Жозе Моуринью в сентябре 2007 года, то пятым. В конце прошлого сезона до меня доходили слухи, что хотят назначить именно его, и я был рад, когда услышал подтверждение этому, поскольку хорошо знал Андре и считал его своим другом. Мы были давно знакомы. Когда я играл в «Марселе», он работал одним из помощников Моуринью в «Порту» и часто приезжал посмотреть на меня и составить для Жозе соответствующий отчет. Он последовал за Моуринью в «Челси», затем перешел в «Интер», и все это время мы поддерживали отношения, отправляя друг другу сообщения. Я полагал, что это было хорошо для меня. В качестве главного тренера в «Порту» он в предыдущем сезоне достиг впечатляющих результатов: «Порту» стал клубом без единого поражения, с запасом в двадцать очков выиграл чемпионат Португалии, победил в Лиге Европы. Таким образом, под его руководством «Порту» в 33 года своего существования стал самым молодым в истории футбола победителем еврокубка.

Таким образом, в «Челси» Андре пришел с весьма хорошими рекомендациями, и я надеялся, что он в полной мере проявит у нас свой тренерский талант. Переживаний по поводу того, что мой друг теперь будет решать, буду я играть или нет, у меня не было. По-моему, если дружба настоящая, то надо уметь отделять личное от профессионального. Ему следовало вести себя честно и прямо. Если он не собирался ставить меня в основной состав, ему следовало сказать: «Я не включил тебя, потому что другой парень лучше, или потому что я хочу сыграть по другой схеме». Даже если меня это расстроит, я должен буду осознать, что это профессиональное решение, которое ясно донесено до меня. На мой взгляд, ситуация была совершенно простой, поэтому я не беспокоился.

Появившись у нас, Андре назначил своим помощником Роберто Ди Маттео. Таким образом, Роберто вернулся в клуб, за который он шесть лет выступал на позиции полузащитника.

Андре применял те же тренировочные методы, что и Жозе, и это очень радовало нас. Те, кто были в клубе в те дни, вернулись к тому режиму, который они прекрасно знали. Наряду с этим из неофициальных источников нам стало известно, что он собирался избавиться от некоторых игроков, которых он считал стареющими: от Фрэнка Лэмпарда, Эшли Коула, а также от меня. Это было его право, поскольку клубу нужно было продолжать двигаться вперед, и в таком случае ему не следовало держать этих игроков в клубе, когда он пытался совершить свою революцию. Хотя мы не жаловались всем подряд, наше недовольство данной ситуацией оказывало определенное влияние на всю команду.

Наступал последний год моего контракта с клубом, тогда как контракт с Андре был рассчитан на три года, поэтому, как мне кажется, он чувствовал, что его позиции сильнее моих (в отношении моей роли в команде), поэтому, придя в клуб, он не стал обсуждать этот вопрос. Во время первого матча против «Сток Сити» я остался на скамейке запасных, а в основной состав попал Нандо. Я полагал, что мог бы получить должное игровое время хотя бы во втором тайме, учитывая, что в играх против «Стока» всегда либо забивал, либо создавал голевые моменты. В этой связи я был разочарован, когда меня выпустили лишь на заключительные 10 минут, а игра закончилась нулевой ничьей.

На той же неделе я подошел к нему.

– Андре, я хотел бы знать свое место в команде, а также почему ты даешь мне играть только десять минут.

Он ответил, что после первой тренировки во время межсезонья он ушел с мыслями: «Ух! Дидье ничуть не изменился, ему нет равных, он по-прежнему лучше всех!» Но затем, к концу межсезонья, все же решил, что Нандо, на самом деле, лучше меня во всем.

– Нет, я так не думаю, – ответил я. – Если ты хочешь быть справедливым, то должен признать, что лучшим на тренировках в межсезонье был Нико (Анелька). Не Нандо и не я. Так что если Нико будет выходить в начале игры, у меня не будет никаких возражений.

Затем я попросил его быть честным со мной и откровенно довести до меня, какая роль мне отводится. Он, однако, уклонился от прямого ответа. Думаю, это тоже был своего рода ответ.

Андре решил менять состав: я бы играл один матч, Нандо – следующий, затем Нико и так далее. Для меня как для игрока, нуждающегося в определенном ритме, в регулярной игровой практике, такое решение было не из лучших. Полагаю, что и для

других нападающих тоже. Тяжело сохранять темп, если ты забиваешь, но при этом знаешь, что в следующем матче (или даже двух) ты все равно не выйдешь на поле.

Подготовительный период был для нас не слишком тяжелым, что, как и в случае с Луисом Фелипе Сколари, привело к хорошему старту: мы забивали и выигрывали матчи, поскольку чувствовали себя свежими. На том этапе Андре выглядел уверенным в себе, активно тренировал молодых ребят, в том числе Даниэля Старриджа. Потом, на втором и третьем месяцах сезона, мы сникли, проиграв в важных матчах против «Манчестер Юнайтед», «Арсенала» и «Ливерпуля» (двум последним – дома). Был такой момент в октябре-ноябре, когда мы в четырех играх Премьер-лиги потерпели три поражения (или три поражения подряд, если учитывать проигрыш клубу «Байер Леверкузен» в Лиге чемпионов). Кроме того, в Кубке Лиги мы проиграли в четвертьфинале на своем поле «Ливерпулю» спустя неделю после поражения от них же (тоже дома) в Премьер-лиге. В декабре у нас было три ничьих подряд со счетом 1:1 в матчах с «Уиганом», «Тоттенхэмом» и «Фулхэмом».

Опытные игроки в команде не знали, какую им отводят роль, поэтому им было тяжело понять, что говорить более молодым членам команды об общей стратегии клуба или в целом для поднятия духа. Мы не могли просто взять и сказать им: «Зачем ты делаешь это?», или же: «Попробуй сделать вот так», – потому что сами недостаточно тесно общались с тренером и поэтому не знали, что он от нас хочет как от команды.

Домашнее поражение от «Ливерпуля» стало символичным результатом всей стратегии тренера в то время. Андре очень хотел организовывать атаки от собственной вратарской площадки, причем с участием вратаря, чтобы тот пасовал центральным защитникам и чтобы мяч, таким образом, постепенно перемещался вперед по полю. Я не был в восторге от этой идеи, поскольку в Премьер-лиге так играть тяжело. Команды обычно сильно прессингуют по всему полю. Мне казалось, что лучше делать длинный пас, бороться за подбор мяча и начинать атаку уже из той зоны, а не подвергаться дополнительному риску пропустить гол в свои ворота. Я объяснил свою точку зрения, однако Андре был убежденным сторонником своей идеи. На командном собрании за день до игры с «Ливерпулем» он сказал, что не согласен со мной и что мы должны играть по его модели. Хорошо, пусть будет так. Я попал в стартовый состав, а Нандо остался на скамье запасных.

При счете 1:1 на 84-й минуте меня заменили. На 87-й минуте мы попытались начать атаку от своих защитников, потеряли мяч,

Глен Джонсон овладел им, обыграл нескольких защитников – и забил гол! Для меня это было ужасное разочарование.

На следующий день тренер созвал ветеранов команды: меня, Джей Ти, Петра, Фрэнка. Он хотел узнать, что происходит, почему мы не выигрываем, и вообще у него было множество вопросов. Выглядело это так, словно он хотел посоветоваться с нами, заручиться нашей поддержкой. Как обычно, я выступил, попробовав объяснить все хотя бы с точки зрения нападающего: ему необходимо было перестать нас чередовать; было бы лучше, чтобы он дал мне возможность отыграть, к примеру, три игры подряд, чтобы я мог показать себя. «Если после этого вы все равно будете недовольны мной, то хорошо, я буду готов покинуть поле. Выберите кого-то другого». Как мне показалось, он внимательно выслушал все то, что я сказал ему. Кроме того, я посоветовал ему повременить с реализацией собственной концепции игры, хотя бы до тех пор, пока мы не одержим несколько побед и не обретем уверенность в своих силах. И снова он, как мне показалось, принял мои комментарии к сведению.

На следующий день было организовано общекомандное собрание. Нам всем не терпелось услышать, что скажет тренер.

– Мы должны придерживаться нашей концепции и нашего стиля игры. Я уверен в том, что это поможет нам одержать победу в Лиге чемпионов, – заявил он.

Яснее он не мог выразиться. Словно разговора с Петром, Фрэнком, Джей Ти и мной никогда и не было. Он желал продолжать все делать по-своему.

Затем Андре поочередно спросил каждого игрока, верит ли он в то, что мы в состоянии выиграть Лигу чемпионов. Все ответили утвердительно. Когда очередь дошла до меня, я сказал: «Простите, тренер, но я не верю, что мы ее выиграем». Я считал, что хорошо знаю Андре как человека, учитывая наше многолетнее знакомство, я полагал, что он поймет меня, поймет, что я не боюсь честно высказывать свою точку зрения. С ним я всегда чувствовал себя свободно, высказывая свои мысли. Он же выглядел на этот раз разочарованным.

– Дидье, ты должен верить, – ответил он и объяснил мне, почему.

– Извини, Андре, но я не могу.

В целом после этого собрания атмосфера в коллективе не ухудшилась, но, вероятно, для него этот обмен мнениями был столь же разочаровывающим, как и для меня. Спустя несколько дней это все обернулось в забаву, поскольку некоторые начали подтрунивать надо мной, где бы мы ни встречались: «Верь, Дидье, верь!» – восклицали они, посмеиваясь.

В начале декабря Николя Анелька и наш центральный защитник бразилец Алекс попросили, чтобы их выставили на трансфер, поэтому их отстранили от тренировок с основным составом. Для нас это была не лучшая ситуация. За все восемь лет, что я был в клубе, такого никогда не случалось. Однако тренер считал, что он пришел сюда надолго, а эти игроки собирались уходить из клуба, и владелец клуба отнесся нормально к тому, как поступил тренер. Таким образом, те, кто хотел работать с тренером, могли оставаться; те же, кто собирался уходить, могли тренироваться лишь с резервом.

Это означало, что в целом в составе осталось два центрфорварда: Фернандо Торрес и я. Когда стало ясно, что я не вписываюсь в планы тренера на будущее, другие клубы начали присылать запросы на меня. Однажды после тренировки я увидел на телефоне пропущенный вызов от моего агента. Я перезвонил ему – и оказалось, что мне поступило предложение от того же китайского клуба, который уже пригласил Николя Анелька. Я направился переговорить с главным тренером.

– Помнишь, что ты сказал насчет тех игроков, которые недовольны своим положением?

– Да, – ответил он.

– Так вот, я получил предложение.

Он понял, что по неосторожности может через несколько дней остаться лишь с одним опытным нападающим. Меня попросили ничего не отвечать и не принимать никаких решений. Я с уважением отнесся к этой просьбе и отложил все полученные предложения в сторону.

В начале января мне было необходимо отправляться на Кубок африканских наций. Раньше из-за этого чемпионата мой клубный сезон обрывался. Теперь же я был счастлив поехать туда.

Вернувшись в конце февраля после очередного поражения Кот-д'Ивуара в финале (на этот раз в серии пенальти в матче со сборной Замбии), я узнал, что отношения между главным тренером и футболистами накалились до предела. С некоторыми из них он поссорился, у других существенно снизилась заинтересованность в работе с ним. В первом матче $^1/_8$ финала Лиги чемпионов в Неаполе ветераны клуба (такие, как Фрэнк Лэмпард, Эшли Коул и Майкл Эссьен) остались на скамейке запасных, мы проиграли со счетом 1:3, и Роман Абрамович впервые подверг сомнению выбор стартового состава.

Не лучшим образом шли дела и в Премьер-лиге. В середине февраля мы выбыли из первой четверки и больше уже не могли претендовать на титул. Поражение от клуба «Вест Бромвич Альбион» 4 марта стало для Андре роковым. Теперь от

находившегося на четвертом месте «Арсенала» нас отделяло уже четыре очка – в такой ситуации мы не оказывались ни разу за все годы моего пребывания в клубе. На следующий день Андре был уволен, чему никто не удивился.

Он действительно очень хотел добиться успеха и был весьма талантлив в качестве тренера талантов. Чисто по-человечески Андре вызывает у меня чувство симпатии, но, на мой взгляд, его главной ошибкой было думать, что все будет легко, что мы обязательно победим, если просто будем следовать выбранному им пути. Нельзя исключать, что в «Порту» именно так и было. Но в целом в футболе было бы ошибкой так думать. Нельзя добиться успеха, всегда все делая по-своему. Игра складывается в результате усилий отдельных личностей, у многих из которых огромный опыт, и необходимо действовать совместно. Вы должны уметь прислушиваться к ним, общаться с ними. В противном случае, даже руководя такой командой, как «Челси», ничего не добьешься.

Исполняющим обязанности главного тренера назначили Роберто Ди Маттео, помощника Андре. Команда сразу же одержала целый ряд побед в Премьер-лиге, Кубке Англии и Лиге чемпионов. Результат в последнем чемпионате был особенно важен, так как после поражения в Неаполе со счетом 1:3 мы смогли в дополнительное время одержать фантастическую победу – 4:1, и я забил первый мяч, который помог нам контролировать игру.

В Кубке Англии мы также достигли весьма приличных результатов, включая победу в четвертьфинале над клубом «Лестер Сити» со счетом 5:2 и разгром в полуфинале на стадионе «Уэмбли» клуба «Тоттенхэм Хотспур» со счетом 5:1. В первой из этих игр Фернандо Торрес забил за наш клуб первый дубль, что стало для каждого из нас (и особенно для него) большой радостью, знаком того, что мы постепенно начинали обретать уверенность в своих силах и что к команде возвращался нужный настрой.

Роберто Ди Маттео вначале вел себя на посту главного тренера немного нерешительно. Он не тратил много времени и сил на общение с нами, но команда сама провела собрание, и Джон Терри смог мотивировать команду. Он отметил, насколько для нас важно взять на себя ответственность за то, что мы делаем на поле, как важно держаться вместе и снова стать единым целом, одной командой.

Я также обратился к собравшимся:

– Я мог уйти из клуба еще в январе, но я по-прежнему здесь. А почему? Потому что я верю, что у нас есть шанс завоевать кубок

в Лиге чемпионов. Возможно, я и ошибаюсь, и мы проиграем турнир, но я сделаю все, чтобы мы его выиграли. Я здесь уже восемь лет, и я не жаловался, когда оказывался на скамейке запасных. Поэтому, если я увижу, что кто-то жалуется на то, что он не играет, или на то, что его что-то не устраивает, то у него будут со мной проблемы. Если кому-то не нравится, что не он играет, пусть идет и говорит с главным тренером. Но внутри нашего коллектива мы хотим видеть довольные лица, мы хотим наслаждаться футболом, так что давайте постараемся выиграть Лигу чемпионов.

Так мы начали перестраивать свою команду. Основное внимание требовалось уделить скорее психологическому фактору, чем какому-то другому. Джон, Фрэнк, Эшли, Петр и я (те, кто составлял ядро опытных игроков) взяли на себя функции лидеров и стали поднимать дух команды. Вскоре Роберто тоже понял, что происходит, и начал больше общаться с нами и взаимодействовать.

К примеру, он подзывал меня и говорил: «Дидье, ты не можешь играть каждый матч. Пусть сегодня выйдет Нандо». Или: «Сегодня ты можешь отдохнуть, но следующая игра очень важная, поэтому ты должен быть к ней готов». И я мог совершенно спокойно готовиться к этой игре.

Обычно я просил Роберто:

– Все, что я хочу от тебя, – это чтобы ты говорил мне все заранее. Если я не играю – ничего страшного, но не хочу приходить на инструктаж перед матчем, всматриваться в список основного состава и не видеть там своего имени. Мне так тяжело. Я не 17-летний парень, который вытягивает лицо, если узнает, что его не включили в основной состав. Нет. Не переживай за меня. Просто скажи мне: «Ты играть не будешь». От тебя даже не требуется ничего объяснять мне. Просто скажи мне, что я не попадаю в состав, может, потому, что ты хочешь попробовать что-то новое. Просто это твое решение, и точка.

Нормальное общение – вот что я всегда просил от всех тренеров. Это весьма просто наладить, но удивительно, как часто этим пренебрегают. Роберто Ди Маттео, впрочем, был достаточно умен, поэтому он прислушивался к моему мнению и к мнению других ветеранов команды, и результаты на поле говорили сами за себя.

Наша победа над «Тоттенхэмом» со счетом 5:1 в полуфинале Кубка Англии в середине апреля явилась наглядным тому подтверждением. Незадолго до перерыва я открыл счет, забив один из своих лучших голов за «Челси». Фрэнк Лэмпард сделал длинную передачу с нашей половины поля. Я обработал пас, в

борьбе с Уильямом Галласом развернулся, отвоевав перед ним важные полметра, и с левой ноги с силой засадил мяч под перекладину. Карло Кудичини попытался достать мяч, но впустую. Для меня и для команды это был действительно очень важный гол, так как после него мы заиграли более раскованно и забили другие голы.

Спустя несколько недель в финале против «Ливерпуля» Рамирес забил за нас первый мяч всего через одиннадцать минут после стартового свистка. Я тоже очень хотел отличиться, поэтому был напряжен и играл не слишком хорошо. В перерыве я сказал себе, что нужно перестать так давить на себя, попробовать забыть о голах и сконцентрироваться на том, чтобы помогать команде. И вот уже через семь минут Фрэнк Лэмпард сделал мне идеальный пас, и я с левой ноги отправил мяч в угол. Этот гол стал победным – мы выиграли со счетом 2:1. И вновь мой результативный удар оказался решающим.

Это был мой восьмой гол за «Челси» на стадионе «Уэмбли», я стал первым в истории, кто забивал в четырех финалах Кубка Англии, – рекорд, которым я действительно горжусь. Без Фрэнка, впрочем, он был бы невозможен. Он причастен ко многим моим важным голам за «Челси». Что бы ни думали, таких успехов не добиваются случайно. После тренировок мы часто оставались на пять, десять или даже двадцать минут, работая перед воротами, стараясь пробить в них мяч и развивая такое взаимопонимание, чтобы каждый из нас инстинктивно знал, что будет делать его партнер и куда он будет двигаться. Фрэнк работал и работал, как и я, и мы неустанно поощряли друг друга к тому, чтобы становиться все лучше. Нам обоим в нашей карьере пришлось много трудиться, чтобы достичь этого уровня, поэтому у нас был схожий образ мыслей, мы понимали друг друга с полуслова. Нам ничего не давалось легко, мы оба знали, что одного таланта никогда не бывает достаточно, что всегда необходим еще тяжелый труд. Трудолюбие – одно из множества причин, по которым я уважаю Фрэнка и считаю огромной честью быть звеном такой замечательной связки, которая сложилась у нас с ним в «Челси».

Когда я забил на «Уэмбли» наш второй мяч, то был настолько счастлив, что даже не понял, что именно происходит. Празднования голов обычно рождаются инстинктивно, и в тот раз моей первой мыслью было поблагодарить Бога за то, что я смог забить, и удивиться, почему же мне удавалось забивать эти решающие голы в финалах? Разумеется, я никогда не получу ответа на этот вопрос, но это не имеет значения. То чувство было просто потрясающим. О выигрыше кубка после такого начала

сезона было трудно даже мечтать. Главная игра в жизни всех нас должна была состояться через две недели, и мы могли как следует подготовиться к ней, лишь насладившись завоеванием этого кубка и осознав, что нам по силам выиграть еще один.

Глава 14
Один вечер в Мюнхене

С чего начать описание самого замечательного вечера в моей футбольной жизни? Очевидно, я должен немного вернуться в прошлое, к моменту, когда в четвертьфинале мы обыграли «Бенфику». В первом матче на выезде мы добились минимальной победы со счетом 1:0, а когда финальный свисток прозвучал на стадионе «Стэмфорд Бридж», мы вели со счетом 2:1 – по сумме двух игр 3:1. Бóльшую часть той игры я смотрел со скамейки запасных, но ничуть из-за этого не расстроился. Наоборот, я ликовал от мысли об очередном попадании в полуфинал, в шестой раз за девять лет. Я никогда ничего не воспринимаю как должное, в том числе и результат этой игры, поэтому я был счастлив. Однако, вернувшись в раздевалку, я увидел, что, несмотря на выражение счастья на лицах моих парней, особой атмосферы празднования этой победы не было, поэтому я принялся радостно кричать и прыгать.

– Мы снова в полуфинале! – выкрикивал я, а остальные выпучили глаза, решив, судя по всему: «Дидье точно сошел с ума! Что это на него нашло?»

– Когда ты последний раз доходил до полуфинала Лиги чемпионов? – поочередно спросил я у нескольких молодых игроков.

– Э-э…

– Вот именно, ты не помнишь, потому что – никогда! Так что наслаждайся этим! Радуйся!

Даже Робби Ди Маттео говорил: «Порой тяжело заставить игроков проявить свои эмоции». Поэтому я повернулся к нему и повторил свой вопрос:

– Приятель, когда ты в последний раз был в полуфинале Лиги чемпионов?

– Ты прав, никогда.

– Поэтому расслабься, приятель, и наслаждайся этим! Наслаждайся этим моментом!

Когда это требуется, я серьезный парень. Когда это требуется, я много работаю. Но когда есть такая возможность, я обожаю повеселиться и насладиться моментом – и это был как раз такой случай. А все вели себя так, словно это вполне обычное дело – добираться до столь высокой стадии турнира. Но это вовсе не обычное дело. Для меня это в любом случае было большим событием. Кроме того, нам предстояло играть с «Барселоной», а

значит, у нас появился шанс взять реванш за наше весьма спорное поражение в предыдущем полуфинале в 2009 году.

Завершение сезона – с февраля по май – всегда является наиболее важной его частью, именно в этот период выигрываются кубки. В том году я сделал все, что мог, чтобы убедить всех, что пришло наше время, наш момент для триумфа. Я был уверен в том, что сам хорошо готов физически, а также в том, что мои партнеры по команде осознали всю важность этих месяцев для всех нас.

Помню, как однажды я сказал Хуану Мате: «Мне нужна твоя помощь, чтобы выиграть Лигу чемпионов. Пожалуйста!» Его удивленный взгляд говорил сам за себя. «Потому что это ты! Ты должен помочь мне, Хуан! Я играю здесь восемь лет и до сих пор не могу выиграть этот кубок, так что, возможно, именно ты тот, кто наконец-то мне поможет». Он продолжал ошеломленно смотреть на меня и не мог вымолвить ни слова. «И если мы выиграем Лигу чемпионов, приятель, то с меня подарок!» Я громко рассмеялся, то же самое сделал и Хуан, хотя и было ясно, что он слегка сконфузился. Не то чтобы ему требовался дополнительный стимул в игре, но, как мне кажется, он все же осознал, что, несмотря на свой смех, я был настроен весьма решительно завоевать так долго ускользавший от меня и от клуба трофей.

Первый матч полуфинала игрался на стадионе «Стэмфорд Бридж». У «Барселоны» был один из лучших футболистов мирового уровня, Лионель Месси, а также несколько прекрасных игроков вроде Алексиса Санчеса, Хави, Сеска Фабрегаса, и не только они. За сутки до игры у нас было традиционное собрание команды, на котором мы обсудили их манеру игры: то, как они организуют атаку, их склонность делать множество передач, проблемы в отборе у них мяча. Мы понимали, что нам придется нелегко. Затем, уже в самом конце, Робби Ди Маттео сделал то, что делал всегда: продемонстрировал нам список лучших бомбардиров соперника. Обычно там было нечто вроде «Руни – 22 гола, ван Перси – 15 голов» и так далее. И вот появился список «Барселоны». На третьем месте стоял Хави с 14 голами, второе место делили Алексис Санчес и Сеск Фабрегас с 15 голами. Когда на экране появился их лидер, мы все засмеялись, поскольку на верхней строчке значился Лионель Месси с… 63 голами, 14 из которых были забиты только в Лиге чемпионов! 63 мяча за сезон? Цифра была столь невероятной, что мы все недоверчиво переглянулись и только усмехнулись – а что мы еще могли сделать? Я даже сфотографировал эту картинку, поскольку она выглядела слишком вызывающе.

С самого начала игры Хуан Мата, который обычно много работает с мячом, не смог даже приблизиться к нему. Я выглядел не намного лучше. Когда я получал мяч и бросал взгляд вперед, ворота нашего соперника каждый раз виднелись где-то вдали – настолько мощное давление они беспрерывно оказывали на нас. Единственным способом справиться с ними были контратаки, поэтому, как только нам удавалось овладеть мячом, мы старались оторваться от них, используя скорость Рамиреса, которого поддерживал Лэмпард. Впрочем, в любом случае это были лишь теоретические выкладки. Наш соперник владел мячом более 70 % времени и создал множество голевых моментов, включая два попадания в штангу и вынос мяча Эшли Коулом с линии ворот после удара Фабрегаса. В свою очередь, мы смогли создать лишь один-единственный голевой момент. Само собой разумеется, он возник в результате контратаки – как мы и планировали. Незадолго до перерыва Месси потерял мяч, Лэмпард подобрал его и сделал точный навесной пас налево на Рамиреса. Тот обработал мяч, сделал рывок, прошел защитников и отдал мяч назад через штрафную мне – а я смог послать его в сетку сильным ударом с левой ноги. Все произошло настолько быстро, что «Барселона» была застигнута врасплох. Я подбежал к угловому флагу, как я часто делал, и, упав на колени, отсалютовал фанатам. Признаться честно, я слишком устал, чтобы праздновать, бегая вокруг, и когда мы по окончании первого тайма пришли в раздевалку, все часто и тяжело дышали, устав после бесконечных перемещений в обороне. Я нападающий, но в той игре действовал как полузащитник, потому что соперник прессинговал нас очень сильно.

В раздевалке Хуан Мата не переставал жаловаться мне, что практически совсем не владеет мячом. На мой взгляд, это должно было беспокоить нас в последнюю очередь.

– Приятель, – медленно ответил я, подходя к нему, – сегодня ты можешь не переживать оттого, что не прикасаешься к мячу. Просто бегай! А когда устанешь, скажи об этом – и тебя заменят. Это не проблема. Я сам почти не получаю мяча, но ведь я же не жалуюсь. Самое главное – добиться результата. Понятно?

Мы избрали верную тактику. Мы не были лучшей командой в тот вечер, однако же выиграли – 1:0. Мы достигли своей цели.

Нашей следующей задачей было хорошо сыграть с этим сильным клубом уже на стадионе «Ноу Камп». Мы избрали ту же тактику, что и раньше, разница заключалась лишь в том, что на 35-й минуте матча мы пропустили гол, так что по итогам двух игр мы сравнялись. Спустя пару минут у нас произошла еще одна неприятность: Джей Ти был удален за удар Алексиса Санчеса

коленом в эпизоде, когда у него не было мяча.

После того как «Барселона» повела 2:0 в результате гола Иньесты после превосходного паса Месси, проще всего было бы сдаться, но у нас даже мысли такой не было. В предыдущие восемь лет, когда нам приходилось играть в Барселоне, мы практически всегда забивали. Может быть, именно поэтому я был уверен, что нам удастся сделать это и в тот вечер.

За несколько мгновений до свистка на перерыв Лэмпард выдал пас Рамиресу, который, появившись из ниоткуда, «черпачком» перебросил мяч через Виктора Вальдеса, вратаря «Барселоны». Это был важный гол, поскольку теперь, к середине игры, у нас было поровну забитых мячей, но мы были впереди с учетом гола, забитого в гостях. Психологически это было действительно крайне важно. Общее настроение в раздевалке было таким: «Ладно, мы остались вдесятером, нам нужно выстоять еще 45 минут». Именно в этот момент игроки смогли проявить инициативу, взяв ответственность на себя: когда тренер велел Браниславу Ивановичу играть на месте центрального защитника, Жозе Босингва возразил: «Нет-нет, я буду играть на этом месте», – а потом, продолжив, высказался по поводу того, как должны располагаться остальные игроки. Мы все приняли участие в обсуждении и в принятии решения относительно того, что нам нужно во втором тайме. Насколько мне помнится, я сказал следующее: «Мне все равно, если надо, я могу сыграть и на месте левого защитника. Нам сейчас не нужен нападающий. В зависимости от ситуации я буду играть либо на месте нападающего, либо на месте левого защитника». Мы полностью перестроились и во втором тайме оборонялись так, словно от этого зависели наши жизни.

К сожалению, я перестарался и заработал пенальти за грубую игру против Фабрегаса. Лионель Месси подошел к мячу, чтобы произвести удар. Казалось, это наверняка должно было обеспечить им победу и позволить спокойно бронировать билеты на рейс в Мюнхен для игры в финале. Может быть, в тот вечер боги были за нас, а может, Месси не мог избавиться от мысли, что он нам никогда не забивал. Как бы то ни было, его сильный удар пришелся в перекладину. Иногда такое случается.

Игра продолжалась, и у нас оставалась надежда забить еще один мяч, хотя, прежде всего, нам следовало не дать сделать этого своим соперникам. К 80-й минуте я уже не мог больше бегать, и мне на замену вышел Фернандо Торрес. Время приближалось к завершению игры. И вдруг в дополнительное время Нандо сделал то же, что сделали наши соперники в 2009 году на стадионе «Стэмфорд Бридж»: он забил гол, и это был

один из самых великолепных голов в истории «Челси». Находясь в стороне от центра событий, он неожиданно принял длинный пас из глубины нашей половины поля, в полном одиночестве пробежал полполя, спокойно обвел Вальдеса и уложил мяч в пустые ворота. Это был просто сумасшедший гол! Мы были вне себя от счастья, болельщики сходили с ума, а вся наша команда запрыгнула на Нандо, празднуя то, чего мы только что смогли добиться. Обычно не удается пробежать почти целое поле таким вот образом, не говоря уже о том, что у нас почти час было на одного игрока меньше (причем не просто игрока, а капитана, талисмана команды). Кроме того, мы играли, возможно, против лучшего в истории состава «Барселоны».

Итак, мы вот таким образом прошли в финал, несмотря на все прогнозы, несмотря на то что наш соперник вновь доминировал (они опять владели мячом более 70 % времени). Однако некоторые результаты в футболе просто необъяснимы и невероятны, и это был как раз тот самый случай. Празднование нами победы затянулось до глубокой ночи!

Я уже рассказал о выигрыше нами Кубка Англии в матче с «Ливерпулем» через две недели после игры с «Барселоной». Затем у нас было две недели для подготовки к финальному матчу в Мюнхене с мюнхенской «Баварией». Обычно в таком важном поединке фактор своего поля дает хозяевам серьезную фору, и игра предвещала нам немало сложностей, однако я, как это ни странно, не позволял себе переживать из-за этого. Я дважды играл против этого клуба, в том числе один матч на его прежнем стадионе, и в обоих матчах забивал. Поэтому, хоть они, несомненно, и являлись сильной командой, у меня перед финалом не было плохих предчувствий.

Четыре года назад мы прилетели в Москву, на мой взгляд, слишком рано: за два дня до игры, и эти дни, казалось, тянулись целую неделю. На этот раз мы прибыли утром за сутки до матча. В тот день в команде можно было почувствовать напряжение, поскольку игроки не вели себя так, как обычно: было меньше разговоров, больше погруженности в себя и сосредоточенности на предстоящем событии.

На общекомандном собрании, состоявшемся накануне игры вечером, тренер включил видео. Мы ожидали увидеть привычный ролик с описанием соперника, который тренер обычно использовал при подготовке к матчам. Однако на сей раз он показал нам другое. По существу, это стало для нас полным сюрпризом. Это было видео с нашими женами, подругами, детьми, которые говорили нам слова поддержки, напоминали нам о том, как сильно они нас любят, о том, что они постоянно

думают о нас, и так далее. Все это наверняка было записано без нашего ведома в течение двух предыдущих недель, и увидеть их на экране было здорово, это действительно воодушевило нас. Некоторые игроки восприняли увиденное весьма эмоционально, другие, желая скрыть свои чувства, отшучивались. Но никто не остался безучастным к этой замечательной идее Робби, которая взбодрила всех нас.

Тактика, которой было решено придерживаться в финале, напоминала ту, которую мы использовали против «Барселоны». Мы знали, что они будут больше владеть мячом, активно прессинговать и затруднять нам контроль мяча на их половине поля. Мы, в свою очередь, понимали, как важно было надежно защищаться и при возможности атаковать. Но (говорили мы сами себе) мы знали, как мы умеем защищаться против лучших команд, даже оставшись в меньшинстве, поэтому у нас не было страха. Кроме того, мы были уверены, что сможем забить, по крайней мере, один гол, поскольку раньше нам всегда удавалось это делать в играх против них. В общем, мы выходили на игру с хорошим настроем.

Стадион на три четверти окрасился в красный в результате огромного числа болельщиков «Баварии». Было такое впечатление, словно мы играли выездной матч, с той лишь разницей, что это была самая важная для нас игра. Если не считать Паулу Ферейру и Жозе Босингву, побеждавших в составе «Порту», никто больше из нашего состава не выигрывал Лигу чемпионов, а восемь наших игроков в 2008 году проиграли в финале в матче с «Манчестер Юнайтед», так что ставки были высоки.

Поскольку Джон Терри был дисквалифицирован, капитанскую повязку надел Фрэнк Лэмпард. С самого начала матча мы были вынуждены играть в обороне под массированным давлением нашего соперника. Стоило только нам попытаться организовать хоть какую-то атаку, они сразу же принимались прессинговать. Мы пробовали идти вперед, но все наши попытки оказывались тщетными. Во втором тайме счет все еще оставался нулевым, и мы знали, что обычно в такого рода матчах побеждает тот, кто забивает первым.

Мы пытались не откатываться назад под давлением соперника, как в первом тайме, а завладеть мячом на чужой половине поля, однако это было трудно сделать: мало того, что на этом матче не было Джей Ти, так еще и Давид Луиз с Гарри Кэйхиллом были не полностью готовы к игре. Действовавший на левом фланге Райан Бертран был еще молодым и достаточно неопытным в то время футболистом, и существовал риск, что он

поддастся нервозности ситуации. Накануне игры, увидев свою фамилию в составе на игру, он добрых десять минут сидел на месте, уставясь в пустоту перед собой. Мне даже пришлось хлопнуть его по плечу, чтобы вывести из состояния транса и немножко приободрить: «Давай, Райан, тебе нужно чего-нибудь перекусить, чтобы набраться сил – ведь завтра тебе придется здорово побегать!»

И вдруг на 83-й минуте они нам забили: Томас Мюллер сделал это головой с передачи Тони Крооса. Это был ничем не приметный гол после отнюдь не идеального удара – но это был гол. Мне показалось, что все кончено. Игра была завершена. Если, к примеру, «Челси» забивал уже к исходу игры, то у другой команды обычно уже не оставалось никаких шансов, поэтому я и подумал, что и здесь будет точно так же. Это вновь означало крушение всех надежд.

Устанавливая мяч в центре поля для возобновления игры, я лишь приговаривал: «Нет-нет-нет!», – однако Хуан Мата, которому было всего 24 года, подбодрил меня.

– Дидье, – сказал он, – ты должен верить. Ты не должен отчаиваться!

С поля ушел Саломон Калу, ему на замену вышел Фернандо Торрес. За три минуты до конца матча Нандо заработал для нас угловой. Хуан Мата пошел подавать. В штрафной была масса игроков. Я услышал, как Давид Луиз говорил Бастиану Швайнштайгеру: «Смотри, мы сейчас забьем».

Мяч по высокой траектории полетел к нам, я сделал рывок в штрафной к ближней штанге, перехитрил опекавшего меня игрока и, как много лет назад учил меня мой дядя, идеально вычислил момент для прыжка. Мяч от моей головы залетел в сетку, миновав руки Мануэля Нойера.

Несколько месяцев назад я просил Хуана помочь мне выиграть Лигу чемпионов – и теперь он спас нас, подарив нам шанс прекрасным навесом с углового. Когда я подбегал к боковой линии и падал на колени для празднования гола, я был просто в трансе. В течение многих долгих минут до этого я умолял Бога: «Если Ты действительно есть, покажи мне, что делать, покажи!» Когда я забил, я мог лишь бесконечное число раз благодарить Его, поднимая к небу указательные пальцы, чтобы вопросить: «Почему, почему, почему? Почему он помог мне?» Я попросил о помощи – и я получил ее. Это было невообразимо, неожиданно, совершенно необъяснимо.

В дополнительное время нам всем пришлось весьма тяжело. Мы все устали до полного изнеможения. Я не мог толком бегать, ноги у меня начало сводить. Я пытался работать в обороне, но не

мог полностью владеть собой. В одном из эпизодов я зацепил в нашей штрафной ногу Франка Рибери, пытаясь выбить мяч сзади. Один неловкий момент – и пенальти! Я не мог в это поверить. «О Боже! Что ты наделал! Почему это постоянно происходит со мной, ну почему? У меня получилось так в Барселоне, я сделал это и сейчас». Если они забьют и таким образом победят (говорил я себе), то я могу больше не возвращаться в Лондон.

Затем мы увидели, что к мячу подошел Арьен Роббен, наш бывший партнер по «Челси», наш с Лэмпардом отличный друг и вообще замечательный парень. Мы подошли и начали психологически воздействовать на него: «Арьен, ты же игрок «Челси», ты не можешь этого сделать! Не делай этого! Мы в любом случае знаем, куда ты собираешься бить», – и так далее. Мы смогли проникнуть в его голову, это совершенно точно, потому что удар у него получился слабым – явно слабей, чем он обычно бил, – и Петр парировал его. Петр, как всегда, провел большую работу вместе с тренером вратарей, чтобы научиться определять, куда, скорее всего, пробьет игрок, исходя из его разбега, первых шагов или языка тела. И не в последний раз за тот безумный вечер его работа окупилась.

Настало время серии пенальти, которой все страшились. В общем-то, мы более или менее точно знали, кто должен бить, но в таких случаях всегда проводится небольшое совещание на бровке поля, где учитываются произведенные замены и состояние игроков в данный момент. Итак, мы окружили Робби и стали помогать ему составить список. Я всегда ставил себя либо первым, либо последним.

– Фрэнк первый, – сказал я. Но первым захотел быть Хуан Мата.

– Нет-нет, дай Фрэнку пробить первым, затем ты будешь вторым или третьим, решай сам, но…

– Нет, я хочу быть первым, – настаивал он.

– Хорошо, пусть будет так.

В итоге Лэмпарда вписали третьим.

– Нужно ставить лучших пенальтистов под номерами 1, 3 и 5, – сказал я. – В этом случае, если промахивается второй, то у нас хорошо бьющий третий номер; если промахивается четвертый, то за ним следует хороший пенальтист с решающим пятым номером.

Это была отличная стратегия, уже доказавшая свою эффективность. Наконец, порядок игроков был согласован, и мы выстроились на поле, готовые начинать. Весь стадион выглядел, как красное море, хотя наши фанаты изо всех сил старались нас поддерживать, скандируя так громко, как только они могли. Джон

Терри спустился к полю, чтобы наблюдать за происходящим вместе с тренерским штабом и запасными игроками. Говорят, что тем, кто наблюдает за пенальти со стороны, всегда хуже, и я не могу даже представить, как ему было трудно не принимать в этой серии пенальти участие из-за одного-единственного неудачного момента в полуфинале.

«Бавария» била первой, их капитан Филипп Лам забил сильным ударом влево от Петра Чеха. Затем к мячу подошел Хуан Мата. Он пробил сильно, но почти по центру, и Мануэль Нойер взял этот удар. «О нет, только не повторить ошибку!» – подумал я. Центрфорвард Марио Гомес не промахнулся, ударив низом влево от Чеха. Давид Луиз взял длинный разбег, выйдя за пределы штрафной, и спокойно послал мяч вправо под перекладину. Затем подошла очередь бить их голкиперу. Это было весьма необычно, но такое уже случалось (что вратарь бьет пенальти). Не исключено, что это была психологическая уловка – показать Петру, что его соперник может переиграть его и руками, и ногами. Удар получился не очень удачным, но он оказался в сетке, хотя Петр угадал направление мяча и бросился вправо. Фрэнк Лэмпард, наш третий номер, наша опора, сильно ударил выше и правее Нойера – 3:2 в пользу «Баварии».

До этого момента они били очень хорошо, в этом не было никаких сомнений. Но мы не сдавались. Мы постоянно подбадривали друг друга: «Выбери угол, а потом сильно бей!», «Не бей слабо, если посылаешь мяч низом!», «Промахнешься – не беда, но, по крайней мере, ты должен постараться». Мы изо всех сил старались поддерживать друг друга и быть предельно сосредоточенными.

Когда серия пенальти уже была в самом разгаре, некоторые из нас, включая и меня, встали на колени и начали молиться, глядя на небо в поисках помощи и вдохновения оттуда. Это был невероятный по напряжению момент, когда мы не видели ничего вокруг. Он останется со мной в памяти до самой смерти.

Подошла очередь их четвертого номера, Ивицы Олича. Он вышел на поле в дополнительное время, заняв место Франка Рибери, и толком не успел войти в игру. Я подозреваю, что он не чувствовал себя полностью уверенным, готовясь к пенальти, поскольку удар получился не таким сильным, каким мог бы быть. Петр бросился влево от себя, отбил мяч и тем самым уравнял шансы. Игра продолжалась!

Следующим был Эшли Коул. Он был одним из лучших пенальтистов в нашей команде. Он выглядел совершенно расслабленным, спокойно посылая мяч в правый угол – 3:3. Теперь огромное давление должен был испытывать пятый бьющий

от «Баварии», Бастиан Швайнштайгер. Я в тот момент думал только одно: «Если он промажет, то судьба матча будет зависеть от меня! Если этот парень не забьет, то все могу решить я!»

Он установил мяч, отступил на несколько шагов назад, затем сделал несколько шагов вперед, резко остановился (поменял ли он в тот момент решение, куда ему бить?), ударил… и мяч срикошетил в поле от левой от Петра штанги. Он промахнулся! Спустя мгновение все вокруг начали бешено прыгать. Все, кроме меня. Я знал, что теперь мы должны победить, но необходимо было сохранять спокойствие. «Спокойно, спокойно», – говорил я сам себе. Я слышал, как кто-то говорил мне вслед: «Давай, Дидье! Давай!» Идя к мячу, я посмотрел на ворота. Они внезапно показались мне очень большими. Я видел, как подпрыгивал Нойер, прикасаясь к перекладине, – это была одна из обычных уловок, чтобы сбить меня с толку (не злонамеренно, а просто чтобы оказать на меня психологическое воздействие, чтобы показать мне, «кто здесь главный»). Я установил мяч, подтянул гетры и зафиксировал взгляд на мяче. Я не нервничал, совсем наоборот. Может быть, это звучит неожиданно, но я был полностью уверен в себе и в своих силах. Хорошо помню, как в голове у меня пронеслась мысль: «Ух, в этом что-то есть!» Я словно видел себя со стороны.

Поскольку Нойер был близок к тому, чтобы парировать практически все мячи, я решил изменить разбег, существенно сократив его, – в этом случае у него не будет времени просчитать направление мяча. В какой-то момент мне даже подумалось об исполнении чего-то сумасшедшего, вроде удара в стиле Паненки, когда показываешь, что будешь бить сильно, а на самом деле подсекаешь мяч над вратарем. Это было крайне рискованно. В 2015 году Месси однажды забил гол в такой манере, и я подумал: а вдруг и правда стоит исполнить нечто незабываемое в тот важный момент? Однако я быстро пришел в чувство (наверное, к счастью). Вместо этого я начал повторять про себя то, что говорил с тех пор, как был ребенком: «Ты любишь такие ситуации. Если ты забьешь, то мы выиграем. Если промахнешься, значит, промахнешься. Но тебе нравится чувствовать такую ответственность». И это было правдой, и хотя порой я мазал, но чаще все же забивал. Вратарю гораздо сложнее отбить удар, чем игроку – забить, поэтому у меня было больше шансов. Кроме того, я ощущал, что сценарий уже был написан. Если тебе суждено чего-то добиться, то ты этого добьешься, и никто этому не помешает. В другой раз я, может быть, и волновался бы, но в этот раз я чувствовал себя совершенно спокойно. Как-то умиротворенно.

Я продолжал держать голову опущенной, избегая смотреть на ворота, и лишь бросил взгляд на судью, когда тот резко свистнул. Я сделал два шага, показывая, что уже собираюсь ударить, затем сделал краткую паузу. В течение миллисекунды я увидел, что вратарь начал двигаться влево от себя, – и пробил от него вправо. Я, по существу, даже не ударил – я просто положил мяч. И обеспечил победное пенальти.

«О, мой Бог! О, мой Бог! О, мой Бог!» – десять, двадцать раз повторял я про себя эти единственные слова в первые мгновенья после того, как я забил. Моим первым желанием было побежать к Петру Чеху: ведь это он, в действительности, выиграл для нас кубок, отбив несколько пенальти, и прежде всего последний, и я хотел в первую очередь поблагодарить его. Я только успел обнять его, как на нас навалилась буквально вся команда, весь состав. Я не знал точно, но чувствовал, как одно тело за другим приземлялось сверху на меня, ударяя меня и все сильнее придавливая. Когда мне удалось высвободиться, я увидел Флорана Малуда, который вышел в конце игры. Я крепко его обнял: ведь мы вместе прошли такой удивительный и длинный путь, еще от «Генгама» и до этого дня, и теперь казалось, что все это происходило в какой-то другой жизни. Мне было очень приятно разделить с ним момент долгожданного успеха.

Затем я побежал к другой стороне поля, к замечательным болельщикам «Челси», чтобы поделиться с ними радостью лучшего дня в моей футбольной карьере, поблагодарить их за то, что они так долго ждали этого триумфа. Они заслужили этот трофей, и я был горд за то, что смог вместе с другими игроками завоевать его для них. Это было необычное, какое-то совершенно нереальное чувство, когда можно было сказать самому себе: «Боже, вот так, значит, чувствуешь себя, когда выигрываешь его! Я всегда хотел это знать, и теперь я знаю это!»

Я не хотел покидать поле. Джей Ти, Фрэнк, Петр и я в какой-то момент оказались вместе, и я поблагодарил их за все, что они сделали, и признался им, что играть с ними было для меня большой честью. Мы что-то бессвязно бормотали, мы были настолько счастливы, что нам не хотелось, чтобы это заканчивалось. Конечно же, мы понимали, как себя чувствовали игроки «Баварии». У некоторых из них на глазах были слезы. Они все еще оставались на поле, опустошенные, огорченные, и кое-то из нас пытался утешить их, хотя в такие моменты бывает просто нечего сказать. Тем не менее я считал важным показать, что понимаю их – в конце концов, четыре года назад я сам был в таком же положении.

Церемония вручения кубка, признаюсь честно, прошла для

меня как в тумане, и вот мы уже возвратились в раздевалку, унося с собой трофей, любуясь им и постепенно начиная осознавать, что он действительно теперь наш. Мы несколько часов просто наслаждались ощущением нашей победы. Было шампанское, танцы, кто-то даже пел, все произносили речи – и тренер, и все игроки. Владелец клуба был немногословен, но всем было ясно, что он невероятно счастлив и благодарен всем нам.

В какой-то момент я, облаченный во флаг Кот-д'Ивуара, встал, сжимая в руках большой и красивый трофей, и, обращаясь к нему, заговорил. Все затихли. Владелец, тренер, игроки – все смотрели на меня, пока я произносил эту речь. «Почему? Почему ты так долго не покорялся нам?» – начал я, а затем перешел к разговору об игре с «Барселоной» в 2009 году, событиях в Москве в 2008 году и обо всем, что нам пришлось сделать в последнем матче, чтобы наконец-то завоевать этот кубок. Кто-то из числа присутствовавших в последующем признался, что это напоминало какое-то религиозное действо. Мне было важно показать, как много значил для меня выигрыш этого кубка после стольких ужасных разочарований. Для меня это было возможностью успокоить свою душу и примириться с ним.

Команда покинула раздевалку только после полуночи, и по дороге в отель в автобусе творилось настоящее сумасшествие. Мы распевали песни и сходили с ума. Я оглядывался на тот замечательный, красивый стадион, от которого мы сейчас удалялись (теперь он уже был залит синим цветом), и удивлялся тому, насколько неожиданна порой бывает жизнь.

Нет необходимости упоминать, что мой телефон звонил не переставая, а когда мы доехали до отеля, то встретились со всеми своими родственниками и друзьями. Среди них были, разумеется, моя жена и дети; кроме того, я пригласил всю свою семью (а она, признаться честно, довольно большая, если перечислить всех). Там были также мои многочисленные друзья и другие важные для меня люди, включая Марка Вестерлоппа из «Ле-Мана» и других моих бывших тренеров. Ведь это был и их день тоже. Я хотел, чтобы они увидели своего ребенка, того парня, которого они воспитывали и рядом с которым всегда были на протяжении этих лет. Мне хотелось разделить свое счастье с каждым из них. Моя жена сказала, что даже не могла смотреть, как я бью пенальти, поскольку слишком нервничала, и что Айзек расплакался, когда нам забили. Все это было совершенно нереально. Последние десять минут основного времени, дополнительное время, пенальти – все это словно происходило в каком-то фильме. Причем в одном из лучших фильмов, к тому же с хорошей концовкой!

В конце концов дети устали и отправились спать, а взрослые продолжили отмечать праздник на террасе на крыше. В какой-то момент мы бросили Робби в бассейн – как нам казалось, он заслужил этого! Я не спал всю ночь, и никто из нас не спал. Это была очень, очень счастливая ночь. Я глядел с крыши отеля на раскинувшийся под нами город и наслаждался этим видом. Мы дождались, пока весь город уснет, а сами веселились всю ночь и продолжали это делать, когда люди уже начали просыпаться, а солнце на горизонте возвестило о начале нового дня. В ту ночь мы чувствовали себя королями города. Те ощущения были просто замечательными, и я старался максимально насладиться этим моментом, который проходил так быстро, – чтобы сохранить все это в памяти навсегда.

К восьми утра мы вернулись в автобус и направились к самолету. После взлета Давид Луиз забрал у стюардессы микрофон и начал петь – ни у кого не осталось никаких шансов уснуть. В аэропорту «Хитроу» нас приветствовали фанаты – в таком количестве, какого мы не могли себе и вообразить.

Наше шествие в Челси в тот день было еще более эмоциональным. Мы двигались по улицам, демонстрируя Кубок Лиги чемпионов и Кубок Англии, а тысячи болельщиков выстроились вдоль нашего маршрута. Все пели, праздновали, наслаждались этой атмосферой. Для меня, впрочем, радость была приправлена горчинкой, поскольку то празднование было для меня последним. Я знал (а многие другие подозревали), что ухожу, поэтому этот парад был для меня насыщен особыми эмоциями. Один из игроков в какой-то момент схватил микрофон и запел на мотив широко известной футбольной кричалки: «Мы хотим, чтоб ты остался! Мы хотим, чтоб ты остался! Дидье Дрогба, мы хотим, чтоб ты остался!» Я задыхался от волнения, но старался этого не показать.

После шествия мы вернулись к начальной точке, школьному автопарку, и в спортивном зале этой школы я собрал вокруг себя команду.

– Я очень счастлив, что был с вами, – сказал я, – и вы подарили мне лучший подарок, какой я только мог просить. Я хотел сказать вам, что решил уйти… и… – я не смог закончить.

У меня на глазах появились слезы. Мне было очень грустно, но после того, как мы выиграли Лигу чемпионов, я решил, что для меня настало время уходить. Мое прощание было достаточно тяжелым. Со всеми игроками у меня сложились тесные отношения, а с некоторыми из них – особенные: с Саломоном Калу, Жосе Босингвой, Фло, Фрэнком, Петром и другими. Связь между нами была особенной, поэтому покидать их было для меня

больно.

Когда я вернулся домой, я обнаружил, что моя жена и дети были тоже грустны. И тут до меня дошло: надо куда-то сходить, провести время вместе, отпраздновать. Именно так мы и поступили. Мы выбрались группой игроков с женами и подругами, и в результате мое настроение значительно улучшилось.

Из таких вот прощаний и соткана история всей моей жизни. С самых ранних лет, сколько я себя помню, каждый раз, когда я чувствовал себя где-то хорошо, вскоре приходилось уходить. Так происходило, когда я был ребенком, так случилось в «Ле-Мане», в «Генгаме», в «Марселе» – и вот теперь то же самое было и здесь. С каждым разом прощаться становилось все тяжелее. Мне следует признать, что моя жизнь устроена именно так.

Глава 15
Приключения в Китае и Турции (2012–2014)

Когда мы наконец-то выиграли Лигу чемпионов, мне исполнилось 34 года, срок моего контракта подошел к завершению, и возникло впечатление, что наступил момент пуститься в погоню за новыми приключениями. В течение сезона мы пытались прийти к соглашению на устраивающих обе стороны условиях, учитывая, что, как и полагается крупному клубу, «Челси» предлагал контракты игрокам, возраст которых превышал 30 лет, лишь на один год. Мне же хотелось стабильного будущего на пару ближайших лет, поскольку я по-прежнему ощущал себя игроком высокого уровня.

Я знал, что никогда не смогу перейти в другой английский клуб. Я был многим обязан «Челси», во мне текла синяя кровь, поэтому о том, чтобы поиграть в Англии за какой-то другой клуб, не могло быть и речи. Со мной пытались заключить контракты многие зарубежные клубы, но я принял окончательное решение только после финала в Мюнхене. И если бы мы проиграли, то я бы остался в «Челси», чтобы еще раз попробовать победить в Лиге чемпионов.

Кроме того, мне хотелось новых ощущений. После восьми лет стабильности представлялось правильным решением вновь погрузиться в неизвестность. Я поддерживал связь с Николя Анелька после того, как он уехал в Китай выступать за клуб «Шанхай Шэньхуа», и он выглядел там вполне довольным. Вскоре после окончания сезона мы пришли с этим клубом к соглашению. 19 июня 2012 года я объявил о подписании контракта с ним на два с половиной года, а также о том, что присоединюсь к команде в июле, в середине футбольного сезона в Китае, который завершался в ноябре.

Во время межсезонного тура «Челси» в Гонконге и Малайзии прошлым летом нас удивили тот азарт и та страсть к футболу, которые мы увидели в Азии. Болельщики, вне всякого сомнения, любили клуб, а также и меня, и это помогло мне окончательно определиться при принятии решения. «Шанхай Шэньхуа» предложил мне отличные условия, но главное – мне хотелось испытать нечто новое, исследовать ту часть мира, о которой я ничего не знал, и пожить какое-то время этим новым приключением.

Вскоре после подписания контракта мы отправились в путь, и, когда я и моя семья вошли в зал прибытия в аэропорту, на нас обрушился громкий гул, источником которого было целое море людей. Я не мог себе такого даже представить. Это было похоже на встречу рок-звезд. Люди, с трудом сдерживаемые сотрудниками безопасности, кричали, толкались, пихались. На улице творилось то же самое: полная истерия и безумие, повсюду были болельщики, которые скандировали мое имя, размахивали флагами клуба «Шанхай Шэньхуа», пытались сфотографировать меня, пока сотрудники безопасности сопровождали нас к поджидавшей машине, в которой нас отвезли в отель.

Это была совершенно потрясающая встреча, воодушевляющее начало моего пребывания в новом клубе. Первые несколько недель я оставался в прекрасном отеле, а затем переехал в красивую квартиру с отличным видом на реку Янцзы.

Честно говоря, я мало что знал о Китае и Шанхае, когда уезжал туда. Например, я не знал, что Шанхай по населению является самым большим городом страны и что там проживают 24 миллиона человек – столько же, сколько во всем Кот-д'Ивуаре! Такая статистика наводила на определенные размышления.

Семья жила со мной во время школьных каникул. Вскоре стало ясно, что, как мы и подозревали, она не могла оставаться со мной постоянно, поскольку слишком привыкла к Англии. Детям нравились их школы, у них была там масса друзей, и мы с женой считали важной эту стабильность для них. Помня о том, что у меня в детстве ее не было, я не хотел, чтобы им тоже пришлось кочевать. Таким образом, было решено, что семья останется в Англии, а я вернусь по окончании сезона в ноябре и пробуду с ней до начала нового сезона в феврале. Это позволяло мне почти три месяца быть вместе с ними. Кроме того, я ненадолго слетал домой в сентябре во время паузы на матчи сборных, а семья прилетала ко мне, когда в школе были небольшие каникулы, например на Пасху.

В целом мы виделись довольно часто, хотя не стану отрицать, что временами мне было нелегко пользоваться «Скайпом», чтобы пообщаться со своими детьми. Дело в том, что возникали сложности из-за разницы во времени. Мне приходилось вставать в четыре или пять часов утра, чтобы иметь возможность поговорить с ними, когда в Англии был вечер. К счастью, аргентинский тренер Серхио Батиста также столкнулся с аналогичной проблемой, поскольку его семья жила в Аргентине, и, учтя пожелания еще нескольких иностранных игроков команды, передвинул тренировки на вечер. Таким образом, мы могли просыпаться достаточно рано, общаться с семьями, а потом до

обеда, если требовалось, опять спать.

Впервые я вышел на поле во втором тайме выездного матча против клуба «Гуанчжоу Фули». Мне предстояло как можно скорее привыкнуть к переездам, к большим расстояниям между городами. Гуанчжоу – как раз иллюстрация подобного случая. Раньше город назывался Кантоном. Находясь на юге страны, он располагался не так далеко от Шанхая по сравнению с другими городами, в которых нам предстояло играть, но все равно это была тысяча миль пути! Поездка наземным транспортом отняла бы около шестнадцати часов, поэтому мы, конечно же, добирались туда самолетом, и рейс занял «всего лишь» два с половиной часа. Это было все равно, что полететь в Мадрид для игры на чемпионате Англии.

Для меня было также шоком узнать, что я никогда не слышал о большинстве городов Китая, куда мы ездили на игры, хотя в каждом из них проживали миллионы человек. Так, например, в Гуанчжоу проживает 14 миллионов! А город Чанчунь, самый северный из всех городов, где мы играли (находится в 1250 милях от Шанхая), насчитывал 7,5 миллиона жителей – не намного меньше, чем в Лондоне. И о нем я тоже никогда не слышал. Было унизительным осознавать, как мало я знал о стране, но мне доставляло удовольствие постоянно узнавать что-то новое.

С общением у меня не было никаких проблем, так как к иностранцам в клубе прикрепляли переводчиков. Они всюду сопровождали нас и помогали нам, когда это требовалось. Несколько китайских футболистов немного говорили на английском, а наш вратарь вообще свободно владел им, но бóльшая часть команды английского не знала совсем. Что мне нравилось в китайцах, так это огромное желание учиться – и не только языку, но и всем футбольным приемам. Они следили за мной и Нико, широко раскрывая от удивления глаза от некоторых наших финтов и движений на тренировках, от того, как мы действовали в составе команды. В клубе было много молодых футболистов, поэтому одной из моих задач было помочь им улучшить свои навыки и стать более уверенными в себе. Они трудились весьма прилежно, и я хотел, чтобы они гордились тем, чего им удавалось добиться.

Впервые в стартовый состав я попал в начале августа в матче против «Ханчжоу Гринтаун» (население города Ханчжоу – «всего» 2,5 миллиона человек). Я навсегда запомню ту встречу, потому что именно тогда многое понял о том, как мыслят китайцы. Один из наших защитников, китаец по национальности, допустил ошибку, что позволило сопернику открыть счет. Он потерял мяч, и они забили после контратаки. Я видел, как сильно он

переживал, он просто сокрушался из-за своей ошибки. Однако через пять минут мне удалось сравнять счет. Я сразу же подбежал к нему и, несмотря на то что я не знал ни слова по-китайски (а он с трудом мог что-то вымолвить на английском), ободряюще похлопал его по спине, приговаривая: «Все в порядке, все хорошо», – давая тем самым понять, что ничего страшного не произошло и что он может расслабиться. Затем я отправил в ворота соперника еще один мяч, и в результате мы одержали отличную победу – 5:1.

На следующий день, хотя нам дали выходной, я отправился на тренировочную базу, чтобы немного подлечиться, а заодно кое-что посмотреть, – и кого же я увидел на поле, тренирующегося в полном одиночестве? Того самого защитника, чья ошибка накануне привела к голу в наши ворота. Я видел, как он усердно работал, оттачивая нужное движение, видимо, чтобы больше никогда не повторить той же оплошности. Я подошел к нему в сопровождении переводчика.

– Приятель, – спросил я его, – что случилось?

Он выдал в ответ длинную фразу.

– Он говорит, что допустил ошибку, – пояснил переводчик, – что он виноват, что ему за это стыдно и что ты его спас.

Я застыл на месте. Он практически утверждал, что я сохранил его честь.

– Нет-нет, – принялся переубеждать я его, – именно для того и существуют партнеры в команде. Если ты допускаешь ошибку, то я исправляю ее, если только это возможно. Если же ошибаюсь я, то, надеюсь, ты сделаешь для меня то же самое. Именно это и означает быть частью команды.

То был весьма эмоциональный и напряженный момент, позволивший мне понять, как мыслят китайцы. Кроме того, я увидел, что они относятся к другим с огромным уважением и страстно любят спорт. В общем, наша короткая беседа на многое открыла мне глаза.

С того момента, как я приехал в Шанхай, мне довелось встретить множество людей и завести несколько замечательных друзей. Меня приглашали на разные события, в рестораны, и все вокруг были невероятно добры и приветливы. Мне хотелось в полной мере прочувствовать уклад их жизни, узнать местную кухню и культуру, поэтому я был весьма рад регулярно куда-то выбираться. Люди были очень щедрыми, они постоянно одаривали меня чем-то, порой в сумасшедших объемах, чересчур больших для меня. Я мог убедиться в том, какое уважение к людям подразумевает их культура. Сам же я, имея другой цвет кожи и будучи чуть ли не на метр выше большинства

окружающих, несомненно, выделялся, поэтому не мог где-либо появиться незамеченным и не вызвать фурор.

Я познакомился с одним ивуарийцем, который много лет прожил в Шанхае и свободно изъяснялся на китайском языке и шанхайском диалекте. Он очень помог мне понять местную культуру и местные обычаи и объяснил мне, что для китайцев я был практически в статусе бога. На самом деле было даже неловко слушать, когда он говорил, что меня считают кем-то вроде реинкарнации древнего божества. Это было бы весьма забавно, если бы только слегка не утомляло.

Мой земляк также сообщил мне, что даже те, кого я теперь считал друзьями, называли меня (в переводе с китайского) «Всемогущим»! Когда он передал им, что на французском это будет звучать как «Le tout-puissant», они переключались на эту версию. Теперь, если мы где-то встречались, они приветствовали меня (с китайским акцентом) следующим образом: «А, Le Tout-Puissant, как твои дела?» Я обычно смеялся в ответ, потому что это звучало весьма торжественно, хотя всерьез я это, конечно же, не воспринимал.

В первые несколько месяцев у меня были положительные впечатления от своего футбольного опыта в «Шанхае». Затем, ближе к концу сезона, из-за финансовых разногласий между акционерами клуба появились задержки по зарплате – как у иностранцев, так и у китайских игроков (что было гораздо хуже, так как им зарплата была гораздо нужней, чем мне). Все рассчитывали, что в конце концов деньги в последний момент все же выплатят.

Однако никаких подвижек по этому вопросу не было, а нам уже две недели как должны были все выплатить. На следующий день предстоял очередной матч. Я приехал на тренировочную базу и сказал тренеру, что не буду играть – не из-за того, что лично я был обижен, а в знак протеста от имени тех, кто нуждался в деньгах. Я хотел убедиться в том, что моим партнерам по команде наконец заплатят.

На следующий день я, естественно, вышел на поле – не потому, что заботился о своей зарплате, а чтобы быть уверенным в том, что заплатят другим игрокам. Мне не хотелось их подвести. В этот раз, по крайней мере, им выплатили то, что полагалось.

Непосредственно перед моим отъездом домой по окончании сезона Николя Анелька и другие футболисты предупредили меня, что, похоже, нам не собирались платить в срок во время отпуска. Я поехал домой, и, как они и предполагали, нам действительно не заплатили за ноябрь и декабрь, несмотря на письма и

электронные сообщения от меня и моего агента.

Если же говорить о приятном, то во время пребывания в Лондоне я организовал ужин со своими бывшими партнерами по «Челси». Ведь Хуану Мате в феврале было в шутку сказано: «Помоги мне выиграть Лигу чемпионов – и с меня подарок».

Пока я был в Китае, я постоянно думал о том, чего мы достигли, и мне казалось, что будет замечательно, если каждый получит что-нибудь, напоминающее об этой победе. Я увлекаюсь баскетболом, а в США, когда команда выигрывает чемпионат, все получают чемпионский перстень, поэтому мне пришла в голову мысль сделать то же самое и для своих партнеров. В декабре, вернувшись в Лондон, я устроил небольшой ужин для всех игроков «Челси», вместе с которыми в мае мы выиграли Лигу чемпионов.

Все было достаточно скромно, встреча проходила в отеле неподалеку от тренировочной базы. Все думали, что это была просто возможность собраться вместе, и я застал их врасплох, вручив каждому из них по перстню, специально разработанному ювелирным дизайнером. На каждом были выгравированы дата финального матча Лиги чемпионов и имя игрока (для каждого – свое). Для персонала я приготовил наручные часы, тоже с гравировкой даты игры. Я хотел устроить этот ужин, чтобы показать, насколько важна для меня эта команда, и чтобы у каждого из нас теперь было нечто особенное, что служило бы напоминанием о достигнутом результате.

Наступил январь, и я отправился в ЮАР на Кубок африканских наций. В это время открылось трансферное окно, и я осознал, что если вернусь в Китай в феврале, то потеряю возможность перейти куда-либо в этот трансферный период. Для меня именно это было реальной проблемой, а не финансовый вопрос.

Я разорвал контракт с китайским клубом (то же самое сделал и Нико) и вскоре получил несколько предложений. Я мог перейти в «Ювентус», который желал взять меня, но только в аренду, поскольку у них было беспокойство насчет того, освободит ли меня ФИФА от обязательств перед «Шанхаем».

В то же время мне было сделано предложение со стороны турецкого клуба «Галатасарай». Их представители даже приехали для встречи со мной в ЮАР, и я загорелся желанием туда перейти, поскольку это давало мне возможность снова окунуться в атмосферу Лиги чемпионов и выступать за какой-либо крупный клуб в новой стране. В конце месяца я подписал новый контракт на полтора года, предусматривающий, что по окончании Кубка африканских наций я присоединюсь к ним. «Шанхай» оспорил эту

сделку, однако ФИФА выдала мне временное разрешение играть, и в конце концов все разрешилось благополучно.

Я был рад переходу в «Галатасарай». Это была сильная команда, руководил ей Фатих Терим (по прозвищу «Император»), считавшийся одним из лучших тренеров мира и являвшийся единственным, кто завоевывал европейский кубок с турецким клубом. Ранее он сам выступал за «Галатасарай», обладал большой харизмой, как тренер руководил командой уже в третий раз, а после ухода из клуба в следующем сентябре стал главным тренером национальной сборной. Одновременно с «Галатасараем» подписал контракт и Уэсли Снейдер из клуба «Интернационале», что окончательно склонило меня к переходу туда. Кроме того, мой друг и брат-земляк Эммануэль Эбуэ уже играл за «Галатасарай» и был вполне доволен этим выбором. Следует также упомянуть, что там имеется огромный современный стадион, вмещающий более 50 тысяч человек, один из лучших в Европе.

Как и в Китае, мое прибытие в аэропорт Стамбула ознаменовалось настоящим сумасшествием. Меня ожидали тысячи фанатов. Турки известны своей любовью к футболу, и я мог убедиться в этом сам в тот момент, когда ступил с трапа самолета.

Здесь не было такого же жесткого языкового барьера, как в Китае. Хотя большинство игроков были местными, как, собственно, и тренер, многие достаточно хорошо знали английский, чтобы общаться, и это помогло мне освоиться.

Как это и принято в большинстве подобных случаев, сразу же после смены клуба я вначале жил в гостинце, однако в мае переехал в красивый дом на европейской стороне Босфора, буквально в 5–10 минутах от центра города. Я выбрал его из-за наличия бассейна и возможности наслаждаться свежим воздухом и отличной погодой. Кроме того, мне хотелось жить там, куда захотели бы приехать и остаться мои дети.

В середине февраля я впервые вышел на поле на замену во втором тайме. Шла игра с клубом «Акхисар Беледие», был нулевой счет, и тренер спросил меня, был ли я готов играть. «Думаю, что да», – ответил я. Я размялся и вышел на поле. Первая подача, удар головой – гол! Как дважды два. Я забил не первым касанием, может быть, третьим. Но мне вновь удалось отличиться в дебютной встрече (полагаю, мне всегда удавалось это), и я хотел продолжать в том же духе. Никогда не забуду реакцию фанатов – это было полное безумие. Я встречал крутых болельщиков и ранее, но эти были действительно просто сумасшедшими.

Как только я присоединился к клубу, я дал себе слово никуда не выбираться ужинать с партнерами по команде, пока не забью первый гол. Что ж, мне не пришлось долго ждать! С этого дня болельщики, средства массовой информации и все остальные тепло встречали меня, и это было здорово. Фанаты размахивали баннерами и распевали во время игр: «У нас есть Дрогба, а у вас нет!»

Мне было очень приятно в том сезоне вновь сыграть в Лиге чемпионов. В $^1/_8$ чемпионата мы обыграли «Шальке», и клуб во второй раз в своей истории попал в четвертьфинал. Там нам выпал жребий встретиться с «Реалом», который возглавлял не кто иной, как мистер Жозе Моуринью. Перед первой игрой в Мадриде мы обменялись сообщениями (мы вообще списывались довольно часто). Ничего особенного, просто пожелали друг другу удачи, но тексты Жозе всегда несли в себе нечто дополнительное, хотя бы в том, как он их строил, потому что знал, что я хочу выиграть, что игра многое для меня значит, но результат может оказаться непредсказуемым. Это было из разряда добродушных подколок, он постоянно так поступал, но мне всегда было смешно от этого, что доказывало, что со времени нашей совместной работы в «Челси» между нами сохранились хорошие отношения. Что касается меня, то я рад, что мы с ним по-прежнему близки.

Тот матч на выезде мы проиграли со счетом 0:3. Ответный матч в начале апреля должен был стать определяющим, и мы не теряли надежд на победу. По крайней мере, я. К перерыву мы уступали со счетом 0:1, и тренер решил меня заменить, чтобы я сохранил силы для важной игры на выходных. Он отправил помощника сообщить мне о своем решении.

– Нет уж, вы не можете этого сделать! – запротестовал я. – Мы по-прежнему можем еще выиграть и пройти дальше. Если вы сделаете эту замену, это значит, что вы уже не верите в это. Но я верю!

В конце концов я остался на поле. Во втором тайме мы сравняли счет, затем забили еще один мяч – 2:1, а потом я забил наш третий гол. Нам нужен был еще один, чтобы сравняться по итогам двух игр, хотя с учетом гостевого гола они бы все обладали преимуществом. И мне удалось забить вновь, но, к сожалению, из офсайда, а в последние минуты матча Роналду поставил в игре точку. Мы «вылетели» из чемпионата, но «Галатасарай» провел одну из лучших домашних игр за несколько лет – и сделал это против мадридского «Реала».

После финального свистка Жозе вышел на поле и сказал: «Мы испугались, действительно испугались, представляешь?» Тот поединок с «Реалом», пожалуй, стал самым ярким воспоминанием

от первых пяти месяцев моего пребывания в новом клубе.

Все говорили о том, что ярким станет еще одно событие – дерби между «Галатасараем» и «Фенербахче» в середине мая. «Галатасарай» базируется в европейской части Стамбула, «Фенербахче» – в азиатской, и эти клубы являются смертельными врагами уже более ста лет. Между фанатами этих клубов регулярно вспыхивают драки. Мне объяснили, что для того чтобы стать настоящим игроком «Галатасарая», нужно забить в ворота «Фенербахче». Меня также предупредили, что упомянутое дерби носит такой острый характер, какой нехарактерен даже для Англии, несмотря на имеющиеся противостояния между «Ливерпулем» и «Эвертоном» или между «Тоттенхэмом» и «Арсеналом». «Сам увидишь, – сказали мне, – у «Фенербахче» бешеные фаны, бла-бла-бла, и атмосфера совершенно невероятная, бла-бла-бла».

После такой «накачки», если честно признаться, я был слегка разочарован. К тому времени мы уже выиграли чемпионат, что для нас было весомым достижением, поэтому общая атмосфера (а мы играли на выезде) была достаточно вялой. Еще больше меня расстроили расистские выкрики болельщиков-хозяев в адрес Эммануэля Эбуэ и в мой адрес, и я не уверен, что с этим пытались хоть что-нибудь сделать, хотя знаю, что событиями той игры наши соперники отнюдь не гордятся.

После отличного межсезонья в начале августа 2013 года мы выиграли Кубок Эмирейтс[12], и мне удалось пополнить свой личный счет забитыми в ворота «кануниров» еще двумя мячами. То есть в 15 матчах против них я отличился 15 раз – хороший результат! Затем, в середине августа, нам предстояло опять сыграть с «Фенербахче» на Суперкубок Турции, который проводится между победителями Первой Лиги страны и Кубка Турции. На этот раз атмосфера уже больше соответствовала статусу дерби. После нулевой ничьей в основное время я забил важный мяч в дополнительное, который принес нам победу в противостоянии с нашим принципиальным соперником. Я исполнил свою миссию и теперь мог считаться полноправным игроком «Галатасарая»! Мне еще никогда не приходилось видеть таких эмоций у болельщиков. Для них клуб – это словно религия, и любовь к нему передается от одного поколения к другому с таким трепетом, который трудно осознать.

Данное противостояние настолько принципиально, а ожидания настолько высоки, что спустя несколько недель после начала сезона, когда мы были вторыми после «Фенербахче», нашего главного тренера уволили. В таких странах быть вторым, пусть даже всего в нескольких очках от лидера и одновременно

главного соперника, сравнимо с проигрышем чемпионата, и именно поэтому, как мне кажется, тренеру пришлось уйти. Это кажется весьма странным, ведь сезон длится достаточно долго, и вполне есть время наверстать упущенное; но нет, все выглядело так, словно он действительно должен был покинуть свой пост. Его место занял Роберто Манчини, уволенный прошлым летом из клуба «Манчестер Сити».

Под руководством Роберто мы одержали победы в первых 12 домашних играх и, хотя стали в чемпионате лишь вторыми (что, разумеется, стоило Роберто работы), выиграли Кубок Турции. Таким образом, мы пробились в плей-офф Лиги чемпионов из группы, где были «Ювентус» и «Реал Мадрид», что стало для нас большим достижением.

«Реал», главным тренером в котором теперь был Карло Анчелотти, легко обыграл нас в обоих матчах, зато в первом матче против «Ювентуса» в Турине мы добились весьма впечатляющего и важного для нас результата, сыграв вничью со счетом 2:2. Ответный матч был назначен на начало декабря. За день до игры мы заселились всей командой в стамбульский отель, и я помню, что наблюдал из окна, как шедший до того дождь превращался в снег.

На следующий день благодаря усилиям работников стадиона по расчистке поля нам удалось начать матч, однако довольно скоро на весь город обрушился сильный снегопад и шторм с градом. Буквально в течение нескольких минут непогодой накрыло все поле, его разметка стала неразличимой, а игроки не могли больше двигаться из-за колючего снега и бьющего по глазам града. Я еще никогда раньше не видел таких больших градин (размером почти с дынные шарики), как и такого снега, который падал плотной быстрой стеной. Через пять минут на поле уже не было видно травы. Игру отложили на более поздний срок, поскольку продолжать ее было слишком опасно, и нам пришлось ждать в надежде, что матч будет доигран. Если бы ее совсем отменили при нулевом счете, то дальше прошли бы «Ювентус» и «Реал Мадрид». С учетом этого мы очень надеялись, что на следующий день можно будет доиграть и что мы добьемся нужной нам победы, чтобы попасть в плей-офф вместо «Юве».

Работники стадиона снова неустанно трудились, чтобы очистить поле от снега, и матч был возобновлен. Было холодно, матч шел в среду после обеда, но наши фанаты подтвердили свою преданность клубу, заполнив стадион до отказа. Бóльшую часть игры продолжал идти снег, хотя и небольшой, и поле было в плачевном состоянии из-за погоды и снегоуборочных работ. По существу, оно было настолько плохо, что играть было

практически невозможно. Но выбора не оставалось, мы изо всех сил давили на соперника, и за пять минут до истечения основного времени я сделал скидку головой, после которой Уэсли Снейдер отправил мяч в ворота. Мы забили, несмотря на все прогнозы, и благодаря минимальной победе – 1:0 – прошли в $^1/_8$ финала, опередив грозный «Ювентус».

Для нас это было просто фантастическим достижением, и мы с нетерпением ждали своего соперника по следующему раунду чемпионата. Жеребьевка состоялась – и оказалось, что нам предстояло играть с «Челси»! Главным тренером теперь там был Жозе Моуринью. В качестве дополнительной интриги выступал тот факт, что наш тренер Роберто Манчини покинул «Интер» в 2008 году, и его преемником стал Жозе, который впоследствии перешел в «Реал», а затем вернулся в «Челси». Таким образом, в контексте этой дуэли у журналистов было о чем писать. До матча оставалось целых два месяца, но довольно скоро данная тема стала главной из всех тех, которые обсуждали со мной.

Первый матч проходил в Стамбуле. «Челси» хорошо начал, и на 9-й минуте Фернандо Торрес забил. Команда Жозе знала, что надо делать. Они не только контролировали все происходившее на поле, но также блокировали меня. Я пытался найти брешь в их обороне, поэтому сместился с позиции центрфорварда, стал много перемещаться, пытаясь создать пространство для своих партнеров. В итоге мы смогли сравнять счет во втором тайме, но понимали, что ответный поединок на стадионе «Стэмфорд Бридж» будет для нас чрезвычайно сложным.

Я испытывал противоречивые чувства при возвращении на юго-запад Лондона. Это совпало по времени, когда я играл не очень хорошо и совсем не забивал. За сутки до матча, когда мы проводили тренировку на «Стэмфорд Бридж», внезапно все вдруг сошлось, и я почувствовал, что попросту не могу сделать ничего не правильно. Это не прошло незамеченным для моих партнеров по команде. «Ух, Дидье, да ты в ударе!» Они предположили, что это было как-то связано с важностью предстоящего матча для меня, но в равной степени это случилось и из-за того, что ко мне вернулись все мои футбольные инстинкты: и чувство пространства, и чувство поля, и голевое чутье. Я с закрытыми глазами понимал, куда надо бежать, куда следует бить, что необходимо делать. Я знал этот стадион, как свои пять пальцев. Это походило на возвращение в родной дом после долгого отсутствия, когда даже в темноте ты помнишь, где что находится, где выключатели, сколько ступенек на лестнице и какие двери скрипят, когда их открываешь. Именно тогда я ощутил, как сильно скучал по этому месту.

Неудивительно, что сама игра у меня не задалась. Эмоции захлестывали меня. Вернуться назад, услышать своих болельщиков, увидеть синее море на поле и за его пределами – после такого было невозможно отключить все чувства и играть так, словно этот клуб для меня ничего не значил. Мы вскоре пропустили гол, а отыгрываться на «Стэмфорд Бридж» всегда очень сложно.

Победа «Челси» со счетом 2:0 ни для кого не стала сюрпризом, хотя мы, естественно, огорчились из-за того, что не смогли пройти дальше. Однако я знал себя слишком хорошо, чтобы понять, почему против них мне было так тяжело играть. Похожие чувства я испытал несколькими годами ранее, кода мы встречались с «Марселем». Некоторые игроки умеют подавлять свои эмоции, когда играют против своих бывших команд. Но на меня это правило не распространяется, особенно когда речь заходит о клубе, в котором я провел восемь совершенно удивительных и успешных лет.

Глава 16
Возвращение в «Челси» (2014–2015)

Срок моего контракта с «Галатасараем» истек в конце сезона 2013–2014 годов, и клуб хотел, чтобы я остался, но у меня на руках было предложение от «Ювентуса». Их главный тренер Антонио Конте хотел подписать со мной контракт, а я сам всегда был заинтересован в том, чтобы поиграть в итальянской лиге, однако колебался, поскольку меня все устраивало в «Галатасарае», и было непонятно, стоило ли мне уходить из этого клуба. В конечном итоге Конте по взаимному согласию покинул клуб в июле 2014 года. Я считал, что мог бы крайне эффективно поиграть в атаке вместе с Тевесом. Кроме того, я учитывал, что «Ювентус» – это крупный клуб со славной историей, и я бы счел за честь защищать цвета «старой синьоры», как любовно именуют этот клуб.

Пока Жозе, уйдя из «Челси», работал в других клубах, мы постоянно поддерживали связь между собой, и наша дружба не прекращалась. После того как я тоже ушел от «синих», а он еще оставался в клубе «Реал Мадрид», он сказал мне: «Однажды ты должен будешь вернуться в «Челси». Это твой клуб, твое сердце принадлежит только ему». И добавил: «Если я туда вернусь, то не смогу сделать этого без тебя, поэтому ты должен найти способ вернуться». Летом 2013 года, когда он вновь возглавил «Челси», то пытался подписать со мной контракт, однако «Галатасарай» выступил против, так как я только что, в январе, присоединился к ним.

Таким образом, когда я сообщил Жозе, что могу перейти в «Юве», он ответил: «Нет, тебе пока следует подождать». Было замечательно то, что Роман Абрамович тоже хотел меня вернуть. В итоге в конце июля «Челси» предложил мне контракт сроком на один год. Жозе заявил, что подписал его со мной не потому, что руководствовался эмоциями, а в связи с тем, что я все еще оставался одним из сильнейших центрфорвардов Европы. Мне было очень приятно слышать такое, и соответствующее решение далось мне легко: «Челси» был моим домом, между мной и Жозе существовали особенные отношения, и потому я не мог отвергнуть возможность вновь поработать с ним. Все было очень просто.

Вернувшись на «Стэмфорд Бридж», я почувствовал себя так,

словно никогда отсюда и не уходил. Хотя с 2012 года появилось множество новых лиц, в целом все было то же самое: та же футболка, та же эмблема, тот же стадион – и, конечно же, все те же болельщики. Следует отметить, что Джон Терри и Петр Чех также все еще были в команде. Я был благодарен Оскару за то, что он вернул мне 11-й номер, который носил после моего ухода. Это был весьма великодушный жест. Он не обязан был этого делать, но этот жест помог мне по возвращении в «Челси» почувствовать себя комфортней.

Одним из тех, кого я был рад увидеть в клубе, был Эден Азар. Летом 2012 года, покидая «Челси», я убедил его подписать контракт с клубом. По его словам, он в то время не знал, что делать, поскольку хотел играть в Лиге чемпионов, мы же финишировали в том сезоне в Премьер-лиге шестыми, а интерес к нему проявляли еще «Манчестер Юнайтед» и «Реал Мадрид». Однако после победы в Лиге чемпионов я с помощью Жервиньо дозвонился до Эдена и убедил его в том, что он должен сделать выбор в пользу «Челси». Позднее он признался, что был впечатлен тем, что я позвонил, и это стало одной из причин, по которой он согласился перейти сюда.

Должен признаться, было необычно вновь видеть Жозе на посту главного тренера «Челси». Он ушел из клуба в 2007 году, и с того момента, когда я последний раз играл под его руководством, многое изменилось. Интересно то, что он очень изменился в плане общения с командой. В 2004 году, когда мы оба присоединились к клубу, он был с нами более прямолинейным, более резким. Теперь, на мой взгляд, он стал мягче! Он стал по-другому доносить до нас свои требования. Может быть, это было связано с тем, что в составе стало больше молодых футболистов по сравнению с 2004 годом, когда коллектив был немного постарше и поэтому менее восприимчив к указаниям руководителей. Нельзя разговаривать с молодыми игроками так же, как и с опытными, поэтому, по-моему, он стал в общении более осторожным и осмотрительным.

Что осталось неизменным, так это его повышенное внимание к деталям. В 2004 году целая группа занималась сбором информации о сопернике, подготовкой видеоматериалов с необходимым анализом его действий и просмотром матчей. Перед каждой игрой Жозе выдавал нам толстый файл с детальными примечаниями, которые нам следовало изучить. На общекомандном собрании за сутки до матча нам лишь напоминали то, что мы уже знали. Выполнение этой подготовительной работы давало нам дополнительное преимущество и дополнительные возможности одержать победу.

И все это осталось в неизменном виде. Кроме всего прочего, Жозе знает каждого игрока из всех футбольных лиг (не только английской, но и зарубежных). Поэтому, выходя на поле, мы тоже знали о своих соперниках все. Конечно, сегодня все крупные клубы уделяют этим деталям должное внимание, но тогда, в 2004 году, если не считать ряда ведущих команд, это было большой редкостью.

По сравнению с моими первыми годами в «Челси» изменился также стиль игры команды. В прошлом он строился на эффективности и характеризовался прямотой. Мы использовали мощь и физические качества нашего состава, активно действовали в контратаках, надежно защищались, боролись за мяч и стремились использовать любые моменты, даже иллюзорные, чтобы забивать голы. Теперь же (очевидно, опять-таки с учетом характеристик некоторых игроков состава) мы больше играли в пас, в футбол, основанный на длительном владении мячом, действовали уже менее прямолинейно и, если требовалось, проводили атаки, более затяжные по сравнению с временем первого тренерского периода Жозе.

Такая тактика, безусловно, давала свои плоды, поскольку с самого начала сезона мы доминировали в Премьер-лиге, пройдя без единого поражения во всех матчах вплоть до декабря, когда на выезде уступили «Ньюкаслу».

К сожалению, во время товарищеского матча, организованного в межсезонье, я повредил лодыжку, и мне потребовалось некоторое время, чтобы набрать форму. С учетом этого обстоятельства до конца октября, когда был травмирован Диего Коста, тренер мог полноценно использовать меня. Я был настолько рад возможности снова играть, что забивал в каждом из трех первых матчей, в которых принимал участие.

Первым был домашний поединок против «Марибора» в рамках Лиги чемпионов, где я реализовал пенальти. Это был мой вклад в победу с совершенно фантастическим счетом 6:0, нашу самую крупную победу в данном турнире.

Второй гол я забил на выезде в ворота «Манчестер Юнайтед». В последний раз, когда я забивал на их стадионе «Олд Траффорд», мой гол принес нам чемпионский титул, поэтому для меня это был особенный момент. При счете 0:0 после 53 минут игры, высоко выпрыгнув, мне удалось головой переправить мяч в сетку после подачи с углового. Это было великолепное чувство! Наша уверенная игра в обороне не давала «Юнайтед» возможности отыграться, и, казалось, мы вернемся в Лондон с победой. Однако на последней добавленной минуте ударом с левой ноги Робин ван Перси сравнял счет. Хотя эта ничья и

обеспечивала нам достаточную дистанцию от шедшего вторым «Саутгемптона», она нас, тем не менее, сильно расстроила.

В отличие от игры на стадионе «Олд Траффорд», мой третий гол спустя два дня был забит в ветреный вечер вторника на грязном и сыром поле в Шрусбери. Признаться честно, я впервые узнал об этом городе только тогда, когда мы отправлялись туда на выездной матч четвертого раунда Кубка Лиги. Клубу второй лиги «Шрусбери Таун» пришлось устанавливать две временные трибуны, чтобы вместить всех желающих. Игра получилась сложной для нас, отчасти из-за ужасных условий игры, отчасти ввиду повышенной мотивации соперников на поединок с «Челси». Им удалось удержать в первом тайме нулевую ничью (мой гол непосредственно перед перерывом не был засчитан), однако на 48-й минуте я все же забил свой третий мяч за три матча после паса Мохамеда Салаха. Их ответный гол на 77-й минуте разбудил нас: мы стали наседать, и в итоге молодой защитник, на которого я прессинговал, поразил головой собственные ворота.

Эти три матча прошли всего за шесть дней, и, хотя такая нагрузка могла вымотать даже футболистов моложе меня, я использовал их, чтобы набрать необходимую форму. Мне всегда нравилось играть чаще, чем раз в неделю, потому что это позволяло мне войти в ритм и повышать свой уровень. Кроме того, со мной по-прежнему занимались два тренера по физической подготовке, Стефен Рено и Матье Бродбек, которые сопровождали меня всю мою карьеру. И хотя через два дня после игры я чувствовал себя разбитым, а мои мышцы были совершенно зажаты, они очень тщательно работали со мной, делали мне растяжку, массаж, давали специальные упражнения, и благодаря этому я мог восстанавливаться намного быстрее, чем просто сам по себе, без их помощи.

В январе на гала-вечере в отеле «Савой» мне вручили награду Ассоциации футбольных журналистов за заслуги перед футболом. Как правило, ее получают те, кто внес большой вклад в развитие этого вода спорта. На награждении, произнося речь со сцены, я пошутил, что в 2004 году ни за что бы не поверил, что пресса, безжалостно критиковавшая меня в то время, однажды организует в мою честь отдельный вечер, чтобы вручить мне эту награду. Именно поэтому она была так значима для меня. Меня тронуло то, что Петр Чех и Тьерри Анри (два человека, которых я очень уважаю) тепло высказались в мой адрес. Жозе Моуринью написал обо мне отличную замету в программку вечера. Он столько всего сказал там, что смутил меня – ведь это был тот самый человек, которому я бы хотел, прежде всего, отдать должное. Жозе – это человек, превративший множество просто

хороших игроков в настоящих победителей. Он делал это в любом клубе, где ему доводилось тренировать футболистов, и даже после его ухода из «Челси» в 2007 году ментальность победителей осталась с нами. Кроме того, это тот человек, который заставил меня поверить в себя, в свои способности, причем даже тогда, когда я пришел в «Челси» во второй раз. По его мнению, было не так важно, когда я иногда терял мяч, ведь мне был нужен всего лишь один хороший шанс, один хороший пас – и я обязательно забивал. И хотя новая команда была моложе той, в которую я вошел в 2004 году, я думал: «Я обязательно покажу ему, что все еще способен на это!» Жозе всегда вызывал во мне чувство внутреннего подъема, и именно поэтому между нами установились такие уникальные взаимоотношения.

Первый день марта принес нам первый (с момента возвращения Жозе Моуринью в «Челси») трофей – Кубок Лиги, ставший также и первым трофеем для клуба с 2013 года. Всем нам, в том числе главному тренеру, казалось, что ожидание длилось гораздо дольше. Наша победа над «Тоттенхэмом» со счетом 2:0, пожалуй, не стала лучшей в истории футбола, но Жозе в тот день заявил: «Финалы существуют не для того, чтобы в них играть, а чтобы их выигрывать». Я вышел на замену в добавочное время, и для меня выигрыш этого кубка был особенным событием. Ведь это был первый трофей в моей футбольной карьере – именно его мы завоевали первым в мой первый сезон в «Челси». И, уходя из клуба в 2012 году, я не мог себе и представить, что когда-нибудь еще что-либо выиграю вместе с «Челси». Именно поэтому после финального свистка я наслаждался победой особенно долго и вдохновенно. Джон Терри, Петр Чех и я оставались единственными, кто был в составе команды 2004 года, тогда как ряд молодых футболистов в тот вечер впервые ощутили вкус победы в «Челси».

Остаток сезона был пройден нами с позитивным настроем, несмотря на шокирующий провал в четвертом раунде Кубка Англии в игре с клубом «Брэдфорд Сити» (я принимал участие в том матче). Мы каким-то образом умудрились проиграть, хотя вели с разницей в два мяча спустя 38 минут. Жозе в последующем отметил, что ему стыдно за такое поражение (при всем уважении к сопернику), то же самое можно было сказать обо всех нас.

Когда мы затем, в середине марта, уступили еще и клубу «ПСЖ» в $^1/_8$ финала, нас постигло огромное разочарование, поскольку мы считали, что у нас был отличный шанс пройти в этом турнире гораздо дальше. Более того, сопернику пришлось бóльшую часть матча (через полчаса после стартового свистка) играть вдесятером после удаления Златана Ибрагимовича за

грубое нарушение против Оскара. Я вышел вместо Рамиреса на 90-й минуте, когда счет был 1:1. Дополнительное время завершилось со счетом 2:2 – мы так и не смогли добиться победы, а они прошли дальше за счет правила выездного гола. Это был весьма драматичный и напряженный вечер, который завершился для нас большим разочарованием.

Но, по крайней мере, в Премьер-лиге дела у нас шли хорошо. Даже слишком хорошо. В середине апреля (хотя мы никогда и не позволяли себе думать, что титул уже практически наш) мы по-прежнему, с самого первого тура, шли первыми, и важная победа над «Манчестер Юнайтед» со счетом 1:0 увеличила наш отрыв от шедшего вторым «Арсенала» до 10 очков.

В следующем туре нам как раз предстояло играть против них на стадионе «Эмирейтс». Если бы мы победили, то для оформления чемпионства нам было бы достаточно всего одной победы в пяти оставшихся встречах. Следующей значилась игра против клуба «Лестер Сити», и мы надеялись, что обеспечим себе титул уже в Мидлендсе, что было бы здорово для нас.

Нам очень хотелось победить, чтобы продемонстрировать, что мы лучшая команда Англии, поэтому итоговая нулевая ничья против «Арсенала» нас сильно расстроила. Однако Роман Абрамович после окончания матча зашел в раздевалку, обнял всех нас, подбодрил перед оставшимися играми, и это существенно изменило наше восприятие результата этой игры.

Безусловно, мы предпочли бы заранее обеспечить себе титул. Вместо этого мы после воскресной игры в понедельник, за два дня до матча, отправились в Лестер. Впервые в сезоне наша команда поехала на выездную игру с таким запасом по времени. Обычно мы приезжали на место за сутки до матча, однако ввиду того, что эта неделя могла стать для нас самой главной во всем чемпионате, тренер, очевидно, решил, что накануне игры мы должны провести побольше времени вместе.

«Лестер Сити» нуждался в очках, чтобы сохранить себе место в Премьер-лиге: в предыдущих турах они одержали четыре победы и впервые после ноября выбрались из «зоны вылета», но полностью себя еще не обезопасили. Таким образом, на кону для обоих клубов стояло многое. Даже при обычных обстоятельствах на выезде играть всегда непросто, а уж на этой стадии сезона – тем более.

Впрочем, подготовка нашей команды к предстоящей игре была вполне обычной. Многие могут удивиться, прочитав сейчас о том, как мы готовились к матчу, однако при Жозе, когда мы собирались всей командой перед игрой, у нас всегда была достаточная свобода действий. Мы должны были придерживаться

правил в некоторых установленных случаях, например во время обеденного времени или командного собрания, однако в целом наш регламент был довольно свободным. Даже тренировки у нас были не такими уж тяжелыми.

Итак, мы приехали вечером в понедельник и слегка поужинали. Затем некоторые отправились смотреть телевизор или свои фильмы. По существу, мы могли делать в свободное время все, что хотели. На завтрак на следующее утро все могли приходить по собственному желанию. Это всегда было так, и некоторые игроки предпочитали поспать, а потом уже обедали в половине первого или в час. Мы всюду ездили с собственным поваром, который знал наши предпочтения, поэтому жестко установленного меню, обязательного для всех, у нас не было. Опять-таки, некоторые могут удивиться тому, что наш рацион не был регламентирован, но ведь мы взрослые люди, и нам доверяли по части выбора блюд, исходя из того, что нам предлагалось. Выбор всегда был большой: курица, макароны, рис, паэлья. Главное, чтобы в еде было много углеводов.

Утром во вторник перед завтраком состоялась легкая тренировка. Она продолжалась всего полчаса, мы перемещались по полю и часто смеялись, делали разные забавные упражнения – мы даже не вспотели. Какое-то время, например, мы играли в такую игру: 8–9 человек встали кругом, двое были в середине, каждый должен был прикоснуться к мячу, и те, кто стоял в центре, менялись. Все проходило в отличной атмосфере, основная цель такого занятия состояла в том, чтобы поддержать себя в тонусе, подвигаться.

После завтрака днем мы были свободны. Перед ужином состоялось общекомандное собрание. Жозе рассказал нам об играх и о тактике «Лестера», объяснил, как, по его мнению, мы должны защищаться, как атакуют и защищаются наши соперники. Месяц назад они сменили схему (причем успешно, учитывая серию одержанных ими побед), поэтому Жозе показал нам и новую схему, и прежнюю. У Жозе хорошо то, что подобные собрания длятся недолго, в основном 10–15 минут, поскольку он и его штаб проделывают всю необходимую работу заранее. И на этот раз они тщательно проработали все то, о чем хотели сказать нам, и нам уже было известно многое о сопернике. Состав команды обычно объявляется на утро в день матча, и к этому моменту каждый из нас четко знает, что он должен делать.

Помню, как во время ужина в тот вечер Эден Азар заметил в углу комнаты мяч и захотел сыграть в игру, где мы должны были играть головой, сидя за столом. «Подожди, мы сейчас ужинаем!» – отреагировали мы. «Ну, ладно», – неохотно отозвался он. Однако

по окончании ужина он все равно взял этот мяч, и мы начали играть.

Шестеро из нас сидели за прямоугольным столом, по три человека на каждой стороне. У одного из торцов стола Эден Азар поставил на пол мусорную корзину. Начиная с сидящих дальше всех от этой корзины, мы должны были головой пасовать через стол друг другу до тех пор, пока последний игрок не забьет его в корзину. По крайней мере, так это было в теории. В первый раз Эден занял место завершающего, но промахнулся, что вызвало смех и веселье у каждого, включая главного тренера. Он отправился в конец стола, сев напротив Хуана Куадрадо, и мы все переместились. Я сидел посередине напротив Джей Ти, а Джон Оби Микел и Тибо Куртуа находились теперь ближе всех к корзине. Мы начали снова, пасуя мяч друг другу, и в конце Джон Оби Микел исхитрился все же аккуратно отправить мяч в корзину. Все, кто находился в комнате, аплодировали и радовались за нас. Кто-то даже заснял все это, и я выложил эту сцену в социальную сеть, после чего видео стало весьма популярно. Я до сих пор не могу удержаться от смеха, когда пересматриваю его.

Обычно перед сном мне делают массаж – это помогает мне уснуть. На следующее утро, в день матча, мы немного погуляли до обеда, а днем некоторые из нас, в том числе и я, поиграли в пинг-понг, после чего мы отправились в свои комнаты, чтобы немного расслабиться. Мы всегда селимся по одному, так нам лучше отдыхается.

Поездка в автобусе на стадион клуба «Лестер Сити» заняла больше планировавшихся 45 минут, поэтому мы слегка опоздали, и наш распорядок действий сбился. Нам необходимо было быстро переодеться, размяться – все делалось в спешке. Это объясняет, почему первый тайм сложился для нас крайне тяжело, хотя нужно отдать должное и соперникам – они играли хорошо. Они давили нас на каждом участке поля. В первом тайме они были лучше и заслужили гол, забитый буквально за несколько секунд до свистка на перерыв.

Теперь, при счете 0:1 в пользу соперников, возникла вероятность провала нашего плана, который предполагал, что сегодня мы победим. Меньше всего мы хотели отсрочить решение судьбы чемпионского титула до последнего или предпоследнего матча сезона. Именно этому вопросу тренер и посвятил разговор во время перерыва. Он сказал, что некоторые футболисты не играли так, как подобает играть стремящимся стать чемпионами, и это создавало дополнительную нагрузку на наших защитников. Некоторые из нас (игроки атакующей линии) подвергали оборону

(и, таким образом, вся команду) опасности. И это было правдой.

Такая установка способна либо окончательно сломать игрока, после чего он уже не сможет нормально играть во втором тайме, либо вынудить его взвалить на себя ответственность по спасению своей команды. Что касается меня, то я знал, что должен делать: снять давление с нашей обороны, больше атаковать и больше перемещаться. Как результат, через три минуты после начала второго тайма я забил. Бранислав Иванович ворвался с фланга в штрафную, отпасовал мне, и я метров с девяти послал мяч прямо в цель. И вновь в решающий момент мне удалось забить крайне важный гол, позволивший сместить баланс сил в игре. Всякий раз в таких случаях тебя переполняют сильные чувства, и они никогда не становятся слабей.

Этот гол стал для меня первым за «Челси» с начала года (я не был основным нападающим и нерегулярно выходил в стартовом составе), так что я долго ждал этого момента. В подобных матчах важен не третий или четвертый забитый мяч, а именно такой, как этот, – он был важен психологически. С этого момента мы доминировали на поле. Я упустил пару отличных возможностей, однако Джей Ти и Рамирес обеспечили нам победу: счет 3:1 справедливо отражал характер той игры.

На обратном пути в Лондон все чувствовали себя счастливыми, радовались и расслаблялись. Мы не устраивали никаких особых празднований (для них было еще рано), но теперь мы вполне определенно понимали, что титул теперь наш. В следующем туре нам предстоял на своем поле поединок с «Кристал Пэлас», и нас возбуждала мысль о том, что по его итогу мы могли (а мы надеялись, что именно так и будет) обеспечить себе чемпионство.

Я ни секунды не сомневался в нашей победе над «Пэлас», хотя против этого клуба нам всегда игралось нелегко. Как мне кажется, мой подход к игре отличался от того, как к ней подходили игроки, стремившиеся выиграть титул впервые. Для меня ключевое значение имело не мое собственное выступление, а выступление всей команды и то, сможем ли мы набрать очки. Однако я знал, какие чувства испытывает молодой игрок, поскольку сам оказывался в подобной ситуации. Вначале тебе кажется, что все будет замечательно, что ты победишь со счетом 8:0, забьешь много голов, будешь признан лучшим игроком и станешь героем дня. Но в жизни так случается редко. В конце концов я понял, что следует изменить свое отношение к этому. Как только я осознал, насколько важно помочь всей команде как единому целому, а не думать только о себе, о том, что я должен забить или стать лучшим, я перестал себя накручивать, и это

позволяло мне раскрепоститься и играть лучше. Если я все отдавал ради команды, то что-то обязательно возвращалось ко мне. Может, это моя личная точка зрения, но я вижу это именно так.

Обычно центральный нападающий не участвует в обороне. Центрфорварды, как правило, не отходят слишком далеко к линии своей обороны, и хотя порой они делают голевые передачи, их предназначение – оставаться на острие атак и забивать голы. Я – центрфорвард, но я еще и командный игрок. Если команда проигрывает 0:3, и нападающий забивает (в результате чего команда уступает уже только со счетом 1:3), он радуется за себя. Он думает, что выполнил свою работу, а вот другие с ней не справились. Что же касается меня, если мне удается сделать голевой пас, и в результате мы побеждаем 1:0, то я радуюсь гораздо больше, чем в случае, когда я забиваю, но мы проигрываем 1:2. Для меня такой гол в этом случае не считается. Я хочу забивать действительно решающие, определяющие голы, как в матче с клубом «Лестер Сити», когда мой гол привел к ничьей.

Я неоднократно встречался с нападающими, у которых другое отношение к этому вопросу, которые играют ради собственной славы и личных успехов. Иногда молодые игроки с таким подходом к делу появлялись и в «Челси», и, когда они уходили в другую команду, я давал им напутствие:

– Знаешь, лучший способ что-то получить – это отдать. Если хочешь, чтобы полузащитник постоянно делал тебе пас, иногда ты должен сам говорить: «Это тебе», – давая ему возможность забить и оказаться в центре внимания.

Если вы не способствуете установлению в команде хорошей атмосферы, то ничего путного никогда не выйдет. Иногда нужно стараться действовать в интересах других, для всеобщего блага.

То же самое относится и к жизни за пределами футбола. Для меня это связано друг с другом. Футбол – это отражение того, как ты живешь в обществе, что ты из себя представляешь как личность. Невозможно противопоставлять футбол и жизнь, нельзя быть на поле одним, а в жизни совершенно другим. Футбол заключается в определенных действиях: это бег за мячом, удары по нему и так далее, – и жизнь устроена точно так же. Никто не идеален, и уж точно не я, но я в курсе своих недостатков и пытаюсь исправить их, чтобы стать лучше. Я пытаюсь быть настолько хорош, насколько это возможно, и в любой ситуации действовать в интересах всех остальных.

Наступило утро перед матчем с «Кристал Пэлас». Распорядок в дни домашних игр всегда одинаков. Предыдущим вечером мы

заселились в отель в районе Челси Харбор, это в пяти минутах от стадиона. Чуть раньше, уже имея на руках детальную информацию о сопернике, мы провели общекомандное собрание на тренировочной базе, во время которого посмотрели десятиминутное видео и получили инструкции, в которых было сжато доведено все самое главное о наших оппонентах. Таким образом, когда мы приехали в отель, все уже было сказано, и перед игрой больше ничего делать было не нужно. В основном мы просто отдыхали. На следующее утро мы вкратце обсудили стандартные положения (например, угловые), переговорили, как нужно защищаться, кто кого опекает – и на этом все. Вперед!

У клуба «Кристал Пэлас» есть несколько отличных игроков, и хотя мы пытались убедить себя, что это лишь очередной матч и что нам просто нужны три очка (а не думать в духе: «Без этих трех очков мы не станем чемпионами!»), все же мы устали после длинного сезона и удивились, когда наши соперники начали матч весьма активно. Им было нечего терять, они находились в турнирной таблице на безопасном месте, и у меня начало складываться впечатление, что эта игра будет тяжелей, нежели мы ожидали.

Незадолго до перерыва мы заработали пенальти – надо сказать, весьма кстати. Когда я увидел, что исполнять его пошел Эден Азар, то слегка заволновался, потому что он два дня не тренировался после болезненного удара по ногам в матче с «Лестером» и еще в начале игры сказал мне, что чувствовал себя не слишком хорошо. В этой связи я переживал, что он может не забить. Он пробил низом по центру (футболисты так часто делают, если не знают, куда им лучше отправить мяч), и вратарь парировал удар. На секунду у меня чуть не остановилось сердце, когда в голове промелькнула мысль: «О нет, он не забил!» Однако мяч отскочил от голкипера прямо к Эдену, и он головой послал его в сетку.

Вообще-то Эден – довольно надежный пенальтист. Он всегда спокоен и редко промахивается, поэтому в той ситуации он был не похож на себя. В начале сезона, когда решалось, кто будет основным пенальтистом, кто вторым, а кто третьим, он всегда был в этом списке. Когда я готовлюсь бить пенальти, у меня всегда где-то 5-процентный элемент стресса, и я с этим просто мирюсь, понимая, что это часть моей работы. Может быть, то же самое чувствует и Эден, хотя внешне он этого не показывает.

Что касается меня, то я зачастую решаю уже в самый последний момент перед касанием мяча, куда бить пенальти. Не забивал я обычно тогда, когда выбирал угол заранее, а вратарь предугадывал направление удара. Возможно, у них получалось

считать эту информацию по моим движениям. Вратари ведь смотрят видео с участием предполагаемых пенальтистов, стараются понять язык их тела, поэтому знают, как реагировать, например, если левая рука футболиста поднимается или торс движется в одну сторону, а не в другую. Бьющие, следовательно, должны учитывать это и быть на шаг впереди них. Я лишь в паре случаев за свою карьеру бил совсем плохо или вообще не попадал в створ ворот (например, в финале Кубка африканских стран в 2012 году). Такое порой случается, и с этим нужно просто смириться. После того промаха я сильно расстроился, однако в дальнейшем он никак не сказывался на мне. Я не думал о нем, когда вновь готовился к очередному пенальти.

Выполняя пенальти, я, по существу, стараюсь сделать три вещи: сосредоточиться на своем теле во время разбега и убедиться, что при ударе по мячу устойчиво держусь на ногах; глядеть на мяч; одновременно боковым зрением видеть ворота и голкипера. Эту стратегию мне объяснили в «Генгаме», когда мне уже исполнилось 23 или 24 года, хотя и до этого момента я до какой-то степени следовал ей на подсознательном уровне. В целом исполнение пенальти – это тот компонент, который любой игрок может отрабатывать и улучшать на любом этапе своей карьеры.

Возможно, та игра с доставкой мяча головой в корзину все-таки помогла Эдену! Как бы то ни было, он выглядел успокоенным, когда забил с добивания, и побежал по полю, широко улыбаясь и вытирая лоб рукой, показывая свое облегчение. Он был не единственным, кто испытывал те же чувства!

Второй тайм стал для нас испытанием на прочность. Мы, скорее, концентрировались на сохранении добытых очков, нежели на том, чтобы идти вперед и атаковать. Мы знали, что «Кристал Пэлас» вполне мог забить нам, поэтому, безусловно, нервничали во время последних 45 минут.

С финальным свистком мы все бросились праздновать первое чемпионство с 2010 года. Джей Ти встал на колени, поскольку для него (да и для всех остальных, кто оставался в клубе с того момента) пять лет без титула – это долгий срок. Даже владелец клуба, обычно сдержанный, был так рад, что на всплеске эмоций рассек воздух кулаком.

Что же касается меня, то я чувствовал, что достиг своей цели! Подписывая контракт с клубом, я сказал, что вернулся ради победы в лиге, – и мы смогли этого добиться. Забавно, что за этот сезон я завоевал столько же трофеев, сколько и в течение своего первого года в «Челси» (за сезон 2004–2005 годов). Наверное,

этому просто суждено было случиться – как и всему остальному в моей жизни.

В этом году, впрочем, мы выиграли лигу совершенно удивительным образом. Наша команда с самого первого дня лидировала в турнирной таблице, сохраняя за собой первое место рекордные 274 дня. Ни один клуб еще не добивался подобного. У нас был замечательный коллектив, включавший таких опытных футболистов, как Джей Ти, Петр и я, а также несколько более молодых ребят, таких, как Сеск Фабрегас, Эден Азар и Диего Коста, весьма талантливых и уже достаточно опытных.

Эден принял лучшее решение в своей карьере, перейдя в «Челси». Теперь у него выработался менталитет победителя, потому что в «Челси» он появляется у всех. А когда у тебя укрепляется привычка побеждать, когда твоя команда достаточно хороша, то ты уже знаешь, как продолжать выигрывать. Я научился завоевывать трофеи, придя в «Челси», и теперь знаю, как можно мотивировать команду, как в определенные моменты в течение сезона главный тренер и основные футболисты должны вести коллектив за собой и создавать позитивную атмосферу. Я многое делал в том сезоне: мотивировал игроков, старался оказывать на них необходимое влияние в раздевалке. Я знаю, как забиваются важные голы, которые приносят очки и позволяют завоевывать титулы, и, где бы я ни играл, я всегда стараюсь делиться этим опытом. Эден теперь также знает все это, и благодаря этому он станет для «Челси» весьма нужным игроком.

Диего, разумеется, был прекрасным футболистом еще до перехода в «Челси»: сильный, физически подготовленный, с хорошей техникой. Однако тем из нас, кто хорошо знал английскую лигу, пришлось помочь ему в адаптации, рассказывая ему о чемпионате в целом и о некоторых защитниках в частности. Так, я объяснял ему, как эти защитники перемещаются, как они отбирают мяч, и даже если это лишь иногда давало ему незначительное преимущество и определяло разницу между забитым мячом и незабитым, то благодаря этим подсказкам он как минимум быстрее привыкал к английскому футболу. Он смог вписаться в игру команды довольно быстро, и это (особенно если вспомнить, что часть чемпионата он пропустил из-за травмы) позволило ему провести дебютный сезон на качественном уровне.

Выиграть титул – это было замечательно не только для команды, но и для всех наших потрясающих болельщиков. Хотя вручение самого кубка должно было состояться только через три недели, после нашей последней игры, мы в тот день еще долго оставались на поле, так как хотели разделить с ними свою радость. Мне нравится достигнутое между нами

взаимопонимание, нравится страсть, которую мы разделяем по отношению к этому клубу. Как мне кажется, они были счастливы не меньше нас, поскольку тоже долго ждали этого момента.

Затем мы вернулись в раздевалку, чтобы отпраздновать событие, и празднование началось: все много шутили, были и брызги шампанского, и масса народа, и очень громкое (хотя и не всегда достаточно хорошее) пение, и танцы до упада. Я верю в необходимость тяжелого труда, но верю также и в то, что надо веселиться, когда для этого наступает нужный момент. И это был как раз тот самый случай.

Празднование длилось долго. Мы знали, что основной праздник состоится по окончании заключительного матча, поэтому позднее в тот день я отправился домой, чтобы провести драгоценное время со своей семьей. Дома я впервые за много недель наконец-то смог полностью расслабиться, зная, что больше уже не надо к чему-то готовиться и что-то доказывать. Вечером я и еще несколько игроков, включая Джей Ти, вернулись в Лондон, чтобы насладиться победой уже там. Последний раз, когда мы выигрывали чемпионство (это было в 2010 году), борьба за первое место продолжалась до последнего тура. Я не могу сказать, что теперь было легче, но, безусловно, не столь напряженно. Мы по-особому завоевали этот титул, редко кто становился чемпионом именно так, да и мы сами вряд ли смогли бы добиться этого точно таким же образом еще раз. Мы прекрасно осознавали значимость своего достижения и сделали все, чтобы его празднование было соответствующим!

Глава 17
Истинная проблема

У меня два паспорта – французский и ивуарийский. Я вырос во Франции и мог на национальном уровне представлять любую из этих стран. Мой выбор сложился из нескольких факторов. Во-первых, меня никогда не вызывали в юношеские сборные Франции, поскольку я не был частью их юношеской футбольной системы и не задерживался надолго на одном месте. Во-вторых, Тьерри Анри, Давид Трезеге и Николя Анелька наряду с остальными уже закрепились в сборной, и я свои двадцать с небольшим лет не имел никаких шансов попасть в команду, поскольку еще не превратился в такого качественного игрока, каким стал позднее. И наконец, мой дядя играл за сборную Кот-д'Ивуара, и я, хотя и вырос далеко от родной страны, всегда чувствовал тягу к тому, чтобы продолжить семейную традицию и надеть футболку «слонов» (так называют нашу национальную сборную). У меня еще в юности по телу начинали бегать мурашки, когда мне доводилось услышать национальный гимн. Таким образом, я был прочно связан со своей родиной, несмотря на то что к моменту первого вызова в сборную я не жил в Кот-д'Ивуаре уже много лет.

В августе 2002 года раздался звонок с приглашением присоединиться к команде на общекомандном собрании возле аэропорта Шарля-де-Голля, расположенного в пригороде Парижа. Мне было 24 года, у меня только что начался мой первый полноценный сезон в «Генгаме». Для меня это была первая возможность встретиться со своими будущими партнерами, и меня пугали имена этих известных игроков, некоторые из них уже побеждали в больших европейских турнирах в клубах вроде «Интера», «Марселя» и «Фейеноорда». И тут в уголке стоял я, из своего маленького бретанского клуба. В то время новым тренером сборной стал Роберт Нузарет, француз, который заприметил меня в «Ле-Мане». Он сам до этого работал в «Бастии», клубе «Лиги 1» из Корсики. Кроме того, в национальной федерации футбола сменился президент, новым стал Жак Анума, желавший обновить дела и привить в национальной сборной порядок и дисциплину и который был в отношении нас весьма амбициозен. Он чувствовал, что с имевшимися игроками он мог нацеливаться не только на попадание Кот-д'Ивуара на Кубок африканских наций в 2004 году, но и на первое в истории участие национальной сборной в чемпионате мира в 2006 году. И он был прав. Мы вполне были в

состоянии выступить намного лучше, чем раньше, и было здорово чувствовать себя частью новой команды, которая собиралась добиться больших успехов.

Через две недели после этого собрания моему агенту позвонил тренер французской национальной сборной Жак Сантини: может ли Дидье сыграть за Францию, если его пока еще никуда не привлекли? Этот звонок наполнил меня чувством гордости, я такого просто не ожидал. «Извините, но вы опоздали», – проинформировал его мой агент. Так все и произошло, и я рад, что в конечном итоге все разрешилось именно таким образом, поскольку это было правильное решение, и я бы его ни за что не изменил.

Наш первый отборочный матч на Кубок африканских наций 2004 года мы играли в сентябре 2002 года в Абиджане против сборной ЮАР. Это была последняя возможность квалифицироваться на турнир, и, к сожалению, игра завершилась нулевой ничьей. Однако, несмотря на этот разочаровывающий итог, мы знали, что у нас подобралась замечательная команда и что наши результаты обязательно улучшатся. Разумеется, в моей памяти остался прежде всего не итоговый счет той игры. Мне навсегда запомнилось эмоциональное возбуждение, которое я испытал в тот момент, когда выходил в кипящий котел нашего стадиона «Стад Феликс Уфуэ-Буаньи». Атмосфера была совершенно потрясающей, ее было невозможно сравнить с чем-либо, что я встречал ранее. Зрители словно смотрели какое-то шоу в течение всего дня. Уже с десяти утра стадион был набит битком. Выступали популярные артисты и музыканты, к которым присоединялись все желающие. Музыка, танцы, напитки, веселье – все это продолжалось уже несколько часов к тому моменту, когда мы появились на поле. Мы могли в полной мере прочувствовать атмосферу карнавала, и это, безусловно, добавляло волнения к выступлению за свою страну. Вскоре я понял, что такая обстановка – это обычное явление перед каждой игрой!

А еще мне запомнилось, что в тот день стояла удушающая жара. Я этого тоже никогда не забуду. У меня было такое ощущение, будто я зашел в сауну. К концу разминки вокруг не было ни одного места, где можно было бы спрятаться в тени, температура была под сорок, было очень влажно, и у меня было ощущение, что я задыхаюсь, что я едва живой. Можно было почувствовать, как жар от земли прожигал бутсы и накалял ноги. Как, черт возьми, я должен был бегать в таких условиях полтора часа?

Когда заиграл национальный гимн, весь стадион подхватил

его. Все пели громко, с гордостью, и я почувствовал, как у меня на голове зашевелились волосы. Я до сих пор отчетливо помню свои эмоции в тот день. Я воссоединился со своей страной, которую покинул много лет назад и к которой все это время испытывал непреодолимую тягу.

Через десять дней в Кот-д'Ивуаре разразилась гражданская война. Я думал, что возвращение на родину обойдется без проблем, но на деле все вдруг осложнилось. Для тех из нас, кто жил за границей, было тяжело с расстояния в тысячи миль наблюдать за происходящим на родине. По крайней мере, я знал, что члены моей семьи в Кот-д'Ивуаре не находились в непосредственной опасности, но для меня все равно было больно видеть, как разделилась моя страна.

Бои продолжались до января 2003 года, когда было подписано шаткое соглашение о прекращении огня, но в последующие года два между повстанцами и правительственными войсками регулярно вспыхивали конфликты, несмотря на присутствие в стране миротворцев из Франции и ООН.

В то время как стартовали отборочные игры к Кубку африканских наций 2006 года и Чемпионату мира 2006 года, мы продолжили реорганизацию своей национальной сборной, и я забивал практически в каждой игре – причем не по одному, а зачастую по два или даже три мяча. Мое присутствие становилось все более значимым для команды, и не только в качестве игрока, но и в качества человека, готового выступить от имени всех остальных. «Марсель» и «Челси» дали мне необходимый опыт, научили уважать ветеранов команды, но в то же время уметь высказывать свое мнение, когда это требуется. В 2005 году пришла пора сменить капитана сборной, и я попросил возложить на меня эту обязанность. Для меня это было огромной честью, я с радостью принял это назначение.

В сентябре 2005 года страна вновь оказалась на грани открытой гражданской войны. Наряду с этим люди объединялись, следя за игрой нашей команды и надеясь на то, что она попадет на Чемпионат мира, где наша страна не выступала еще ни разу. К сентябрю 2005 года мы возглавляли свою отборочную группу (это был прекрасный результат), и нам нужно было добыть как минимум ничью в игре против Камеруна, чтобы сохранить имевшиеся у нас шансы. Победа же автоматически давала бы нам путевку на Чемпионат мира, и именно на это мы все рассчитывали.

Камерун был (и остается до сих пор) нашим главным футбольным конкурентом в Африке. Когда две наши сборные встречаются между собой, дух соперничества и статус такого

матча неизменно придают игре дополнительный накал. Их называют «львами», нас – «слонами».

Матч 4 сентября 2005 года имел особое значение для обеих команд. Уже за несколько недель до него я едва ли мог думать о чем-либо другом, психологическое давление на всю команду постоянно росло, настолько важно было добиться желаемого результата. Проблема заключалась в том, что в Африке «результатом» игры не могла стать просто ничья. «Результат» предполагал победу со счетом 3:0 или 4:0, то есть такую победу, которой можно было бы по-настоящему насладиться и отпраздновать ее. Все, от средств массовой информации и до различных слоев общества, включая руководство страны, только об этом и говорили. Никто не стал бы радоваться ничему другому, кроме убедительной победы. У меня были склад ума и мировосприятие футболиста клуба «Челси», для которого победа, конечно, была бы идеальным исходом, но очко тоже есть очко, и это неплохо, если при этом сохраняешь лидерство. Однако я понимал, что находящейся в столь ужасном состоянии стране победа поможет объединиться на почве общенационального ликования. Таким образом, на нас лежала громадная ответственность за результат предстоящей игры.

Меня весьма тронуло, когда Роман Абрамович вместе с Жозе Моуринью решили посетить эту игру. Они прилетели на частном самолете Абрамовича, и, учитывая то, что до этого момента тот никогда не бывал на Африканском континенте, для него это, безусловно, был незабываемый опыт! Для меня был важен тот факт, что они нашли время и добрались сюда, чтобы посмотреть наш матч, ведь это продемонстрировало, насколько высоко они ценят отношения со мной. Благодаря этому у меня также появилась дополнительная причина страстно желать победы нашей сборной.

В итоге я сыграл так, словно был игроком из другого измерения. Это был один из моих лучших матчей на международном уровне. Досадно только, что результат получился не таким, как хотелось бы.

Первый гол забили соперники, но я сравнял счет. Затем в конце первого тайма они вновь вышли вперед. Я не сдавался, так как был решительно настроен на выход нашей сборной из отборочной группы на Чемпионат мира. Во время перерыва в раздевалке я старался всех воодушевить: «Мы отыграемся. Мы забьем, а потом сможем удержать счет 2:2. Одно очко – это хорошо, нам этого вполне достаточно».

И верно: спустя десять минут после начала второго тайма мы заработали свободный удар, и я забил один из самых красивых

штрафных в своей карьере – 2:2. «Мы должны сохранять спокойствие, мы должны контролировать мяч и ситуацию на поле», – убеждал я своих партнеров. Вместо этого вся команда продолжала рваться в атаку. Игра шла столь драматично, что зрители падали в обморок, глядя на то, как рисковала наша команда. Некоторых даже увозили на «Скорой». И вот на последней минуте мы нарушили правила. Штрафной удар. Гол, и они побеждают – 3:2. Вся команда и болельщики были подавлены. Это было первое поражение сборной на своем поле за последние десять лет. Мы еще долго не могли покинуть стадион.

Этот результат означал, что итог отборочных игр теперь зависел от матчей последнего тура, которые должны были состояться через месяц. Мы встречались на выезде с Суданом и должны были выиграть (для нас это был предсказуемый результат). Сборной же Камеруна предстояло в тот же день и в то же время играть против египетской сборной в Каире. Если бы они выиграли, то заняли бы позицию выше нас в турнирной таблице и завоевали бы путевку на Чемпионат мира.

Обычно Камерун всегда обыгрывал Египет, однако за день до игры раздался звонок от Мидо, египетского нападающего, вместе с которым мы выступали в «Марселе».

– Брат, выиграйте свой матч! – сказал он. – А Египет, как всегда, создаст Камеруну трудности.

– Да-да, – ответил я. У меня в то время было подавленное настроение, потому что судьба путевки находилась не в наших руках. – Мы-то обыграем Судан, но я не уверен, что Камерун проиграет или закончит вничью.

– Нет, все в порядке, мы позаботимся о них, – продолжал Мидо, сохраняя позитивную интонацию.

Матч для нас складывался без особых затруднений, и вскоре мы вышли вперед. Наша скамейка запасных постоянно созванивалась с одним из наших физиотерапевтов, которому из-за утери паспорта пришлось вернуться во Францию. У него была возможность передавать нам детали другой игры, которую транслировали по телевидению.

В конце второго тайма мы вели со счетом 3:1 (в конечном итоге эта игра так и закончилась), в то время как в том матче счет был 1:1 после того, как Египет смог сравнять его на 80-й минуте. Я так устал, что ноги отказывались держать меня. Я не мог бегать, я просто стоял как вкопанный.

– Беги, беги! – кричали мне тренеры со скамейки запасных.

– Какой счет? Какой счет?

– Забудь об этом, все в порядке, просто продолжай играть!

– Не могу, я уже выдохся, просто скажите мне счет!

– Нет-нет, просто играй!

Однако я был настолько уверен в том, что из-за происходящего в Каире мы не выходим из отборочной группы и не попадаем на Чемпионат мира, что просто не мог двигаться или делать что-либо еще.

Наконец прозвучал финальный свисток. Наш матч закончился. В той игре, к нашему удивлению, оставалась еще пара минут основного времени, а потом было еще добавочное. Это было достаточно странно, учитывая то, что начинали мы одновременно. Но это – Африка, я не мог знать, что там происходило во втором тайме, если произошла такая задержка. Когда начался отсчет дополнительного времени, нам по телефону сообщили, что судья добавил пять минут. Целых пять минут! Счет оставался 1:1, но, хотя им еще предстояло отыграть эти добавленные минуты, наша команда стала радостно прыгать, словно мы уже победили в отборочных играх. Я вел себя иначе: «Нет-нет, подождите! Игра еще не закончена!» У меня вдруг подскочил адреналин, сердце забилось так быстро, что казалось, будто оно сейчас выпрыгнет из груди. Мы все сгрудились вокруг телефона, по которому держали связь с физиотерапевтом, требуя от него посекундного комментария того, что происходило в Каире.

Я просто знал это. У меня было предчувствие того, что им дадут пенальти, что Камерун получит пенальти. И нам тут же сообщили, что судья назначил пенальти!

После просмотра повторов у меня сложилось впечатление, что никакого пенальти там не было – или, по крайней мере, оно показалось спорным. Может быть, на решение судьи повлияли значимость момента и беснующиеся болельщики. Так или иначе, шла 95-я минута того матча, до его завершения оставались считаные секунды, и наша судьба теперь зависела от одного-единственного удара.

Я чувствовал себя отвратительно. Мои остальные партнеры по команде были просто потрясены. Мы соединили наши руки так, чтобы получился круг, словно хотели поддержать свою слабую надежду на выход из группы. Нас переполняли эмоции. «Давайте все помолимся! Дидье, давай помолимся!» – призывал Ахмед Уттара, бывший игрок, который в то время работал с нашей командой. Некоторые из нас, включая меня, сразу же опустились на колени, горячо посылая в небеса свои мольбы и в отчаянии надеясь, что они будут услышаны. Те несколько секунд, пока мы ждали исполнения пенальти, были крайне мучительными для нас. Казалось, что они тянулись целую вечность. И вдруг из телефона донесся людской гул.

Потребовалось несколько секунд, чтобы новость из Каира, ретранслированная через Париж, дошла до нас – удар пришелся в штангу! Они промахнулись! Мы проходим на Чемпионат мира!

Коло Туре и я все еще не могли в это поверить. Мы начали шикать на остальных, пытаясь их успокоить. Некоторые начали прыгать от счастья, тогда как остальные продолжали молиться. «Еще не все, это еще не все». К счастью, в течение нескольких секунд все прояснилось. Я полностью отдался своему восторгу и пустился, словно сумасшедший, в забег вокруг поля, обнимая всех подряд, прежде всего нашего нового тренера Анри Мишеля, благодаря которому наша мечта сбылась. Я не мог поверить в то, что произошло, и вскоре у меня из глаз потекли слезы радости и облегчения. Вместе со мной начали плакать и другие мои партнеры по команде. Мы упали на колени и поблагодарили Бога, а потом, когда празднования непосредственно на поле завершились, торжественно вынесли Анри Мишеля оттуда на руках.

В раздевалке веселье продолжилось. К нам присоединились все те, кто пришел поздравить нас с этим достижением – нашим первым в истории выходом из отборочной группы на Чемпионат мира. Это был исторический момент общей радости в сложный для всей страны период.

Неожиданно во время этого веселья я заметил, что нас снимает национальное ивуарийское телевидение. «Дай мне микрофон!» – попросил я оператора, у которого он был. Мы всегда говорили, что если выйдем в Чемпионат мира, то сделаем это для всех остальных, чтобы таким образом попросить их вернуть в Кот-д'Ивуар мир, – и теперь у нас появилась такая возможность.

Совершенно спонтанно, не имея каких-либо заранее продуманных или подготовленных речей, я попросил всех своих партнеров выстроиться вокруг меня. «Тише, парни, вот послушайте-ка!» – обратился я к ним. В раздевалке воцарилась абсолютная тишина. Можно было услышать лишь наше дыхание. Когда я обращался со страстным призывом к своим соотечественникам, никто не сводил с меня глаз.

– Мои собратья ивуарийцы, с севера и юга, с центра и запада! Мы сегодня доказали вам, что Кот-д'Ивуар может быть единым ради достижения заветной цели – участия в Чемпионате мира. Мы обещали вам, что это сплотит наш народ. И теперь мы просим вас, – продолжал я, жестом призывая всех вокруг меня встать на колени, – мы просим вас: единственная африканская страна, обладающая такими богатствами, не может погрязнуть в войне. Пожалуйста, сложите оружие! Организуйте выборы! И все тогда

обернется к лучшему!

Я не имел ни малейшего понятия, будет ли услышано мое обращение, либо в тот день, либо когда-нибудь в будущем. Я не имел ни малейшего понятия, сколько людей могли увидеть или услышать мое обращение и слышал ли его вообще хоть кто-нибудь. Я знал лишь то, что этот порыв был от моего сердца и что все было сделано мной инстинктивно. Я поступил так из-за любви к своей стране, из-за горечи в связи с положением, в котором она оказалась.

На следующий день мы вылетели обратно в Абиджан. Я настолько устал от событий предыдущих суток, что в самолете просто сидел, совершенно вымотанный, и с волнением вспоминал все то, что произошло со мной с того момента, когда я пятилетним ребенком покинул свою страну, и до настоящего времени. Я думал о своей семье, о том, как я их люблю, о любимой бабушке Зехе, которая умерла. Мне было больно осознавать, что она не дожила до этого момента, чтобы разделить с нами эту радость и почувствовать гордость за меня. Я работал весьма усердно, чтобы всего этого добиться. Во время полета все эти мысли до такой степени разволновали меня и вскружили мне голову, что я начал плакать.

К моменту нашего прибытия в Абиджан в аэропорту собралась огромная толпа встречающих. Они радостно праздновали наш успех. Родители были в числе первых, кто обнял и поприветствовал меня, и моя встреча с ними была очень эмоциональной, хотя мы и виделись всего несколько дней назад. Я мог с уверенностью сказать, что они гордились мной, и даже не столько тем, что мы прошли на чемпионат (по существу, это было второстепенно), сколько моим публичным воззванием к миру. Позднее выяснилось, что его неделями крутили каждый день в новостных выпусках на радио и телевидении. Я никогда не смел и надеяться на это, однако мой призыв получился звучным и мощным.

На пути в город перед нами представали столь же безумные сцены ликования, как и в аэропорту. Более сумасшедших сцен я не мог когда-либо припомнить. Повсюду, насколько мог видеть человеческий глаз, были люди: они залезали на здания, сидели на деревьях, ожидая нас часами под палящим солнцем, развешивая флаги, дуя в трубы, издавая ликующие возгласы и протягивая руки к автобусу с открытым верхом, на котором мы направлялись к резиденции президента. Это было настоящее безумие. Наша страна пробилась на Чемпионат мира, и казалось, что (по крайней мере, на какое-то время) ожесточение между различными людьми стихло. Нам еще предстояло проделать

длинный путь к достижению настоящего мира, однако начало было положено.

Глава 18
Чемпионаты мира и другие важные события

Больше всего я хотел выиграть какой-либо турнир в составе нашей национальной сборной. У нас была отличная команда, в которую входили такие игроки, как Коло и Яя Туре, Эммануэль Эбуэ и Аруна Коне, так что в январе 2006 года мы отправлялись на Кубок африканских наций полные уверенности, что нам удастся выступить хорошо. В нашу группу также попали Египет (хозяева чемпионата), Марокко и Ливия. Двух побед в трех матчах нам хватило для выхода в четвертьфинал. Жеребьевка определила нам в соперники Камерун, наших давних конкурентов, одну из сильнейших сборных континента (наряду с нами и Египтом).

Игра, проходившая в Каире, вышла драматичной. Основное время закончилось вничью – 0:0. На второй минуте дополнительного времени мы открыли счет, но надежда на то, что этот гол обеспечит нам следующий раунд, угасла спустя три минуты, когда Камеруну удалось отыграться. Игра завершилась при счете 1:1, предстояла серия пенальти. Эта серия была весьма не простой. Она стала одной из самых продолжительных в истории международных турниров. Счет дошел до 11:11, игроки обеих команд в полном составе, включая вратарей, забили по одному пенальти. Поскольку мы были первыми бьющими, мне и Самюэлю Это'о нужно было начинать второй раунд серии пенальти.

Психологическое давление было огромным, оно охватило всех, включая тренерский штаб. Было трудно успокоиться и сосредоточиться, поскольку я мог думать лишь о том, что было связано с моей семьей в Кот-д'Ивуаре. Я знал, что все они: моя семья, друзья, знакомые и те, кого я даже не знал, – смотрели игру. Я не хотел все испортить и, как капитан, ощущал дополнительную ответственность, осознавая, что не имею права никого подвести. Стоит ли бить в ту же сторону, что и в первый раз? Или же стоит попробовать другой вариант? К огромному разочарованию Самюэля, лично он выбрал последнее и послал мяч над перекладиной. Настала моя очередь. Я выждал время и постарался сохранить спокойствие. Я посмотрел вниз, взглянул в последний раз на вратаря соперника, разбежался и вколотил мяч мимо вратаря (он успел лишь раскинуть руки) в угол, противоположный тому, куда я бил в первый раз. Не без труда, но

мы все-таки пробились в полуфинал! Психологически мы на какое-то время взяли вверх над Камеруном. Раньше мы чувствовали себя неудачниками, мальчиками для битья: ведь у них было полно опытных футболистов, и они уже выигрывали этот чемпионат. Однако после этого дня для нас все изменилось, мы стали значительно более уверены в себе.

В следующем раунде мы прошли Нигерию (я забил единственный мяч) и внезапно первый раз в истории страны оказались в финале международного турнира, где нам предстояло встретиться с хозяевами чемпионата – египтянами. Мы чувствовали уверенность в своих силах, но, оглядываясь назад, теперь я понимаю, что эмоционально и физически к тому моменту мы уже отчасти выдохлись. А тот день, день игры, не задался с самого начала: наш автобус добирался до стадиона полтора часа из-за царившего на дорогах хаоса. Из этого времени 45 минут мы провели в считаных метрах от стадиона: нам не давала проехать группа местных болельщиков, а полиция, казалось, была не в состоянии (да и, похоже, не хотела) что-то предпринимать. Удивительно, конечно, но, возможно, что она просто осознала всю важность события, решила слегка помочь своей сборной и поэтому не пришла на выручку к ее соперникам. Так или иначе, мы вошли в раздевалку нервничающими и раздраженными, и наш распорядок действий в связи с опозданием сместился.

Я чувствовал себя измученным, ощущал упадок сил, и для меня эта игра получилась весьма тяжелой. У нас было несколько голевых моментов, однако мы не реализовали ни одного из них. А Египет в одном из эпизодов не забил даже с пенальти.

В конечном итоге и здесь дело тоже дошло до серии одиннадцатиметровых. Как капитан, я решил пробить первым – и промахнулся. Обычно со мной этого не происходит, но уж если случается, то я просто принимаю такие вещи – в жизни все бывает. Рискуя, ты ставишь себя на линию огня, и иногда что-то может пойти не по плану. Это часть игры, и нужно уметь убедить себя в том, что ты, по крайней мере, нашел в себе смелость взять на себя ответственность, поэтому в этом случае не стоит о чем-либо жалеть. Тем не менее худшего начала серии пенальти нельзя было даже представить. Их первый удар попал в цель, как и следующий. Коло Туре обеспечил нам первое очко. Затем они промахнулись – счет остался 2:1 в их пользу. Если бы мы забили следующий мяч, то смогли бы сравнять счет. У нас еще оставалась надежда. Увы, Аруна Коне не реализовал пенальти, и, хотя Эммануэль Эбуэ принес нам еще одно очко, Египет забил дважды и победил – 4:2.

Это поражение было весьма болезненным для меня, но не столько из-за неудачного пенальти, а скорее из-за того, что мы так близко подошли к выигрышу. Мы ведь даже обыграли египтян в своей отборочной группе, поэтому питали большие надежды на успех.

Что же касается Чемпионата мира в Германии, то на нем ситуация была совсем другой. Я мечтал об этом моменте многие годы, часто думая, что это так и останется просто моей мечтой и никогда не воплотится в реальности. Я не мог и представлять себе такой удивительный сценарий: я забиваю первый в истории своей страны гол на Чемпионате мира, причем это был гол в ворота Аргентины – команды, за которую когда-то выступал мой герой, Марадона. Однако именно все так и произошло в нашей первой игре, и, несмотря на наше итоговое поражение, начало этого чемпионата можно было назвать просто сказочным.

Мы попали в довольно сложную группу: вместе с Нидерландами, Сербией и Аргентиной. Сербов нам удалось обыграть в заключительном туре, однако перед этим мы уступили голландцам, и чемпионат закончился для нас уже после двух матчей. Выход из группового этапа стал бы для нас огромным достижением, но это было нелегко, хотя мы чувствовали, что шансы у нас все же были.

В Германии меня сильно разочаровал также еще один момент. Несмотря на весь мой оптимизм и надежду на хорошее выступление команды (что было обусловлено потенциалом собравшегося коллектива), внутри самой команды возникли какие-то проблемы, которые, я уверен, повлияли на нашу игру. Я был капитаном, у меня было определенное признание как на клубном, так и на международном уровне. Кроме того, я стал кем-то вроде кумира в своей собственной стране, в основном благодаря своему выступлению в прошлом году с призывом прекратить внутриполитические беспорядки. Все это привело к тому, что, куда бы мы ни направлялись всей командой, фанаты, завидев меня, тут же собирались вокруг, желая получить автограф или сфотографироваться со мной. Я никогда не добивался этого внимания, но это не имело значения. Ситуация для команды была непростой, и теперь я это понимаю.

Знаю, что в то время я совершал ошибки – но кто их не совершает? Тем не менее я всегда буду утверждать, положа руку на сердце, что, несмотря на определенные просчеты в своем поведении в отдельных ситуациях, я стремился делать все, исходя из лучших побуждений. Я выдвигался на первый план в качестве представителя команды, выступал ее спикером исключительно ради повышения статуса Кот-д'Ивуара, ради того, чтобы тот

отличный футбол, в который мы играли, получил признание. К сожалению, как мне кажется, порой это плохо отражалось на общекомандном духе и сказывалось на нашей игре и наших результатах.

В то же самое время в моей стране продолжалась политическая напряженность, страна разделилась на две части.

Именно на этом фоне в начале марта 2007 года я полетел в Аккру, столицу Ганы, на церемонию вручения премии лучшему футболисту Африки 2006 года. Я летел вместе со своим партнером по команде Майклом Эссьеном, который также принимал участие в этом состязании, представляя Гану. Я горжусь тем днем, потому что там присутствовала моя мама, она поприветствовала меня за кулисами и помогла одеться в традиционные разноцветные одежды из Кот-д'Ивуара. И когда объявили мое имя (я не знал результата заранее), я был весьма тронут и рад. Мне удалось стать первым ивуарийцем в истории футбола, завоевавшим этот престижный титул. В прошлом его выигрывали такие личности, как Джордж Веа и Самюэль Это'о. Майкл Эссьен занял третье место, поэтому я оказался в замечательной компании, и мы были горды представить всему миру положительный образ Африки.

4 марта, спустя пару дней после этой церемонии, было объявлено о прекращении огня между правительственными силами и повстанческой группировкой «Новые силы» на севере страны, в результате чего появилась надежда на мир в скором будущем.

24 марта на Мадагаскаре мы играли очередной отборочный матч в Кубке африканских наций и победили со счетом 3:0. На обратном пути меня внезапно посетила следующая мысль: теперь, когда гражданская война в стране стихла, я могу обратиться к президенту с просьбой разрешить мне направиться в Буаке, оплот повстанцев, чтобы презентовать там свой трофей лучшего футболиста Африки. В этот город несколькими неделями ранее никто из южной части страны ни за что бы и не подумал ехать. А затем, если только это возможно, почему бы не организовать там же ответную игру со сборной Мадагаскара? Она была назначена на 3 июня, и оставалось еще время, чтобы все уладить и согласовать все детали. Через пару дней мне предстоял прием у Лорана Гбагбо в его президентском дворце, а это была для меня отличная возможность изложить ему мою просьбу.

Во время полета я спросил у президента нашей футбольной федерации Жака Анумы, что он думает об этой сумасшедшей идее. Он горячо поддержал ее, так что уже через два дня я в присутствии многочисленных лиц, присутствовавших на этой

церемонии, представил свой трофей президенту сраны и, волнуясь, обратился к нему со своими двумя просьбами.

Как говорится в таких случаях, сказано – сделано. Идея пришлась ему по душе, и он пообещал обеспечить мне безопасность во время поездки в Буаке и обратно. Прошло еще два дня, и 28 марта я отправился в самую глубину территории, контролируемой повстанцами. Я ехал в машине с открытым верхом, всю дорогу меня сопровождали солдаты, после чего я встретился с лидером повстанческого движения «Новые силы» Гийомом Соро (в следующем месяце в качестве очередного шага на пути к миру его назначат премьер-министром).

На протяжении всего пути, пока я демонстрировал всем свой трофей, который приобрел такую символическую значимость (ведь он стал символом одновременно и гордости для страны, и надежды на будущее), я чувствовал себя удивительно спокойно, не ощущая каких-либо угроз ни от присутствия солдат, ни от того факта, что я оказался в этой потенциально опасной части страны. Напротив, вид тысяч мужчин и женщин, заполнивших улицы, приветствовавших меня, причем нередко со слезами на глазах, оказал на меня очень сильное впечатление. Одна пожилая женщина бежала рядом с машиной всю дорогу. Другие буквально бросались на капот, выпрыгивали прямо перед машиной и пытались оказаться как можно ближе ко мне. Стояла сумасшедшая жара, но эти люди были решительно настроены быть именно здесь, чтобы поприветствовать меня в этой части страны как человека, олицетворявшего идею общенационального примирения. Меня, простого футболиста, выросшего в простой семье. Я наблюдал сцены абсолютного сумасшествия и энтузиазма, которые меня просто потрясли и вызвали у меня сильные эмоции.

Прием, оказанный мне тогда этими людьми, показал мне, что они были готовы отложить разногласия в сторону, и это было символом большой надежды. Это заставило народ поверить в возможность восстановления единой страны.

3 июня, как и планировалось, мы играли в Буаке ответный матч против Мадагаскара.

– Зачем мы едем туда? Это не опасно? – беспокоились некоторые игроки накануне поездки.

– Парни, мы должны ехать, – ответил я. – Я там был, я их видел, они любят футбол, они любят вас и команду, и они всегда нас поддерживали, даже когда мы проигрывали. Поэтому мы просто обязаны туда приехать.

До матча, во время него и после происходили такие же сумасшедшие сцены, как и в марте. Стояла невыносимая жара,

было влажно, но очередь из пытающихся попасть на стадион извивалась на несколько километров. Во время самой игры (а мы выиграли 5:0) трибуны поддерживали нас с невероятной силой, и все сложилось идеально, когда мне удалось забить заключительный гол. Он олицетворял собой все то, что я пытался сделать, чтобы этот матч состоялся именно здесь. Он продемонстрировал, что, несмотря на все случившееся, мы по-прежнему оставались одной страной, объединенной вокруг одной команды.

Эта игра стала символом наших попыток покончить с разногласиями в стране. Я видел, как солдаты правительственной армии наблюдали за ней, стоя рядом с бойцами повстанческих сил. Впоследствии я слышал, что люди, которых гражданская война вынудила оставить свои дома и имущество и выехать на юг, решили, что теперь им можно вернуться. Мне доводилось слышать, как люди говорили: «Если Дидье побывал в Буаке, значит, там безопасно и туда можно вернуться». Было очень приятно осознавать, какое влияние на события мы, футболисты, могли иметь.

Через три дня после игры я впервые примерно за пятнадцать лет посетил две деревушки на западе страны, откуда были родом мои родители. Я не владею диалектом, на котором там говорят, поэтому мне было достаточно сложно общаться, но там были мои родители. Вместе с ними были и родственники из моей огромной семьи, включая любимую бабушку по материнской линии Хелен – маленькую, красивую, степенную даму, чья любовь и жизненная мудрость были видны хотя бы по тому, как она держалась и смотрела на меня. Было замечательно оказаться там, где родились родители. Это помогло мне лучше понять их, их образ мыслей и то, что они хотели получить от жизни.

Меня поразили виды тех мест, запахи этой обжигающе горячей земли. Красота этого края, радушие его людей – от всего этого я влюбился в свою страну еще сильней. Мне был оказан там такой же теплый прием, как и во всех остальных местах, в которых я побывал в течение той недели. Моя поездка на машине заняла в пять раз больше времени, чем обычно, – из-за массы людей, выстроившихся вдоль дороги и плакавших от счастья, изо всех сил пытавшихся дотянуться до меня, кричавших мне, махавших мне руками с выражением искренней любви на своих лицах. Эта поездка позволила заново открыть для себя свою страну и еще сильней почувствовать свои корни. Я никогда не терял этой связи с родиной, но за ту неделю она укрепилась сильнее, чем когда-либо. Я был горд, что являюсь ивуарийцем. Я был горд за то, кем я стал. Но больше всего я гордился

возможностью дать надежду и радость стольким людям.

Глава 19
Неприятные события

В 2010 году Чемпионат мира по футболу впервые в истории проводился в Африке, в ЮАР, это были замечательные перспективы, и сборная Кот-д'Ивуара с воодушевлением ждала этого события. Кроме того, для меня очень успешно сложился клубный сезон 2009–2010 годов. Это был лучший в моей карьере сезон в «Челси», по итогам которого мы впервые сделали дубль. Меня признали лучшим футболистом Африки 2009 года (я заслужил эту награду уже второй раз) и вручили мне «Золотую бутсу» как лучшему бомбардиру Премьер-лиги (также уже второй раз). Я даже появился на обложке июньского номера журнала Vanity Fair («Ярмарка тщеставия»), который посвятил Чемпионату мира специальное приложение. Мне сказали, что из африканцев на передовицу этого американского журнала попадал только Нельсон Мандела. Таким образом, я оказался в весьма уважаемой компании. В этой связи я страстно ждал предстоящий Чемпионат мира. Я хотел, чтобы это событие стало для меня особенным.

В начале июня наша сборная отправилась в Швейцарию, чтобы потренироваться в высокогорье и перед началом турнира сыграть несколько товарищеских матчей. Все шло прекрасно. В одном из матчей (против Японии) спустя несколько минут после того, как мне удалось в первом тайме забить быстрый гол, я пытался обработать мяч, двигаясь на полной скорости, и краем глаза заметил центрального защитника соперников (перед этим мой удар стал результативным благодаря рикошету от него), летящего мне навстречу. Неприятное столкновение было неизбежным, так как он намеревался, как это называется, просто «впечататься» в меня. В последнее мгновение я инстинктивно поднял правую руку, пытаясь защитить свою грудь. Оглядываясь назад, я понимаю, что легко отделался: если бы он воткнулся мне в грудную клетку, я даже боюсь представить, насколько сильно я бы пострадал. Это было действительно очень грубо с его стороны.

Сразу же после столкновения я понял, что травма весьма серьезная, потому что в области предплечья была мучительная боль. В раздевалке от этой боли и с отчаяния я даже заплакал. За 11 дней до первого матча Чемпионата мира в Африке я был абсолютно уверен, что могу проститься со своей давней мечтой сыграть на нем.

Новость о моей травме распространилась со скоростью света. Сразу же после матча множество людей связывалось со мной,

предлагая свою помощь. Самюэль Это'о, мой камерунский друг, тоже нападающий, позвонил одному хорошему хирургу, чтобы выяснить, что тот мог бы сделать в этой ситуации.

На следующее утро я был на осмотре у лучшего хирурга в Берне, неподалеку от того места, где мы поселились. Он изучил рентгеновские и томографические снимки (у меня был перелом в районе локтя) и сказал, что он может вставить мне в кость пластину, но на поле я вернусь только через два или три месяца. Я недоверчиво покачал головой.

– Постойте, мне необходимо вам кое-что объяснить. Видите вот эту дату, через десять дней? – спросил я, указывая на календарь на его столе. – Это Чемпионат мира, и это день матча, в котором я должен принять участие. Я должен играть! Это возможно?

Врач глубоко вздохнул, после чего медленно ответил:

– Я никогда не делал этого раньше.

– Я об этом и не веду речи, – прервал я его. – Я веду речь о том, могу ли я быть готовым к игре? Возможно ли это хотя бы на пятьдесят процентов?

– Да, ты сможешь играть, но со специальной защитой. И если ты получишь сильный удар, то все будет кончено. После этого ты вообще не сможешь играть восемь-девять месяцев или даже больше.

– Хорошо, я согласен. Приступайте!

В тот же день он сделал мне операцию. Рядом с костью он вставил восьмидюймовую металлическую пластину и закрепил ее восемью длинными металлическими болтами, после чего мне на руку надели защитную повязку из углеродного волокна. В моей руке стало довольно много металла (к сожалению, в аэропортах из-за этого все равно никогда не срабатывала сигнализация), и я носил его целых пять лет (его извлекли из меня лишь летом 2015 года). Металл, впрочем, я сохранил в качестве сувенира – это было забавное напоминание о не слишком забавном случае.

Через день или два в отеле, в котором остановилась наша команда, зазвонил телефон.

– Сынок, – зазвучал на другом конце знакомый голос (это был сам Нельсон Мандела, и говорил он в типичной для южноафриканцев медленной манере), – это наш Чемпионат мира. И даже если ты не можешь играть, то все равно должен приехать! Мы ждем тебя здесь.

– Я приеду, я уже собираюсь! – немедленно ответил я.

Мы с Нельсоном Манделой виделись год назад на Кубке конфедераций. Я был в его доме, встречался с его семьей и разговаривал с ним. Наряду с мудростью и спокойствием в нем

чувствовалась также безмерная доброта. Я, безусловно, осознавал, что нахожусь в присутствии уникального человека, понимал, что это редкая привилегия – иметь возможность провести с ним некоторое время. С тех пор я по-прежнему общаюсь с одной из его дочерей, Зиндзи. У нее остался номер моего телефона, так что это именно она позвонила мне и затем передала телефон своему отцу. Меня этот звонок, раздавшийся в фойе швейцарской гостиницы, застал врасплох.

Мне позвонил также Зепп Блаттер, чтобы пригласить на чемпионат, и в этом заключалась определенная ирония, учитывая, что произошло с ним самим и с ФИФА спустя некоторое время. «Чемпионат мира в Африке без тебя – это не Чемпионат мира», – любезно сказал он. Конечно же, это было замечательно, что он потрудился мне позвонить, но меня в гораздо большей степени тронул звонок от Нельсона Манделы, и я никогда в своей жизни не забуду этого факта.

Всю следующую неделю я ежедневно молился, чтобы моя рука зажила и чтобы я мог сыграть. Я продолжал чувствовать боль, даже когда мы прибыли в ЮАР, но я был настроен терпеть и вышел на первую тренировку, за которой наблюдали наши многочисленные болельщики, с защитной повязкой.

Спустя неделю я наконец-то начал снова чувствовать руку (до этого времени она словно онемела). Чтобы проверить свои ощущения, я попробовал пару раз отжаться.

– Стоп! Ты что, с ума сошел?! – закричал на меня весь тренерский штаб.

– Нет, все в порядке. Все хорошо, – ответил я им, сделав для верности еще несколько отжиманий. Именно тогда я понял, что буду готов к первому матчу. Я вполне мог играть, на меня можно было положиться. Не развлекаться же с командой я сюда приехал!

В первой игре мы встречались с Португалией, и я вышел на 66-й минуте. К сожалению, я не был на все сто процентов уверен в том, какую нагрузку способна выдержать моя рука, и в концовке матча упустил голевой момент. Я уже падал, получив мяч, и в это мгновение вдруг подумал, что, ударив по мячу, могу приземлиться на руку. Я невольно сосредоточился именно на этой мысли вместо того, чтобы контролировать мяч, – и промахнулся. Игра закончилось нулевой ничьей, но это все равно было для нас хорошим результатом.

Наша вторая игра была против Бразилии. Я вышел в стартовом составе, это означало, что рука у меня восстанавливалась достаточно быстро, и тренер верил, что я могу провести на поле все 90 минут. Это была далеко не лучшая наша игра, и спустя час мы уступали со счетом 0:3. Впрочем, был и

положительный момент: я смог забить гол и стал первым в истории футбола африканцем, забившим в ворота Бразилии. Это был важный момент для меня, хотя на исход встречи это никак не повлияло.

В последнем матче мы разгромили КНДР – 3:0, а мой хороший друг и партнер по «Челси» Саломон Калу забил наш третий мяч. Саломон начал выступать за нашу национальную сборную в 2007 году и играл важную роль в успехах нашей команды. За те годы, что мы играли вместе, он забил больше 20 голов. Несмотря на эту победу, мы опять «вылетели» с чемпионата после группового этапа. Это был разочаровывающий итог, который, впрочем, не стал какой-то неожиданностью. Обойти Португалию и Бразилию всегда невероятно сложно, и я не думаю, что моя травма кардинально на что-то повлияла.

Лично для меня главным положительным моментом того Чемпионата мира стала возможность сыграть в данном турнире на своем континенте – и это воспоминание навсегда останется в моей памяти. Африка впервые принимала финальный этап Чемпионата мира по футболу, и я гордился этим, зная, что вся планета следит за ним и видит, чего можно достичь на этом замечательном континенте. Кроме того, должен признаться, что стать первым африканцем, поразившим ворота самой легендарной футбольной команды в мире, – это, конечно, здорово.

Кубок африканских наций 2012 года – это тот турнир, который я вспоминаю с большой грустью и печалью. В том году мы смогли преодолеть свой самолюбивый индивидуализм и действительно стать единой командой. Мы чувствовали, что достигли зрелости, смогли сплотиться, вышли на свой пик. Мы не боялись играть, не боялись пропускать в свои ворота, мы собирались неустанно давить на соперников, играя в хороший, конструктивный футбол. С этим был связан и тот факт, что наша страна наконец-то вновь стала единой как никогда. Кто знает, возможно, именно это и сыграло с нами злую шутку.

Как бы то ни было, мы прошли в финал, проводившийся в самом большом городе Габона – Либревиле, где нам предстояло сыграть с Замбией. Их французский тренер Эрве Ренар установил в команде жесткую дисциплину, создал отличную атмосферу, но я чувствовал, что это был наш самый благоприятный шанс победить в турнире за все то время, что я выступал за сборную.

В финале ни одна из команд не смогла забить. Во втором тайме мы заработали пенальти, и тот момент вполне мог стать решающим. Как капитан, я решил пробить сам – и каким-то образом направил мяч выше перекладины. Я до сих пор не могу

объяснить, что со мной случилось, ведь я никогда не исполнял пенальти так неудачно. Что произошло? Никто этого не знает. В итоге счет так и остался нулевым даже в дополнительное время.

Настало время очередной серии пенальти. Погода стояла ужасная (дождь лил как из ведра), и, как всегда во время серии пенальти, мы все испытывали огромное напряжение. Мы били первыми – и повели 1:0. Замбия сравняла счет. Один за другим игроки обеих команд подходили к мячу и отправляли мяч в сетку. Все пенальти пробивались успешно, у вратарей было мало шансов парировать какой-либо из них. На этот раз я решил быть пятым, поскольку зачастую это решающий момент серии, и теперь я хотел уже наверняка забить. Мы неуклонно продвигались все дальше и дальше – 5:5, 6:6, 7:7. С каждым пробитым одиннадцатиметровым нервы у всех присутствующих натягивались все сильнее и сильнее.

Следующим от нашей команды бил весьма опытный Коло Туре. Он взял длинный разбег (возможно, слишком длинный, что и позволило вратарю по его движению догадаться, куда именно последует удар), ударил – и вратарь взял этот мяч. Теперь психологическое давление испытывали замбийцы. Пробивать предстояло Рэйнфорду Калабе – и он отправил мяч над перекладиной. Мы почувствовали огромное облегчение. Теперь настала очередь Жервиньо из «Арсенала». Он разбежался и сделал ту же самую ошибку: мяч после его удара ушел над перекладиной и в сторону. Мы все были в шоке, мы едва могли смотреть на то, как их центральный защитник Стофира Сунзу устанавливал мяч и готовился к удару, который может стать победным. Он разогнался – и вколотил мяч в сетку. Счет стал 8:7 в пользу Замбии, а мы снова оказались в роли проигравших в финале.

Мы очень сильно переживали из-за этого поражения. Мы проиграли, несмотря на то что не пропустили за весь турнир (включая финал) ни одного мяча. Мы были лучшей командой по игре в атаке, и я закончил чемпионат, разделив первую строчку списка бомбардиров. Я не переставал задавать сам себе вопрос: как это вообще стало возможно, что такая команда, которая наконец-то сплотилась, с ее духом, с уровнем ее игроков – как мы опять остались с пустыми руками? Мы сделали для победы все, что только было возможно, мы были невероятно едины – и все эти усилия ни к чему не привели. Все мои партнеры были в слезах, и я рыдал вместе с ними.

Я могу объяснить такой итог (включая мой нереализованный пенальти) лишь тем, что такому просто суждено было случиться. Мы могли играть еще хоть десять часов – все равно на трофее было бы выгравировано имя наших соперников. Замбия одержала

победу на территории Габона, недалеко от того места, где девятнадцатью годами ранее произошла авиакатастрофа, в которой погибли 18 игроков их сборной и их тренер. Очевидно, некоторым событиям просто предначертано свыше произойти именно так.

Я вернулся домой в Англию в разбитых чувствах. Одновременно с этим пришли еще кое-какие тяжелые вести о нашей семье, что также повлияло на мое эмоциональное состояние. В тот вечер, когда моя жена была в Кот-д'Ивуаре, а мои дети мирно спали в своих кроватях, я разговаривал с другом по телефону, обсуждая навалившееся на меня в последние дни. Внезапно я ощутил странное чувство, словно я просто переполнен эмоциями, что они бьют уже через край. «Извини, знаешь, мне надо идти», – быстро сказал я ему. Я понял, что должен как можно скорее положить трубку. Сразу же после этого, почти без перехода, я начал плакать. Слезы текли и текли, их невозможно было остановить. Все накопившиеся у меня эмоции вышли наружу: и те, которые касались финала чемпионата, и те, которые касались семьи, и те, что затрагивали мою жизнь в целом. Я бы никогда и не подумал, что вообще можно так плакать, потому что у меня еще не случалось подобной реакции на что-либо. Скорее всего, это явилось кульминацией сложного периода в моей жизни, и то, что тогда происходило в «Челси», отнюдь не способствовало улучшению ситуации.

В следующем месяце у меня постоянно менялось настроение. В один день все могло быть нормально, а в другой я мог быть озабоченным и встревоженным. Я не из тех футболистов, которые способны полностью игнорировать внешнюю жизнь, поэтому такой настрой, безусловно, отражался на моей игре. К счастью, через месяц в «Челси» сменился главный тренер. После этого я воспрянул духом и завершил сезон просто прекрасно. Тем не менее тот финал Кубка африканских наций останется в моей памяти как момент, о котором я не могу вспомнить без сожаления.

Чемпионат мира 2014 года был для меня последней возможностью сыграть за национальную сборную. Поскольку он проходил в Бразилии (в сердце футбола, в стране, где спорт является религией и где я всегда мечтал когда-либо сыграть), я думал, что после этого для меня настанет правильный момент для завершения международной футбольной карьеры.

Перед началом чемпионата, как только завершился сезон в Англии, я отправился в Катар, чтобы должным образом подготовиться физически. Я работал настолько усердно, что сбросил около трех килограммов, половину из которых составлял

жир. Принимая во внимание то, что у меня не было лишнего веса и что мне не требовалось сильно худеть, это означало, что к моменту отъезда в Бразилию я стал поджарым и чувствовал себя в превосходной форме.

Приехав, мы обнаружили огромное количество своих поклонников со стороны бразильцев, которые устроили нам невероятно теплый прием. И хотя мне так и не удалось сыграть на стадионе «Маракана» (это была мечта моей жизни), я был очень рад возможности играть в стране, где так страстно любят футбол.

Мы гордились тем, что стали первой в истории африканской сборной, сумевшей трижды подряд пройти отборочные игры и попасть в следующий этап. Было бы еще лучше, если бы нам удалось впервые выйти из группы. За нас по-прежнему играли Яя и Коло Туре и Жервинью, на подходе был также ряд отличных молодых игроков, поэтому мы смотрели в будущее с надеждой, тем более что в группе с нами оказались Япония, Колумбия и Греция.

К сожалению, наш тренер, похоже, особо не верил в меня, своего капитана, и в первой игре против Японии не включил меня в стартовый состав. Естественно, меня это не обрадовало, к тому же он сообщил мне об этом лишь за несколько часов до начала матча. Я продолжаю считать, что нормальное общение между тренером и его командой крайне важно, и я до сих пор не понимаю, почему он не мог предупредить меня заранее. Я вошел в игру со скамейки запасных, когда мы проигрывали 0:1, и полностью изменил ход игры. В итоге мы выиграли со счетом 2:1, и это, разумеется, был лучший ответ, который я мог ему дать.

Во второй игре случилось то же самое: я вновь остался в запасе, на этот раз до 60-й минуты, и мы уступили Колумбии – 1:2. И вновь я был расстроен.

Все теперь зависело от заключительного матча против Греции. Чтобы обеспечить выход из группы, нам требовалась ничья. На этот раз меня включили в стартовый состав. Греция смогла перед самым перерывом открыть счет, но на 74-й минуте после контратаки нам удалось его сравнять. Мы были в пятнадцати минутах от выхода в следующий круг. Именно в эти минуты меня заменили, и (сам не знаю, почему) у меня появилось предчувствие, что нам сейчас забьют. У меня уже было нечто похожее в полуфинале Лиги чемпионов в 2009 году во время матча с «Барселоной».

Пошла 90-я минута матча. Такая ситуация была уже мне знакома. Началось дополнительное время. Я чувствовал нутром, я просто знал, что сейчас произойдет. И действительно: на 93-й минуте, практически последней минуте игры, судья назначил в

наши ворота пенальти. Он был уверен, что Самараса в нашей штрафной ударили сзади по ногам. Это было спорное решение, я до сих пор с ним не согласен.

Я был вынужден наблюдать за всем происходившим на поле со скамейки запасных, не в силах что-либо сделать. Я едва мог контролировать свои эмоции. Я опустился на колени у боковой линии и стал молиться – это было единственным, что я мог сделать. Я молился, я надеялся. Увы, в тот день мои мольбы остались без ответа, и Самарас реализовал пенальти, обеспечив Греции победу и первое в их истории попадание в плей-офф Чемпионата мира. Одновременно были разрушены наши надежды на такой же результат.

Больше всего меня тогда разочаровало то, что меня с самого начала словно отодвинули в сторону, хотя я по-прежнему был капитаном команды. Я думаю, что наш тренер, француз Сабри Лямуши, чувствовал, что он был не в состоянии справиться с моим влиянием в команде. Возможно, он считал, что я угрожал его авторитету, и вообще не желал моего присутствия. Президент федерации ни слова не сказал ему по поводу того, как со мной обращались, поэтому спустя месяц после чемпионата, несмотря на то что тренер к тому моменту уже ушел в отставку, я также объявил об уходе из сборной. Мне было 36 лет, я только что вернулся в «Челси», и в футбольном плане у меня все было хорошо. Я решил, что для меня, для моего будущего здоровья и моей семьи будет лучше, если я сосредоточусь на клубном футболе. Я знал, что мои ивуарийские поклонники отнесутся к этому решению с пониманием, поэтому нисколько не сожалел, что принял его.

Всего через шесть месяцев, в феврале 2015 года, «слоны» наконец-то завоевали Кубок африканских наций. Я, безусловно, испытал в тот вечер, когда они победили, массу смешанных эмоций. Прежде всего необходимо отметить, что финальный матч между Кот-д'Ивуаром и Ганой перерос в очередную серию пенальти, которая на сей раз завершилась со счетом 9:8 в нашу пользу. Наблюдать за этим спокойно было совершенно невозможно. Я смотрел матч дома с друзьями и семьей, и сразу после победного пенальти начал безумно прыгать и восклицать. Я был искренне рад и чувствовал облегчение оттого, что мои партнеры все же добились победы. С другой стороны, я тоже человек, и нужно признаться, что немного расстроился, потому что не получил возможности разделить с ними радости от завоевания этого кубка. Я бы с радостью оказался там, празднуя успех с командой, частью которой я до сих пор себя ощущал, несмотря на то, что покинул ее полгода назад.

Впрочем, для меня эта победа была связана не с моим собственным успехом (или его отсутствием), она была связана прежде всего с моей страной. Теперь, когда в Кот-д'Ивуаре воцарилась стабильность, мы могли надеяться на то, что победа «слонов» будет способствовать поддержанию мира и единства на нашей земле. Мы могли рассчитывать на то, что победа нашей национальной сборной покажет людям: если они готовы поддерживать одну команду, составленную из разных игроков, то им по силам отложить все разногласия в сторону и продолжать трудиться для достижения нашей общей цели – национального единства.

Глава 20
Моя семья и другие люди

Я не рассказывал особенных подробностей о своей семье (в частности, о своей жене), но без них я не был бы тем, кого я сейчас представляю собой, и без их любви и поддержки я бы никогда не смог достичь того, чего я достиг. Мы стремимся оградить свою семью от постороннего любопытства, особенно это касается наших детей. Мы не делаем дома каких-либо фотосессий и не даем интервью в домашней обстановке. Тем не менее рассказ об истории моей жизни был бы неполным, если бы я не упомянул о членах своей семьи, поскольку они являются наиболее важной составной частью этой жизни.

Когда я увидел мою будущую жену, Лаллу Дияките, меня словно пронзило молнией (как говорят французы, это было как гром среди ясного неба; короче говоря, это была любовь с первого взгляда). Я впервые увидел ее в 1995 году, когда мне было 17 лет. Я тусовался в магазине своего дяди Мишеля в городе Ван. После того как он ушел из футбола, он открыл продуктовый магазин, и я любил бывать там во время школьных каникул, когда у меня выпадало свободное время после футбольных тренировок в Левалуа. Я помню, как помогал ему в магазине. В тот день я устал, поэтому прилег на свой диван в комнатке в задней части магазина. Там же была и моя двоюродная сестра Вивиан. Она была дочерью одного из моих дядей, который в то время проживал в Ване, и Лалла была ее лучшей подругой. Когда появилась Лалла, она меня сразу же заинтересовала. Я никогда не встречал ее прежде. В ней было нечто, что очень сильно отличало ее от других, что-то благородное. Кроме того, она была очень красива.

Мы с ней поболтали немного, а затем года два поддерживали друг с другом отношения. Я тогда был еще молод, но уже достаточно сильно влюбился в нее. Я писал романтические письма, опрыскивал их своим одеколоном и отправлял их ей, надеясь, что она ответит взаимностью. Это были дни, когда люди еще посылали друг другу любовные письма! Во всяком случае, мы некоторое время поддерживали отношения друг с другом, и я, бывало, выезжал в Ван, чтобы увидеть ее, как только мне это позволяло время и наличие средств, но затем все это прекратилось.

Лалла на пару лет старше меня, и, очевидно, она считала, что я был слишком молод, что я еще не повзрослел, поскольку жил

достаточно легкомысленно – и она была права. К тому времени я переехал в Ле-Ман, а она училась на медсестру и воспитывала своего малыша, Кевина, которому было три года. Я между тем вел жизнь молодого человека, у которого в кармане впервые оказалось немного денег. Деньги приходили ко мне – и тут же стремительно исчезали. Я, как правило, тратил их на одежду, на различные вечеринки – на все, кроме предметов первой необходимости, продуктов питания и оплаты счетов. Помнится, как-то я попытался организовать ужин для своих друзей и вдруг обнаружил, что не было электричества. Что же произошло? В конце концов я понял, что в остальной части моего многоквартирного дома электричество было. Оказывается, я не оплатил счет за него и проигнорировал письма с соответствующим напоминанием, поэтому мне его просто отключили.

Я все еще не терял надежды встречаться с Лаллой. Однажды она приехала навестить меня вместе с Кевином и Вивиан. В ней что-то явно переменилось, потому что с того дня наши отношения возобновились и стали крепче, чем прежде. Как только у меня выпадал выходной, я обычно спешил, чтобы успеть на поезд в Ван (а дорога туда и обратно составляла 530 км), только чтобы увидеть ее. Какой удивительный прилив сил ты ощущаешь, когда ты молод и влюблен! Я выезжал в Ван даже вечером после тренировок, а потом садился на ранний поезд, чтобы успеть на очередную тренировку на следующее утро. Я знал расписание электричек наизусть. Я так часто ездил по маршруту Ван – Ле-Ман, что контролеры на электричках узнавали меня и редко проверяли у меня билет.

Однажды в День святого Валентина я выдумал, будто бы не смогу приехать к Лалле в Ван, чтобы отпраздновать этот день вместе с ней, потому что у меня на следующий день якобы была запланирована игра. Она, как всегда, смирилась с особенностью моей жизни футболиста и стала сама строить какие-то планы на этот день. И вдруг вечером я появился на пороге ее дома и пригласил ее на ужин в прекрасный ресторан. Более того, я купил ей подарок, который вручил ей за столом на глазах у всего ресторана. Поскольку Лалла не привыкла к таким широким жестам, она сразу же положила подарочный пакетик в свою сумочку, чтобы посмотреть подарок позже. Я, однако, настоял на том, чтобы она достала этот пакетик и открыла его именно сейчас и именно здесь. Не правда ли, романтично?

В январе 2000 года Лалла переехала ко мне в Ле-Ман. Я завершил свою холостяцкую жизнь, когда мои друзья постоянно приходили и уходили, и дверь моей квартиры постоянно была

нараспашку. Теперь у меня появились совершенно другие приоритеты, я изменил свой образ жизни. Лалла видела, как бездарно я решал финансовые вопросы, поэтому она полностью изменила эту ситуацию, определив, сколько я мог потратить, а сколько – сохранить. Она действительно помогла мне привести свои дела в порядок. Кевина я знал еще ребенком, поэтому мне было легко принять его в свою жизнь и воспитывать его, как если бы он был моим собственным сыном.

В марте этого же года Лалла сообщила мне, что она была беременна. Я был на седьмом небе от счастья. Все складывалось просто замечательно. За год до этого я подписал свой первый профессиональный контракт, обосновался в Ле-Мане, а теперь определился в своей личной жизни. Жизнь поворачивалась ко мне своей яркой стороной. Я был безумно рад стать отцом в 22 года, поскольку жаждал оседлой семейной жизни.

День, когда родился наш сын Айзек (это произошло 15 декабря 2000 года), был лучшим днем в моей жизни. Рождение первого ребенка – это всегда нечто особенное. Меня переполняли эмоции, и не в последнюю очередь в связи с тем, что он родился с пуповиной вокруг шеи, поэтому роды сопровождались драматическими мгновениями, когда врачи боролись за то, чтобы позволить ему сделать первый в своей жизни вдох.

Рождение Айзека изменило мою жизнь. Следующий случай подтвердил, что у меня теперь появились новые обязанности и что от меня теперь требуется новый уровень ответственности. Несколько недель спустя после рождения Айзек заболел, и мне пришлось идти к банкомату, чтобы снять какую-то сумму и заплатить за лекарства. Я был все еще дезорганизован в финансовом отношении (дела обстояли лучше, чем раньше, но все равно еще не так хорошо, как должны были бы). Я вставил свою карту в слот, и она вышла обратно – на ней было недостаточно средств. У меня не хватило денег на лекарства для моего сына, и мне пришлось занимать эту сумму у одного из своих друзей. Для меня это было крайне унизительно. «Все! – там же решил я тогда. – Такого больше никогда не повторится! Никогда!» В тот день я повзрослел и стал отцом, осознающим свою ответственность.

Чуть более года спустя, в январе 2002 года, я по трансферу перешел в клуб «Генгам», и мы переехали в прекрасный дом возле этого клуба. Мы были счастливы вчетвером, особенно с учетом того, что Лалла снова была беременна. 12 марта нас осчастливила своим появлением на свет наша дочь Иман. Это было на следующий день после моего дня рождения – какой подарок я бы мог получить лучше, чем прибавление в семействе?

Теперь, когда я стал получать больше, я смог купить себе первую машину, «Опель Зафира». Я был очень горд этим. Машина была удобной, на семь человек, поэтому там было достаточно места для колясок, детских стульчиков и трех детей. Мне она очень нравилась.

Вскоре мы снова переехали, на этот раз в Марсель. Вначале мы поселились на окраине, в красивой части города под названием Ла-Трей. Правда, вскоре после этого мы перебрались в приморский район Ла-Сьота, примерно в 20 километрах от центра, но это было даже лучше. Мы поселились на берегу моря, наш дом был на холме. С нашей террасы открывался восхитительный вид на Средиземное море, и пляж находился в пяти, от силы в десяти минутах ходьбы. Мы обычно пили кофе на террасе в одних лишь майках в середине зимы, любуясь на сверкающее синее море совсем рядом. Для детей теперь не существовало фразы: «Давайте выберемся на каникулы на море!» Для них теперь это звучало так: «Давайте сходим на море сегодня вечером!» Когда у вас есть солнце и море, жизнь выглядит лучше, поэтому в тот год мы жили замечательно и были очень счастливы. Кроме того, я действительно рассчитывал на то, что останусь в Марселе надолго.

Мой переход в «Челси» был неожиданным как для моей семьи, так и для самого меня. Для всех нас это было просто потрясением. Мы переехали в район рядом с тем местом, где планировалась новая тренировочная база в Кобхэме. Затем нам пришлось искать школу для Кевина, которому к тому времени было уже 12 лет. Мы нашли недалеко от своего дома хорошую английскую школу (мы не хотели посылать детей в международную школу, потому что для нас было очень важно, чтобы они научились говорить по-английски), и вначале он не мог там вымолвить ни слова. К счастью, Кевин – умный парень, поэтому уже через пару месяцев он начал разговаривать на английском достаточно свободно. У него это получилось легче, чем у Лаллы или меня. Мне сначала даже было стыдно говорить по-английски в его присутствии, и я постоянно переспрашивал у него, что именно он имел в виду. Таким образом, это именно он помогал нам, взрослым, выучить язык.

Для Лаллы этот переезд оказался не из легких. У нее во Франции были друзья и семья, и ей пришлось оставить их и перебраться в страну, где она не могла даже свободно общаться с окружающими. Когда вы не говорите на языке коренного населения, вам приходится сложно. Хотя в то время в Англии жила моя сестра, и это до определенной степени помогло нам освоиться, Лалле, безусловно, потребовалось какое-то время,

чтобы привыкнуть (не только к языку, но и к климату, к образу жизни). Франция очень похожа на Англию, тем не менее эти страны во многих отношениях сильно отличаются друг от друга. Таким образом, для нас этот переезд означал смену культуры, и было трудно обустроить семью, найти ей место для проживания и школы для обучения наших детей.

Когда мы переехали, даже Айзеку, которому было только три годика, было очень сложно привыкать к новой обстановке. Для меня был далеко не самый лучший день, когда он сказал мне: «Папа, я хочу вернуться в Марсель!» Я это воспринял как свое поражение. Безусловно, если я сейчас задам ему вопрос на эту же тему, то он мне сразу же ответит: «Нет! Никогда!» Я готов поспорить, что он даже не помнит своей жизни там, в Марселе.

В конце концов в моей семье все обустроилось, но на это потребовалось время, в начале же у меня было ощущение, что я поселился в клубе. К концу второго сезона, летом 2006 года, ситуация исправилась. Дети были довольны в своих школах и свободно говорили на двух языках.

Наши дети играют, дерутся и спорят, общаясь друг с другом на английском языке (особенно если они в это время в Англии), но когда они с нами, то мы в своей семье говорим на французском. Нам с Лаллой смешно от этого, потому что мы так и не научились свободно изъясняться ни на одном из этих двух языков. Когда дети приезжают на каникулы во Францию или Кот-д'Ивуар, они говорят друг с другом больше по-французски. Они чувствуют себя как дома во всех этих трех странах и ощущают себя свободно во всех трех культурах, и это наполняет нас с Лаллой чувством гордости и счастья.

В мае 2009 года у нас родился сын Кейран. Прежде чем завести еще одного ребенка, мы подождали, пока окончательно не обустроимся в Англии всей семьей, и были очень рады, когда он появился на свет.

Эмма, наш самый младший ребенок, родилась в декабре 2013 года. Мы чувствуем себя просто счастливыми от того, что теперь у нас пятеро здоровых детей. Иман – это моя первая принцесса, а Эмма, безусловно, моя маленькая принцесса! Она невероятно улыбчивая и смышленая, и я с нетерпением жду того времени, когда она станет такой же замечательной дочкой, как и ее старшая сестра.

В июне 2011 года мы с Лаллой наконец-то поженились. Многих удивило, что мы не сделали этого раньше, но, честно говоря, мы никогда не чувствовали в этом необходимости. Для нас этот шаг не казался таким уж важным.

Наряду с этим женитьба была для меня способом

отблагодарить Лаллу, сделать для нее что-то такое, что она будет помнить, а также что запомнят мои дети и другие члены нашей большой семьи. Она была матерью моих детей, она была моим партнером в жизни, она всегда была на моей стороне, что бы со мной ни происходило. Она знала меня в те времена, когда у меня в карманах было совершенно пусто, она поддерживала меня и морально, и материально в те дни, когда нам действительно приходилось крайне тяжело, она мне помогала во всем. Она никогда не жаловалась. Какие бы я ни принимал решения, куда бы мне ни приходилось переезжать как профессиональному футболисту, она всегда говорила: «Ты тот, кто играет, а мы всегда с тобой, мы всегда поддержим тебя». Она всегда устраивала нашу жизнь так, что я мог жить своей мечтой. Такие ситуации порой могут порождать большие разногласия между двумя людьми, но с нами такого никогда не происходило, и я понимаю, что мне очень повезло. Именно поэтому для меня было крайне важно выполнить свои обязательства перед ней и оформить наши отношения.

Мы провели нашу свадьбу в отеле «Монте-Карло Бэй». Мы пригласили на трехдневное празднество в основном всю нашу семью и близких друзей. Свадьба, по существу, была на второй день. Эта церемония прошла в гостинице, было много еды и выпивки, много музыки, танцев, пения и веселья! Это была совершенно грандиозная вечеринка. Очевидно, я пристрастен, но Лалла выглядела на ней в этот день еще более красиво, чем обычно, и все наши дети также выглядели прекрасно. Мы хотели, чтобы наши старшие дети (Кевин, Айзек и Иман) запомнили этот день и чтобы теперь, когда мы вместе смотрим фотографии, они тоже могли сказать: «Ах да, а ты помнишь…» – что для нас очень радостно. Это был действительно прекрасный день свадьбы, который полностью оправдал свои ожидания.

Мы очень стараемся научить наших детей тем ценностям, которые мы считаем важными. Это, прежде всего, образование, готовность делиться с другими, думать о них, умение подать себя. Когда они возвращались из школы домой, мы настаивали на том, чтобы вначале они делали свои домашние задания, а потом уже играли или расслаблялись. Даже Кейран, хотя он еще слишком молод, хорошо вписывается в эту схему – он обычно сидит за кухонным столом, читая книгу, и нам (даже если нас нет) не приходится давить на него. Для нас образование – это действительно очень важная вещь, поэтому мы крайне заинтересованы в том, чтобы все наши дети приобрели необходимые навыки с самого раннего возраста. Я помню, как тяжело было со мной моему отцу и сколько ему потребовалось сил, чтобы поощрить меня продолжить свое образование, пока я

не получил квалификацию, которая хоть что-то значила. Я так рад, что он сделал это, и надеюсь, что мои дети смогут добиться того же.

Они являются частью большой семьи, имеется в виду – нашей общей большой семьи, поэтому никогда не возникало вопроса о том, делиться или не делиться и думать или не думать о других. Как я уже упомянул ранее, наша африканская культура, вполне очевидно, влияет на наш образ жизни, и желание поделиться – это обычное явление в любой африканской семье. Когда в дом приходят гости, дети всегда подходят, чтобы поздороваться с ними, чем бы они в этот момент не были заняты. Это входит в основные правила поведения.

Если говорить о материальном аспекте, то мои дети никогда ни в чем не нуждались, но мы стараемся не покупать им все то, что им захочется, хотя любой родитель знает, что в наше время очень трудно решить, в чем именно следует ограничивать детей. Когда наши дети были совсем маленькими, у них было много игрушек. Но по мере их взросления мы объясняли им, что если они хотят, например, новую пару кроссовок, то они должны сделать что-то по дому, чтобы заработать право на эту новую вещь. Мы открыли им банковские счета и объяснили им, как можно сэкономить деньги, как растут проценты, если деньги долго лежат на счете. Я надеюсь, что незначительные детали вроде этой помогут им понять ценность денег, хотя их школьные приятели наверняка будут подначивать их: «Зачем тебе это надо? У твоего отца есть куча денег!» Это постоянная, непрекращающаяся борьба за умы наших детей.

Мы также стараемся быть очень осторожными в вопросе дружеских отношений. Даже когда Кевин учился в школе в Марселе, возникали вопросы о дружбе и о том, кто был ему настоящим другом, а кто набивался ему в друзья потому, что его отец – футболист. Всем моим детям приходится разбираться в этом, но, как правило, они приходят к тому выводу, что настоящими друзьями являются те, кого они знали уже достаточно давно. Иногда некоторые говорят им: «Ах, так ты сын Дидье Дрогба? Так почему бы тебе не…» – и так далее. Если не быть достаточно осторожным или умным, то можно невольно создать ситуацию, когда кто-то может использовать твоих детей в своих корыстных целях. Мы стараемся дать им понять, что, когда ты находишься на вершине мира, тебя всегда окружает множество людей, но стоит только измениться ситуации, как все они куда-то пропадают. Такова жизнь, и это жестокий урок для тех, кто хочет чему-то научиться в жизни.

К сожалению, моим родителям сейчас приходится

сталкиваться с теми же проблемами, что и моим детям. В Париже, где они живут, и в Кот-д'Ивуаре некоторые пытаются сблизиться с ними, стать их друзьями. В лучшем случае все эти люди хотят просто войти в их окружение, но зачастую в конечном итоге они просят денег или каких-то услуг. «Мы организуем такое-то мероприятие, – говорят они, например, – и у нас возник вопрос, не могли бы вы…» Очень печально, но такое может случиться с каждым, кто стал хорошо известной личностью и превратился в состоятельного человека. Мне доводилось терять деньги, помогая тем, о ком я думал лучше, чем они оказались на самом деле. Это случается также и с нашими дальними родственниками. Мои родители хорошо понимают, что теперь люди относятся к ним иначе, чем раньше, когда они были «никем», поэтому они всегда находятся начеку и стараются, чтобы их не одурачили.

Я вынужден регулярно предупреждать своих детей об одной из потенциальных опасностей, с которыми они сталкиваются в своей жизни, – о социальных сетях. Я знаю, что они могут принести большую пользу, но могут также и нанести невероятный вред. «Не каждый человек окажется тебе другом, – постоянно повторяю я им. – Будьте осторожны. Встречаются и плохие люди, которые хотят общаться с вами только из-за вашей фамилии, а не за тем, чтобы стать вашими друзьями». Это очень печально, но, к сожалению, это часть их жизни, и они должны быть осторожными.

Порой мои дети оказываются из-за своей фамилии, Дрогба, не совсем в приятных ситуациях, особенно когда дело доходит до футбола. Например, Айзек любит играть в футбол, но иногда его товарищи по команде дразнят его, когда он не забивает: «Ха-ха, Айзек, если ты хочешь быть, как твой отец, ты должен забивать!» Сначала, конечно, он расстраивался и хотел даже бросить тренировки или как-то еще изменить ситуацию.

«Послушай, – сказал я ему, – когда я играю, я тоже иногда промахиваюсь. Но я же не перестал играть. Я не начинаю играть в обороне. Я вновь стараюсь забить. И я могу опять промахнуться – а могу забить и два мяча. Я могу один раз промахнуться, а затем забить два гола. Как бы там ни было, я всегда буду пытаться забить снова и снова. И ты тоже должен пытаться. Даже лучшие игроки промахиваются. Они тоже упускают голевые моменты, с ними тоже случается так, что они играют и никак не могут забить, поэтому надо просто продолжать играть дальше.»

Иногда я хожу смотреть на его игры, но всегда стараюсь прийти инкогнито, чтобы он не увидел меня, хотя его друзья все равно сообщают ему об этом: «Эй, Айзек, твой отец здесь!» В этих случаях родители больше фотографируют меня, чем смотрят игру, а я бы хотел, чтобы они смотрели на игру своих детей, а не

наблюдали за мной и не снимали меня. Именно поэтому я не так часто хожу смотреть, как играет Айзек, хотя это и неправильно, но, возможно, это все же лучше для его развития как человека и как футболиста.

Наши дети воспитываются в основном благодаря влиянию Лаллы. Я так мало бываю дома, что это именно она воспитывает их так, как хотели бы мы оба. У нее раньше были в жизни тяжелые времена. Родившись в Мали, она затем, еще в молодости, вместе со своей матерью переехала во Францию. После этого она потеряла мать и настойчиво училась для того, чтобы обеспечить себя и Кевина, когда он был совсем маленьким. У нее возникали весьма сложные ситуации, с которыми ей приходилось справляться, и она реально смотрит на вещи, когда дело касается таких важных вещей в жизни, как семья, любовь, образование, стабильность.

Это может показаться странным, но я инстинктивно всегда чувствовал, что вскоре после того, как я встретил ее, она станет моим идеальным партнером. Наблюдая за тем, как она растила Кевина, я хотел, чтобы она стала матерью моих детей. Мне был всего 21 год, когда она переехала ко мне, и 22 года, когда родился Айзек, но я был готов стать отцом. Даже в столь раннем возрасте я уже хотел иметь собственную семью. И даже в то время я думал: «Если, не дай бог, со мной что-то случится и меня не станет, я знаю, что она позаботится о моих детях. Я знаю, что она будет способна поднять их». Любовь и то влияние, которое Лалла оказывает на наших детей, – это лучшее, что она может дать мне.

Вместе с женой мы стараемся воспитывать наших детей так, чтобы они разделяли нашу любовь к Кот-д'Ивуару и нашу гордость за свои африканские корни. Это очень важно для нас обоих, потому что мы выросли вдали от своих родных стран и, возможно, не воспринимали как должное то, что некоторые люди проводили свое детство на родине. Когда у меня появились собственные дети, я понял, что мои корни очень много значат для меня, и я убежден в том, что, когда вы теряете свою привязанность к своей родине, вы теряете смысл жизни, вы перестаете ощущать, кто вы есть и откуда вы пришли.

Мне повезло, что я рос с дядей: он всегда поддерживал тесные связи со своими родственниками и знакомыми в Кот-д'Ивуаре, поэтому я хорошо понимал нашу культуру, знал наши национальные блюда и нашу национальную музыку. Когда я повзрослел, я стал проводить на родине больше времени, узнал свою страну гораздо больше и стал больше понимать ее, и это очень обогатило меня. Это также означает, что мои дети понимают, откуда я родом (и откуда родом они сами), они любят

возвращаться в Кот-д'Ивуар, где у нас есть дом. У нас много друзей, большая семья, и мы со всеми общаемся, когда приезжаем туда на каникулах.

Дома я всегда предпочитаю блюда национальной кухни Кот-д'Ивуара. Мое любимое блюдо – с очень спелыми бананами и ароматным соусом, моя мать готовит его просто великолепно! Я также люблю национальную музыку и всегда включаю ее, чтобы выплеснуть свои эмоции и расслабиться. Я не демонстрирую это в своей повседневной жизни (благодаря влиянию Лаллы я исправился в этом отношении), но музыка всегда была важна для меня, и я больше всего люблю танцевать под хорошую национальную музыку.

Мое имя также используется (неофициально) как название крепкого пива в нашей стране. «Не хотите ли «Дрогба»?» – могут спросить там. Его пьют во всех «маки́», небольших ресторанчиках на открытом воздухе, которые широко распространены в Кот-д'Ивуаре. Там играет музыка, туда приходят поесть и выпить, отдохнуть и повеселиться. Это пиво, должно быть, похоже на меня. Говорят, что я большой, сильный, крепкий, не позволяю обижать себя – и это пиво такое же: его дают больше, чем обычного пива, оно крепче, и вы никак не можете допить его (хотя некоторым это все же удается!). Ивуарийцы любят веселиться и устраивать вечеринки, и, как я уже сказал, я тоже это люблю. Может быть, это оттого, что у многих очень тяжелая жизнь, и они пытаются насладиться моментом вместо того, чтобы беспокоиться о будущем. В любом случае я считаю, что для жителей моей страны характерно желание быть оптимистами, не жаловаться, принимать жизнь такой, какая есть. И это весьма впечатляет.

Хотя на меня, очевидно, очень повлияла моя жизнь по европейским стандартам, особенно мое пребывание во Франции и Англии, где я провел бóльшую часть своей жизни, я считаю себя, прежде всего, ивуарийцем, и я знаю, что в ближайшие годы моя безграничная любовь к своей родине будет только расти.

Глава 21
Благотворительность начинается дома

Я думаю, что в этом вопросе сказалось мое воспитание. Когда я был еще маленьким, мои родители всегда учили меня, что надо делиться с теми, кто жил в нашем доме (с дядями, тетями, двоюродными и родными братьями и сестрами), а также с теми, кто был беднее нас. Как и мой отец, я был первенцем в нашей семье, и это накладывало на меня ответственность за то, чтобы показывать остальным пример и защищать других.

Теперь, когда я стал старше, я понимаю, что эта потребность помогать другим связана также с тем, что я расстался со своей семьей и покинул свою страну, когда был еще очень молод. Хотя последующие десять лет я бóльшую часть времени жил отдельно от своих родителей, братьев и сестер, я чувствовал себя частью общей большой семьи и всегда ощущал близость к родителям и семье, которые остались в Кот-д'Ивуаре. Некоторым не повезло так, как мне. Я скучал по своим родителям, а также по своему детству в родной стране, и я думаю, что это тоже явилось веской причиной, по которой я ощущал необходимость восстановить с ними связь и дать что-либо своей стране, которую я так сильно люблю.

Первый раз я выступал за национальную сборную, к собственному удивлению, в сентябре 2002 года в матче против Южной Африки. Я первый раз вернулся в Кот д'Ивуар в другом качестве, нежели просто член семьи. Помня, как восторженно была встречена наша команда, когда мы выбежали перед переполненными трибунами национального стадиона, я был ошеломлен, когда всего через десять дней наша страна погрузилась в бездну жестокой гражданской войны. Эти события потрясли меня до глубины души и заставили понять, насколько хрупкой была внутриполитическая ситуация.

Впервые появившись в сборной, я впоследствии стал регулярно возвращаться в Кот д'Ивуар играть за «слонов» в многочисленных отборочных играх и в Кубке африканских наций, и в финале Кубка мира. Именно тогда я действительно увидел свою страну в другом свете и узнал намного больше о том, что в ней происходит. Справедливости ради стоит отметить, что с тех пор я увидел много из того, что опечалило меня и оказало на меня большое впечатление – не только в Кот д'Ивуаре, но и на

Африканском континенте в целом. Играя в других странах и посещая их по личных причинам или в гуманитарных целях, я стал оказывать там посильную помощь.

Довольно скоро после первой игры за сборную я стал добиваться заметных успехов, регулярно забивая голы. Как результат, я начал приобретать популярность как в своей команде, так и на национальном уровне. В 2005 году я стал капитаном сборной, и вскоре после того, как я в прямом телеэфире обратился к соотечественникам с призывом сложить оружие, моя жизнь в Кот д'Ивуаре навсегда изменилась. Этот шаг сразу же превратил меня в национального кумира, чего я совершенно не ожидал. Я неожиданно приобрел статус национального лидера и увидел, как люди хотели мне помочь. Я уже был не просто кем-то, кто являлся примером в своей семье, но человеком, которого его народ считал одним из лидеров. Я не стремился получить эту роль, просто мне казалось, что на меня смотрели с надеждой, и я чувствовал, что пусть и незначительно, но все же мог бы помочь.

Даже за границей моя популярность резко возросла. Я бы пояснил это следующим образом: «Когда мы говорим, что мы из Кот-д'Ивуара, нам отвечают, что об этой стране ничего не известно. Но когда мы говорим, что Дидье Дрогба из этой страны, в ответ раздается: «Ах, вот как! Теперь-то мы знаем!»

Я прекрасно осознаю, что такого рода признание налагает на меня ответственность, но я рад нести ее. Я не рассматриваю это как обузу. Наоборот, я горжусь этим и готов делать все необходимое. Я вскоре понял, что мне нужно было найти способ использовать свою популярность, чтобы попытаться поддержать тех, кто нуждался в этом, – как в своей собственной стране, так и на Африканском континенте.

Я должен был с чего-то начать. Я стал посещать интернаты, больницы, обеспечивать их продовольствием, кроватями, одеждой, делал все, что было в моих силах, чтобы помочь им. Моя жена делала еще больше. Мы чувствовали, что должны были так поступать. Когда вы видите этих детей и их семьи, у которых совершенно ничего нет, вы осознаете, что просто необходимо что-то сделать. У нас самих все в порядке, поэтому мы просто не можем пройти мимо, сделав вид, будто ничего не происходит. Мы оба – глубоко верующие люди, и мы знаем, что надо помогать, когда сталкиваешься с недопустимыми вещами. Наша совесть просто не позволяет нам поступать иначе. Два события (и оба произошли в схожих обстоятельствах) наиболее сильно повлияли на меня и окончательно сформировали у меня готовность помогать другим людям.

Первое из них связано со Стефаном, молодым братом одного из моих хороших друзей во Франции. Стефан жил в Абиджане, и на мой первый международный матч он принес огромный баннер, который развернул на стадионе, чтобы все видели: «Клуб поклонников Дидье Дрогба». В то время в Абиджане никто не знал меня, потому что я вырос во Франции, и это был очень добрый жест, поднявший мне настроение. Видя этот большой баннер каждый раз, когда я смотрел вверх, я ощущал во время игры особые чувства. После этого на каждом моем матче появлялось все больше и больше баннеров, все больше и больше моих поклонников, однако Стефан любил напоминать мне, смеясь: «А я-то был первым! Я был единственным, кто знал тебя!»

Затем, в начале 2005 года, я получил звонок от его брата. У Стефана обнаружили лейкемию, и в Абиджане у него практически не было возможности получить необходимый курс лечения. Я сразу же обзвонил всех, кто, на мой взгляд, мог бы помочь Стефану получить французскую визу, чтобы он начал лечиться во Франции, но, к сожалению, в то время между Францией и Кот-д'Ивуаром были большие проблемы, политическая ситуация в стране была ужасной, и получить визу было почти невозможно. Я пытался дозвониться до французского посла в Кот д'Ивуаре, но в те времена меня никто еще толком не знал. Я только что был переведен в «Челси» и еще не оброс связями, которые помогли бы мне быстро выйти на тех, кто был бы способен оказать содействие этому парнишке. В конце концов нам наконец-то удалось получить долгожданную визу, но было уже слишком поздно. Стефан был слишком слаб, чтобы совершить поездку, и умер спустя две недели в возрасте 16 лет. Вся его семья была безутешна. Мне было очень жаль, что я не смог ничем помочь ему, хотя и пытался. Я первый раз стал свидетелем смерти того, кого я хорошо знал. Меня тем более шокировало то, что это была смерть молодого человека, у которого впереди была вся жизнь, а он умер, поскольку другие были лишены возможности помочь ему.

Я стал понимать, что мне необходимо не только больше делать, но также изменить способы оказания помощи. Мне пришлось расширить круг своего общения, познакомиться с людьми, имеющими вес, с теми, кто имел власть и деньги и мог легко влиять на ситуацию. Мне потребовалось познакомиться с разными послами и президентами, потому что я хотел помогать больше (и быстрее!) и понимал, что когда-нибудь мне придется обратиться к ним за содействием. Я стремился познакомиться с этими людьми не для того, чтобы самому стать счастливым (для меня счастьем являлась моя семья) или почувствовать свою

значимость. Мне это требовалось для того, чтобы они могли помочь мне, а я мог помочь другим.

К счастью, в то время я становился все более и более известен, многие хотели со мной познакомиться, так что двери открывались мне гораздо легче. Вначале я опасался обращаться к этим людям, стараясь сохранить свою независимость, чтобы делать все так, как хотел я сам. Но со временем понял, что могу использовать властные полномочия других, чтобы добиться того, к чему я стремился, и что если я откажусь от этого, то это достаточно существенно ограничит мои возможности.

Именно тогда я решил создать свой собственный фонд, который станет известен благодаря моему имени и деятельность которого я хотел бы контролировать. Это замечательно – уделять время и предоставлять средства различным благотворительным организациям, и я был счастлив какое-то время заниматься этим, но в конечном счете мне захотелось располагать чем-то, за что я бы мог нести ответственность и где я мог бы сам решать, на какие цели расходуется та или иная помощь. И в 2007 году я принял решение использовать все свои накопления для создания фонда, и я занимаюсь этим до сих пор.

Я не хотел, чтобы дело происходило так, как я уже неоднократно мог наблюдать: с большой помпой объявляется о создании какого-либо фонда, проводится грандиозное мероприятие по сбору средств, торжественный ужин или что-то в этом роде. Собирается куча денег – а затем наступает тишина. И никто не знает, на что пошли собранные деньги. На следующий год возникает вопрос: «Как дела с этим фондом?» А в ответ говорят: «Ах, знаете, нам пришлось все оставить, потому что как-то не сложилось, планы оказались нереальными», – или нечто подобное. И оказывается, что все добрые пожелания, надежды и собранные деньги ни к чему не привели. Я не хотел, чтобы так случилось, – и не в последнюю очередь потому, что я не люблю проигрывать! Так что, пока я не был готов представить что-то конкретное, до 2010 года фонд официально не существовал, хотя я сам вкладывал в него деньги и продолжал кое-что планировать.

Второе событие, которое убедило меня в том, что я должен был заняться собственной благотворительной и гуманитарной деятельностью, произошло в марте 2009 года. Мы играли в отборочном матче Чемпионата мира против сборной Малави на нашем национальном стадионе в Абиджане. Перед игрой обрушилась одна из стен стадиона, в результате погибло девятнадцать человек, было ранено более ста, включая детей. Может показаться удивительным, но игра все же состоялась, поскольку никто на поле не понял, что произошло. Мы могли

видеть машины «Скорой помощи», которые приезжали и уезжали, но это был очень жаркий день, народу было очень много, было шумно, поэтому казалось, что все в порядке. В таких ситуациях, как правило, многим требуется медицинская помощь.

После игры, как только мы узнали, что случилось, мы всей командой направились в больницу навестить пострадавших. Когда я был там, я также навестил маленького мальчика Нобеля, которому материально помогала французская рэп-исполнительница Диамс[13]. Она еще раньше связывалась со мной, потому что она хотела пожертвовать деньги и закупить еду для детских домов и для нуждающихся, а в ходе своего визита в Кот д'Ивуар она встретила Нобеля. У него была лейкемия, и она искренне полюбила его. Она тут же, не колеблясь, решила оплатить его лечение на год вперед. Я был тронут ее великодушием, и, когда год подошел к концу, для меня было вполне естественно продолжить начатое ею дело. Когда мы навещали пострадавших, этот паренек был еще в больнице, и я пошел посмотреть, как он поживает. То, что я увидел, очень расстроило меня, поскольку картина была крайне угнетающей: в маленькой палате ютилось девять детей, каждый из которых был болен раком. Матери этих девяти детей спали на полу на циновках, пристроенных между кроватями. Когда они увидели меня, то начали упрашивать меня спасти их детей. Они в отчаянии протягивали ко мне руки, поскольку осознавали, что ожидает их детей. На это было больно смотреть. Я ведь сам отец, и мое сердце буквально разрывалось на части. Это было душераздирающе и ужасно.

В тот день я решил сделать все от меня зависящее, чтобы спасти этого ребенка. Я также понял, что должен придать своему фонду официальный статус, чтобы поднять его на новый уровень.

На этот раз благодаря моей популярности оформление визы заняло минимум времени. Я использовал необходимые связи и справился со всеми формальностями! Я заплатил за поездку Нобеля в Женеву, и он пробыл там три месяца, получив необходимый курс лечения. Я навещал его, и он стал большим фанатом «Челси». «Когда я приду в «Челси», я хочу увидеть Фрэнка Лэмпарда и Саломона Калу, я хочу всем передать привет», – говорил он мне взволнованно. Я старался поддерживать у него оптимистический настрой, но в ответ мог лишь повторять: «Приятель, мы скоро увидим их, как только тебе станет лучше».

Он боролся с болезнью изо всех сил, но однажды врачи позвонили мне и сообщили, что дела обстоят печально, поскольку у него была очень редкая и агрессивная форма лейкемии. Я был

более расстроен, чем этот ребенок, потому что он, в отличие от меня, не понимал всей ситуации. Я не был уверен, что его родители также в полной мере осознали то, что сказали врачи. Возможно, это было и к лучшему, поскольку они до самого конца цеплялись за надежду.

Как и следовало ожидать, Нобелю становилось все хуже, и однажды кто-то из госпиталя в Женеве позвонил мне и сказал, что ему осталось жить всего несколько дней. Я помню этот звонок, как будто это было вчера. Я хорошо помню, что находился дома, когда узнал это. Я сидел, казалось, целую вечность, онемев, не веря услышанному, все еще горячо надеясь, что смогу спасти этого ребенка, что врачи еще смогут что-нибудь сделать. Этот девятилетний мальчик стал частью моей жизни, и он навсегда останется в моем сердце.

В течение следующих нескольких дней я не отвечал ни на какие звонки. Я страшился того, что мне сообщат ужасную новость. Наконец, я ответил на очередной звонок. Это был врач, который сказал: «Мы ничего не можем понять. Этот ребенок не сдается, он опроверг все наши прогнозы, он все еще жив. Он каким-то образом находит в себе силы жить». После этого я сел на самолет и прилетел, чтобы увидеть его последний раз. Мы оба были счастливы. Невероятно, но он прожил еще один месяц. Затем мне позвонили и сообщили, что он был при смерти и на следующий день умер. Я никогда не забуду этого мальчика. Я был в таком отчаянии, что не смог спасти его, хотя, если вспомнить историю со Стефаном, в этом случае в глубине души я знал, что сделал все возможное. И все же это событие остается для меня крайне болезненным.

Единственным позитивным моментом в этой истории является то, что она укрепила мое желание реализовать свою идею, ускорить решение всех необходимых вопросов и организовать все правильно. Я объявил: «Мне нужно построить больницу. Я хочу построить больницу, чтобы дети, у которых имеются схожие проблемы, могли бы лечиться в Кот д'Ивуаре. Мне все равно, сколько времени это займет, но я намерен сделать это».

Для осуществления этого проекта главное было – окружить себя нужными людьми как в Кот д'Ивуаре, так и в Англии. К настоящему времени я смог подобрать команду, которой я доверяю. У этих людей имеется опыт ведения бизнеса, реализации различных проектов, сбора средств, все они понимают, как я вижу будущее.

Одна из проблем на первом этапе заключалась в том, чтобы понять, как следует подходить к людям, чтобы убедить их

выделить необходимые финансовые средства. Я беспокоился, что они могли просто сказать: «Ты – футболист, который много зарабатывает, так почему бы тебе не организовать все это самому?» На самом деле, еще в 2007 году, когда я подписал коммерческое соглашение с такими компаниями, как «Пепси», «Найк» и «Самсунг», я решил использовать свои деньги на цели своего фонда, и я продолжаю так поступать до сих пор. Я показывал личный пример, и все понимали, что я лично реализую данный проект. Некоторые известные компании, с которыми я работаю и чьи бренды использую, такие, как «Пепси» и «Турецкие авиалинии», поддержали деятельность моего фонда дополнительной спонсорской помощью.

Целью деятельности фонда является здравоохранение и образование, потому что я верю, что если людям обеспечить эти две вещи, то у них будет больше возможностей в жизни. В области здравоохранения мы обращаем особое внимание на здоровье детей и матерей. В области образования можно делать самые простые вещи, например обеспечивать школы книгами. Хотя бы это. Нет смысла планировать то, что нам может оказаться пока еще не под силу. Мы вскоре уже сами осознали, что сделать все сразу нам было просто невозможно.

Первоначальный план заключался в том, чтобы построить клинику специально для детей, где их матери также могли бы находиться в лучших условиях, чем те, которые я наблюдал при посещении Нобеля. Было ясно, что для того, чтобы пытаться лечить детей от серьезных заболеваний, таких как рак, нам необходимо обеспечить наличие основных лекарственных средств (поскольку они точно так же могли умереть от диабета при отсутствии инсулина). Мы также хотели иметь другую клинику, связанную с детской, где взрослые могли бы получить элементарную медицинскую помощь и шанс просто выжить.

Наконец (это уже были дальнейшие планы), я бы хотел построить школу, чтобы обеспечить доступ к образованию для тех, кто его не имел. Я видел в этом основной и единственный путь к прогрессу для Кот-д'Ивуара и для Африки в целом. Образование – это единственный путь для таких стран, чтобы изменить сложившуюся непростую ситуацию, потому что чем больше людей получают образование, тем больше людей имеют свое собственное мнение; чем больше людей имеют свое собственное мнение, тем меньше они будут воевать, потому что у них будет больше информации, и они могут заявить: «Все, хватит, давайте прекратим ссориться, давайте сядем и все обсудим, давайте сделаем по-другому». Если ты не можешь читать или писать, ты полностью зависишь от окружающих, от твоих соседей,

от своей семьи, от местного лидера. А если ты грамотен, то можешь сказать: «Постой, я не согласен с этим, для этого вопроса может быть и другое решение». Самое главное, что у тебя появляется возможность изменить свою жизнь, самому строить свою судьбу таким образом, каким ты не сможешь ее построить, если ты неграмотен.

В Кот д'Ивуаре с 2002 года идет гражданская война, которая никому не нужна. Совершенно бессмысленно гибнут люди. Когда я ездил по стране и видел, что происходит, когда я ездил по другим африканским государствам или читал о таких странах, как Руанда, которая перенесла чудовищную гуманитарную катастрофу, я пытался понять, как такое могло случиться, – и я вновь и вновь вспоминал о высоком уровне неграмотности во всех этих странах. С этим нельзя было смириться. У образования важная роль в борьбе с нищетой, в борьбе за демократию. В противном случае, на что еще у людей остается надежда?

Когда мы начали разговаривать с людьми о наших планах, в подавляющем большинстве случаев к ним относились очень хорошо (и продолжают относиться так же). Многие хотят помочь нам. Городской руководитель того квартала Абиджана, где мы хотели построить клинику, помог нам получить участок земли для строительства, а господин Абрамович сделал в мой фонд большое личное пожертвование (причем без всякой просьбы с моей стороны, что меня весьма тронуло). Вот почему неправы те, кто считает, что я уважаю клуб «Челси» только из-за его высоких результатов, а его владельца – за то, что он обеспечил клубу финансовую стабильность. Это больше, чем уважение. Надо жить жизнью этого клуба, чтобы понять, почему для меня «Челси» больше, чем просто футбольный клуб. Для меня он – как семья.

В конце концов я понял, что только строительство крупной больницы – это еще не решение вопроса. Предположим, мы сделаем это – но кто будет обеспечивать ее работу, откуда будут поступать для этого деньги? Ведь это крайне дорого – обеспечивать работу крупной больницы. Я подумывал о возможности строительства нескольких небольших клиник в разных районах страны, но затем понял, что нуждающиеся не смогут добраться до них, чтобы получить необходимую им помощь. И будет ли возможно укомплектовать эти клиники опытным персоналом? Я не был в этом уверен.

В Лондоне я посоветовался со своим другом-кардиохирургом. Он создал несколько мобильных клиник и перевез их в такие страны, как Гаити и Нигер, для того, чтобы там, на месте, лечить и оперировать больных. Он пояснил мне, что такой подход гораздо более эффективен. Вы можете на автобусе приехать в

какой-то район, остаться там на месяц или два, а затем переехать в другое место и так далее. Кроме того, такой метод был дешевле и эффективнее, поскольку в этом случае врачи и медицинский персонал приезжают из-за границы только при возникновении в этом необходимости. Как результат, расходы существенно снижаются.

Мой план теперь окончательно сформировался. Строительство больницы в Абиджане было завершено, она получилась достаточно крупной, и мы надеялись открыть ее в ближайшее время, как только смонтируем оборудование и наймем персонал. Это была замечательная, захватывающая перспектива. Помимо этого, мы планировали создать мобильные клиники, которые можно было бы направлять на периферию для организации там лечения. Я испытывал чувство гордости от того, что мы так многого добились с помощью замечательных, преданных делу людей, и это мотивировало меня продолжать заниматься нашим общим делом.

Что же касается образования, то мы уже в течение некоторого времени обеспечиваем школы по всей стране тысячами школьных комплектов. Мы делаем это в отношении различных школ каждый год, поэтому все больше детей получают все необходимое, чтобы учиться. Эти школьные комплекты включают то, что в развитых странах мира каждый ребенок воспринимает как должное: это карандаши, бумага, книги. Мы не хотели бы выглядеть излишне амбициозными и предпочитаем делать полезное дело, пусть и в меньших масштабах, но зато постоянно.

Кроме того, мы в последние годы финансировали и другие проекты в Африке, в частности, оказывали помощь жертвам наводнения в Сенегале и Буркина-Фасо. Таким образом, наша деятельность не ограничивается лишь Кот-д'Ивуаром.

В 2007 году я считал, что построить больницу и начать управлять ей будет достаточно легко. Я полагал, что мы сможем все наладить, согласовать и организовать в течение года. К счастью, я тогда еще не осознавал, что это гораздо труднее и требует гораздо больше времени. Если бы я это понимал, то, возможно, у меня не было бы такого энтузиазма. Политическая нестабильность и гражданская война, которые продолжались, с некоторыми перерывами, почти десять лет, несомненно, затормозили и усложнили реализацию нашего проекта. Кроме того, вскоре я понял, как сложно поддержать организованную работу на должном уровне (и, не в последнюю очередь, в финансовом отношении), когда первоначальная цель уже достигнута. Наряду с тем, что я лично вкладываю в этот проект существенные средства, мы регулярно проводим крупные

мероприятия по привлечению денег, например балы по сбору средств. На сегодняшний день мы провели четыре благотворительных мероприятия в Лондоне, которые помогли собрать достаточно много денег для фонда и, таким образом, реализовать целый ряд проектов. Во время последнего мероприятия, которое прошло в Лондоне в апреле 2015 года, удалось за один вечер собрать значительную сумму денег, однако для его организации пришлось затратить массу сил. Эти мероприятия были организованы мной, моим пиар-менеджером Кэролайн и ее командой из компании «Sports PR». Мы перелопатили огромный объем работы, такое мероприятие невозможно проводить ежегодно, но нас активно поддержали различные музыканты, спонсоры, мои товарищи по клубу «Челси» (Джей Ти, Фрэнк, Майкл Эссьен, Флоран Малуда, Саломон Калу, Рамирес, Бранислав Иванович и Гари Кэхилл), которые были там в тот вечер. Такие футболисты, как Тьерри Анри и Джибриль Сиссе, тоже были там, причем Джибриль выступал в качестве диджея. Многие участники пожертвовали крупные суммы во время аукциона призов, и я был поражен щедростью всех, кто был там в ту ночь. Это было просто невероятно.

Моя перспективная цель состоит в том, чтобы обеспечить управление моей больницы профессиональной организацией, которая имеет опыт руководства медицинскими центрами подобного рода. Моя профессия – это футбол, а не медицина и не управление больницей. Я всегда готов участвовать в этом деле, но не на постоянной основе, потому что это просто невозможно.

В будущем я хотел бы также добиться того, чтобы мой фонд был связан с большой гуманитарной или неправительственной организацией. За счет этого он приобрел бы более высокий статус и более крупный масштаб и не ориентировался бы только на частное финансирование. Таковы мои перспективные цели, и я не собираюсь отказываться от борьбы. Поверьте, я упорно работаю над этим!

Глава 22
Этот мир един

В 2006 году Организация Объединенных Наций предложила мне стать одним из своих послов доброй воли. Зинедин Зидан уже был назначен послом доброй воли в Европе, Роналдо – в Южной Америке, теперь же хотели, чтобы я представлял ООН в Африке. Зидан и Роналдо были для меня футбольными кумирами, и для меня работать вместе с ними была большая честь. Кроме того, если тем самым я мог помочь ООН в борьбе с бедностью, болезнями и другими проблемами, то в этом случае, конечно же, я был готов помочь. Единственное, чего я боялся, так это разочаровать тех, кто поверил в меня.

Я также беспокоился о том, сколько времени я мог уделять этой работе, поскольку мои обязательства перед «Челси» и перед национальной сборной, а также моя благотворительная деятельность оставляли мне довольно мало времени, чтобы выезжать в разные страны Африканского континента. Однако меня успокоили, заверив, что никаких проблем в этой связи возникать не будет. Таким образом, с января 2007 года я оказался в составе группы спортсменов, оказывающих в рамках Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) содействие странам – участницам ООН в области развития на международном уровне.

Одна из наших задач в качестве послов доброй воли – это пропагандировать и продвигать восемь Целей развития тысячелетия (ЦРТ), которые включают ликвидацию крайней нищеты и голода, борьбу с ВИЧ/СПИДом, снижение детской смертности. Я, например, каждый год организую какую-нибудь акцию, целью которой является повышение осведомленности мировой общественности об одной из многочисленных проблем, стоящих перед Африкой. Я верю в то, что ПРООН старается делать по всему миру, и считаю, что работа в рамках этой программы может оказывать положительное влияние на жизнь людей. В этой связи я горжусь тем, что оказался причастен к деятельности ООН и уделяю этой работе свое время.

В ходе первой акции, в которой я принял участие в 2008 году, я вошел в состав жюри ПРООН для определения победителей премии «Красная лента». Эти премии вручаются различным неправительственным организациям по всему миру за работу по решению проблемы ВИЧ/СПИДа. Это, безусловно, позволило мне тесно ознакомиться с деятельностью, проводимой в рамках

Программы развития Организации Объединенных Наций.

Примерно тем же самым (хотя и вне увязки с моей работой в ПРООН) мне довелось заниматься в ноябре 2009 года вместе с Боно[14], когда мы помогали организовать соответствующую акцию с компанией «Найк» накануне Всемирного дня борьбы со СПИДом. Компания «Найк» объявила о партнерстве между «Красным» фондом Боно и Глобальным фондом по борьбе со СПИДом, туберкулезом и малярией, и идея заключалась в том, чтобы продавать специальные красные шнурки под баннером «Спаси чьи-то жизни, просто завязав шнурки». Все вырученные средства должны были распределяться между этими двумя фондами, и для меня помочь запустить эту программу была большая честь. Особенно важно для меня было то, что СПИД и ВИЧ действительно погубили на моем континенте много жизней.

Все кампании ООН, которые перечислены ниже, связаны с одной из целей развития тысячелетия, и я горжусь тем, что принимал в них участие, в том числе выезжая в те районы, в которых данные проблемы стояли очень остро. Эти кампании, в частности, включают в себя:

– активизацию усилий по прекращению использования кассетных бомб/боеприпасов;

– привлечение внимания мировой общественности к тому воздействию, которое оказывает вооруженное насилие на экономическое развитие, здравоохранение и образование в Африке;

– борьбу против распространения малярии;

– оказание помощи странам, пострадавшим от лихорадки Эбола.

Зачастую организуемые кампании затрагивают те вопросы, которые я лично хорошо знаю или с которыми так или иначе связан. Так, например, что касается борьбы с малярией, то это мне было весьма близко, поскольку я дважды болел ею (когда был еще подростком и в 2010 году, когда уже играл за «Челси»). Оба раза я заболел, потому что очень устал, мои силы были на исходе, моя иммунная система стала более уязвимой, и после укуса комара – переносчика малярийного паразита мой организм не смог сопротивляться в полной мере.

Тем не менее я был молодым, сильным, тренированным и мог без каких-либо проблем получить необходимую медицинскую помощь. Как я теперь понимаю, мне просто повезло. Зачастую в Африке бывает по-другому. Мне довелось узнать из первых рук, что малярия может иметь разрушительные последствия для отдельных людей и целых семей, когда лечение проводится не в

полном объеме или же слишком поздно. Очень важно, что мы стараемся обеспечить возможности предотвратить, диагностировать и лечить эту страшную болезнь, – не в последнюю очередь потому, что экономические последствия этой болезни в странах, в которых она получила распространение, просто ужасны. Можно привести следующий неприятный факт: в 2014 году в странах Западной Африки, пострадавших от лихорадки Эбола, масштабы заражения малярией вновь стали расти, потому что люди либо избегали лечения, либо им было отказано в нем, поскольку больницы были переполнены и направляли основные усилия на борьбу с эпидемией лихорадки Эбола.

Теперь, когда я ушел из международного футбола, у меня будет больше времени, чтобы посещать места, для которых характерны знакомые мне проблемы.

В 2010 году мне позвонила моя пиар-менеджер Кэролайн, которая сообщила, что американский журнал «Тайм» изъявил желание взять у меня интервью и организовать необходимую фотосессию, поскольку я был включен в его ежегодный список «100 наиболее влиятельных людей в мире». Более того, на обложке журнала была моя фотография вместе с фотографиями Леди Гага и Билла Клинтона! Я испытал чувство гордости, поскольку всегда хотел, чтобы люди во всем мире увидели Африку в положительном свете, чтобы они узнали про все то позитивное, чем мы занимаемся, пропагандируя мир, образование и здравоохранение.

В декабре 2011 года мне вручили награду «Гуманность вне спорта» – за деятельность в Кот-д'Ивуаре в рамках усилий улучшить здравоохранение и обеспечить мир в этой стране. Война в Кот-д'Ивуаре была разрушительной, и проблемы в области здравоохранения были огромными, поэтому, как спортсмен, то есть человек нейтральной профессии, я мог действительно принести пользу в этой сфере, и полученная мной награда явилась прекрасным способом подчеркнуть это для широкой аудитории.

В мае 2012 года я принял участие в кампании по обеспечению безопасности дорожного движения в память Зенани Мандела. По моему мнению, это была нужная акция для повышения безопасности на дорогах в отношении детей, особенно в развивающихся странах. В Африке на дорогах погибает больше детей, чем их умирает от ВИЧ/СПИДа или малярии. Это ужасная статистика. Данная кампания была организована в память правнучки Нельсона Манделы, Зенани, которая погибла в 2010 году в возрасте 13 лет под колесами пьяного водителя. Вся ее

семья была в отчаянии, и, поскольку я общаюсь с ними, я почувствовал необходимость постараться помочь им, сделать то, что было в моих силах.

В октябре 2014 года для меня явилось большой честью предложение выступить на церемонии открытия Всемирного инвестиционного форума, который проходит каждый год в рамках Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД). Я был приглашен с учетом результатов работы моего фонда, и это стало предметом моей гордости, потому что означало, что мой фонд начал признаваться в качестве силы добра.

Сам форум стал огромным событием, которое состоялось в Женеве и совпало с пятидесятилетием ЮНКТАД. На сцене выступали не только президент Швейцарии и председатель ЮНКТАД, но также Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Пан Ги Мун. Я чувствовал себя весьма стесненно, когда мне пришлось выступать перед таким количеством людей, перед аудиторией в 400 делегатов. Все внимательно слушали меня, пока я произносил свою семиминутную речь.

Я сам написал эту речь, затем отправил ее своему другу, который внес в нее некоторые изменения, дополнения и поправки. По существу, сам текст речи был подготовлен мной. Я решил не усложнять его и говорить о том, что я знал наверняка и во что верил. В таких случаях самое главное – это донести информацию до слушателей. Я рассказал, прежде всего, о необходимости предпринимательства и инвестиций для обеспечения устойчивого развития в странах Африки. Затем я обратился конкретно к своей собственной стране и рассказал о том, какой у нее большой потенциал в плане сельского хозяйства, промышленности, транспортных услуг и полезных ископаемых, какое в ней молодое население: 50 процентов в возрасте до 20 лет. Я также рассказал о планах своего фонда в сфере здравоохранения и образования. Рассказал я и о том, как мы пытались увеличить заработок женщин в сельских районах страны путем выработки конкретных методов, которые позволили бы им самим зарабатывать свои собственные деньги. Это было лишь начало, и предстояло сделать еще немало, но мы должны были с чего-то начать.

Я сильно волновался, но, на мой взгляд, смог рассказать обо всем, о чем хотел. Я надеюсь, что смогу и в дальнейшем доводить до сведения мировой общественности информацию по таким же актуальным вопросам. Мне нравится делать это, и мне, на самом деле, хорошо знакома подобная практика, если учесть то, что я

многие годы был капитаном нашей сборной команды. В африканских странах эта должность предполагает довольно много протокольных обязанностей, в том числе и публичные выступления. Например, если мы приглашаем на обед министра, то обычно сначала выступает с речью президент нашей футбольной ассоциации, а затем несколько слов приходится произносить и мне. Хотя поначалу я считал это достаточно тяжелым испытанием и крайне смущался, но затем привык к этой практике, и сейчас я могу говорить в присутствии других гораздо свободнее.

Я был просто поражен, когда совсем недавно за свою благотворительную деятельность в Африке получил награду «Дух игры» от генерального спонсора Чемпионата Англии компании «Барклайс». Эта награда предназначена для того, чтобы признать заслуги и отметить тех, кто демонстрирует настоящий дух игры, и я был избран в качестве номинанта на эту премию. Наряду с этим хочу отметить: моя работа в Африке направлена на то, чтобы попытаться помочь людям, особенно детям, дать им возможность мечтать, а поскольку мечтать легче, когда есть хорошее здоровье, то мой фонд работает именно в этом направлении, и я вовлечен в различные акции ООН и других организаций и компаний.

Этот опыт научил меня, что мой голос может успешно служить на пользу позитивных перемен и что я вполне могу выступать положительным примером для остальных. Я очень серьезно воспринимаю свою деятельность на посту посла доброй воли, мне она очень нравится, и я надеюсь, что в будущем мне будут предоставлены новые возможности публично выступать по вопросам, касающимся моей страны и моего континента, которые так близки моему сердцу.

Глава 23
Что дальше?

Я до сих пор удивляюсь тому, как сложилась моя жизнь. Да, я всегда хотел быть футболистом, но я никогда не ожидал, что смогу достичь такого уровня, когда меня начнут узнавать на улицах. Я простой человек и не думаю, что я изменился как личность, я просто приспособился к определенным ситуациям. Некоторые говорили мне, что я все же изменился, но зачастую это то, как тебя воспринимают другие. Иногда другие ожидают от тебя, как ты, по их мнению, должен был бы вести себя, и этому бывает трудно соответствовать.

В Кот-д'Ивуаре я настолько популярен, что многим это бывает трудно понять, пока они сами в этом не убедятся. Ко мне, например, подходили женщины и говорили мне: «У меня только что родился сын, и я назвала его Дрогба». Не «Дидье», а именно «Дрогба». Это какое-то сумасшествие, но теперь я понимаю это и осознаю, какое сильное влияние на людей я приобрел, просто забивая голы.

Иногда я задумываюсь: «Почему именно я? Почему все это случилось именно со мной?» Но я верю в судьбу, и я твердо верю в Бога. Я искренне считаю, что Он, создав меня, определил мне: «Ты должен внести свой вклад, ты должен сделать что-то для других». Футбол дал мне очень много, но сейчас я понимаю, что он определил для меня высшее предназначение. Это дало мне возможность помогать другим благодаря тому уровню, которого я достиг. Это направляет мою жизнь: спорт в ней был для меня способом помогать другим, и в дальнейшем я буду продолжать использовать его для этой цели.

Хотя я больше уже не играю за «Челси», я очень надеюсь, что однажды я вернусь в этот клуб в другой роли. За несколько дней до последней игры в сезоне 2014–2015 годов у меня была встреча с главным тренером и другими представителями клуба, и они сказали мне: «Вы должны поддерживать отношения с клубом, вы не должны исчезать. Вы являетесь частью истории клуба. Мы ценим ваше желание продолжать играть и наслаждаться футболом, но, как только вы решите прекратить выступать, возвращайтесь сюда». Для меня было бы идеальным вариантом, если бы в будущем я вместе с Фрэнком представлял «Челси». Это стало бы логичным результатом нашего с ним партнерства на футбольном поле.

За эти годы я лучше познакомился с господином

Абрамовичем, он всегда производил на меня сильное впечатление. Он остается очень простым в общении, застенчивым человеком, который любит и знает футбол. Я много раз обедал с ним, ему всегда хочется знать, как себя чувствуют его игроки и его команда. Он очень закрытый человек, поэтому я сознательно не говорил о нем много, я не чувствовал себя вправе делать это, но мы понимаем друг друга, и для меня он человек слова. Я испытываю гордость от того, что у меня с ним такие хорошие отношения.

У меня также особые отношения с Жозе Моуринью, и, как я уже упоминал, между нами есть полное взаимопонимание. Он привел меня в клуб, затем он вернул меня в него – и сделал это не просто по старой дружбе. Он прямо сказал мне, что я могу принести клубу пользу, тем самым он вдохнул в меня веру в себя. Именно этим он отличается от других тренеров. Большинство тренеров, приходя в новый клуб, обычно говорят: «Я постараюсь, чтобы мы выигрывали, но это будет нелегко сделать». Что же касается Жозе, то он говорит: «Я здесь для того, чтобы мы побеждали». Эта установка передается игрокам, и вскоре они начинают разделять данную концепцию. Его идея оказала влияние и на меня, и я всегда буду благодарен ему за то, что он дал мне как игроку.

Я знаю, что это было правильное решение: испробовать как можно больше вариантов и возможностей, прежде чем повесить бутсы на гвоздь. Ведь я просто хотел, пока еще мог, с удовольствием поиграть в футбол.

Кроме того, мне всегда нравилось жить в разных странах, будь то Англия, Франция, Африка, Китай, Турция или же Канада, в которой я сейчас живу с большим удовольствием и которой я признателен за это. Я с радостью предвкушаю свое сотрудничество с Высшей профессиональной футбольной лигой США и Канады, потому что у меня еще остались футбольные амбиции и я с нетерпением ожидаю, что мне предстоит там, куда я поеду.

Так или иначе, я надеюсь вернуться в «Челси», как только завершится моя игровая карьера, но сейчас я делаю то, что и хотел делать: наслаждаюсь своими последними годами игры в футбол. Я был действительно рад летом 2015 года присоединиться к команде «Монреаль Импакт» Высшей профессиональной футбольной лиги США и Канады, я был счастлив в начале своей работы там забить идеальный хет-трик. В десяти матчах, проведенных в этом клубе, я забил девять мячей. Тем не менее я реалист и понимаю, что этот уровень мне будет сложно поддерживать. Я осознаю, что я уже не такой на поле,

каким был пять лет назад, хотя я понимаю игру лучше, чем в 21 год.

В идеале я вижу свое будущее в Англии, связанное с «Челси», но наряду с этим я очень хочу развить свой фонд в нечто большее. На самом деле, мне бы очень хотелось, чтобы он был востребован все меньше и меньше, ведь это означало бы, что наш мир становится все лучше и необходимость в моем фонде сокращается. Тем не менее я реалист и (пока этого, на самом деле, еще не наблюдается) хочу, чтобы мой фонд мог помогать другим.

Я не идеален, и я это прекрасно понимаю, но я стараюсь твердо стоять на земле и помнить, с чего я начал. Вначале у меня не было вообще ничего, так что все, что у меня теперь есть, – это большое достижение. Я знаю, насколько хрупкой может быть жизнь, как быстро все может измениться в ней, поэтому, в каком бы виде я ни представал в глазах окружающих (независимо от степени моей популярности или уровня моего благосостояния), для меня сейчас важно лишь то, как я пользуюсь этим и своим привилегированным положением, чтобы внести свой вклад в эту жизнь и попытаться остаться в памяти окружающих.

Я думаю, что я оставил свой след в футболе. Это то, что уже нельзя у меня отнять. Наряду с этим я надеюсь, что в будущем обо мне скажут: «Он был хорошим футболистом, но у него была также хорошая голова, и он смог использовать ее для кое-чего другого». Обычно я не люблю говорить о том, что я делаю, но сейчас у меня такой этап в жизни, когда я понимаю, что мне следует так поступить, потому что я чувствую, что это нечто совсем другое.

Мы с женой воспитываем своих детей так, чтобы они тоже захотели присоединиться с моему фонду и помогать другим. Мы надеемся на это. Им очень повезло, что они имеют в жизни все необходимое, все, что только захотят, поэтому они также должны нести ответственность за то, чтобы что-то давать взамен. Для меня много означает наследие, и это, на самом деле, – лучшее наследие по сравнению со всем остальным.

Когда-нибудь меня не станет. И если моя семья продолжит мою работу, ту работу, которую я начал, я покину этот мир счастливым человеком.

Приложение 1
Мои рейтинги

Это не моя любимая схема игры 4–3–3, а список составленных мной рейтингов 5–5–3. Это составленные мной рейтинги лучших игроков и моментов в моей карьере, в основном в «Челси». Как и со всеми рейтингами, порой было очень трудно сделать окончательный выбор, и я составлял каждый из них по разным критериям. Я исходил из того, что лично мне запомнилось больше всего.

Пятеро лучших в «Челси»:

1. Роман Абрамович, поскольку без него мы бы никогда не добились того, чего мы достигли.
2. Хосе, ведь если бы не он, я бы никогда не стал игроком «Челси». Кроме того, он изменил жизнь всей моей семьи.
3. Джей Ти, Фрэнк Лэмпард и Петр Чех. Дело не столько в том, что они одинаково хороши, а в том, что они должны рассматриваться как «единое целое».
4. Клод Макелеле, мой замечательный друг с момента моего появления в «Челси» и такой же замечательный командный игрок.
5. Болельщики – без них, попросту говоря, никак не обойтись.

Пятеро лучших не из «Челси»:

1. Карлес Пуйоль, очень жесткий защитник, но при этом – джентльмен, настоящий джентльмен.
2. Аруна Диндейн, нападающий сборной команды Кот-д'Ивуара, который обеспечил меня громадным количеством передач. У нас с ним получалась очень слаженная игра.
3. Лионель Месси, поскольку он такой только один.
4. Рио Фердинанд и Неманья Видич как единое целое, поскольку против них было очень сложно играть. Для того чтобы забить в игре против них, мне приходилось «просыпаться» пораньше!
5. Вся команда мюнхенской «Баварии» 2012 года, потому что в том году она действительно была очень хороша.

Мои любимые моменты с «Челси» (было очень трудно выбрать!):

1. Очевидно, победа в Лиге чемпионов в 2012 году.
2. Победа в Премьер-лиге в 2010 году.
3. Все голы, которые я когда-либо забивал на стадионе

«Уэмбли», – их было совсем мало!

Приложение 2
Основные вехи футбольной карьеры

Клубный футбол

В настоящее время: в составе клуба «Монреаль Импакт» (с 2015).

Ранее: в составе клубов «Левалуа» (1993–1997), «Ле-Ман» (1997–2002), «Генгам» (2002–2003), «Марсель» (2003–2004), «Челси» (2004–2012), «Шанхай Шэньхуа» (2012–2013), «Галатасарай» (2013–2014), «Челси» (2014–2015).

Футбол на международном уровне

За сборную Кот-д'Ивуара: 106 выступлений, 66 голов.

Лучший бомбардир сборной Кот-д'Ивуара.

Выступления в составе сборной на чемпионате Кубка африканских наций: в 2006, 2008, 2012 годах.

Награды и достижения

В составе клуба «Челси»

Обладатель Кубка Лиги чемпионов УЕФА (1): сезон 2011–2012 годов.

Обладатель Кубка Премьер-лиги (4): сезоны 2004–2005, 2005–2006, 2009–2010, 2014–2015 годов.

Обладатель Кубка Англии (4): сезоны 2006–2007, 2008–2009, 2009–2010, 2011–2012 годов.

Обладатель Кубка английской лиги (3): сезоны 2004–2005, 2006–2007, 2014–2015 годов.

Обладатель Суперкубка Англии (2): 2005, 2009 годы.

В составе клуба «Галатасарай»

Обладатель Кубка Суперлиги Турции (1): сезон 2012–2013 годов.

Обладатель Суперкубка турецкой футбольной федерации (1): сезон 2012–2013 годов.

Обладатель Кубка Турции по футболу (1): сезон 2013–2014 годов.

Выступлений в финалах крупных чемпионатов – 22 выступления.

Личные награды и достижения

Африканский футболист года: 2006, 2009 годы.

Африканский футболист года по версии Би-би-си: 2009 год.

Игрок команды года по версии Профессиональной футбольной ассоциации Великобритании: сезоны 2006–2007, 2009–2010 годов.

Игрок года во Франции по версии Национального союза профессиональных футболистов Франции: 2004 год.

Футболист года в Турции: 2013 год.

Футболист года в Кот-д'Ивуаре: 2006, 2007, 2012 годы.

Игрок года по версии футболистов «Челси»: 2007 год.

Игрок команды года по версии Ассоциации европейских спортивных изданий: сезон 2006–2007 годов.

Игрок команды года по версии УЕФА: 2007 год.

Игрок символической сборной мира по версии ФИФА/ Международной федерации ассоциаций профессиональных футболистов: 2007 год.

Лучший футболист Европы по версии французского журнала «Onze Mondial»: 2004 год.

Лучший бомбардир Кубка африканских наций: 2012 год.

Лучший бомбардир Кубка УЕФА: сезон 2003–2004 годов.

Гол года французской «Лиги 1»: сезон 2003–2004 годов.

Игрок команды года французской «Лиги 1»: сезон 2003–2004 годов.

Игрок года французской «Лиги 1»: сезон 2003–2004 годов.

Обладатель «Золотой бутсы» Премьер-лиги Англии: 2007, 2010 годы.

Обладатель награды знаковой «Золотой бутсы-10»: сезон 2006–2007 годов.

Обладатель награды знаковой «Золотой бутсы-20»: сезон 2006–2007 годов.

Обладатель награды «Золотой след»: 2013 год.

Лучший бомбардир мира XXI века по версии Международной федерации футбольной истории и статистики.

Лучший футболист финала Лиги чемпионов УЕФА: 2012 год.

Участник рейтинга «Time 100» (список ста наиболее влиятельных людей года) американского журнала «Тайм»: 2010 год.

Обладатель награды «Гуманность вне спорта»: 2011 год.

Спортсмен года по версии британского журнала «GQ»: 2012 год.

Человек года по версии журнала «GQ Turkey»: 2013 год.

Награда Ассоциации футбольных журналистов за заслуги перед футболом 2015 года.

Некоторые факты

«Челси» никогда не выигрывал английскую Премьер-лигу без Дидье Дрогба.

В 2015 году Дидье Дрогба был назван компанией «Опта», специализирующейся на сборе и анализе информации о спортивных событиях, лучшим в истории африканским игроком английской Премьер-лиги.

Дидье Дрогба стал первым африканским игроком, награжденным «Золотой бутсой» английской Премьер-лиги.

Дидье Дрогба стал первым африканцем, забившим 100 голов в английской Премьер-лиге.

Дидье Дрогба стал первым африканцем, забившим 50 голов в еврокубках.

Дидье Дрогба стал капитаном первой сборной команды Кот-д'Ивуара, которая попала на Чемпионат мира по футболу; эта команда забила на чемпионате первый гол.

Дидье Дрогба забил 15 голов в 15 играх против клуба «Арсенал», сыграв 1175 минут и забивая в среднем один гол каждые 78 минут и 20 секунд.

Дидье Дрогба забил за «Челси» 9 голов в финалах различных турниров – 4 гола в Кубке Англии, 4 гола в Кубке английской Премьер-лиги и один гол в Лиге чемпионов.

Дидье Дрогба стал единственным футболистом, которому удалось забивать в четырех различных финалах Кубка Англии («Челси» выиграл все эти турниры). Если учитывать полуфиналы, то Дидье Дрогба забил 8 голов в 8 кубковых матчах, сыгранных на стадионе «Уэмбли».

Дидье Дрогба забил 10 голов в финалах крупных турниров и завоевал 15 кубков.

В 2012 году болельщики «Челси» назвали Дидье Дрогба величайшим игроком всех времен.

Дидье Дрогба занимает четвертое место по общему количеству всех голов за «Челси».

В 2012 году Дидье Дрогба по версии Международной федерации футбольной истории и статистики стал лучшим бомбардиром мира XXI века. 92 гола Дидье Дрогба в международных и континентальных клубных матчах в период между 2001 и 2012 годами обеспечили ему первое место среди своих партнеров и соперников.

Слова признательности за предоставленные фотографии

Автор книги и ее издатель хотели бы выразить свою признательность следующим людям и организациям за предоставленную возможность использовать их фотографии.

Пьеру Андрие (французское информационное агентство «AFP», фотоагентство «Getty Images»);

Марку Аткинсу (издание «Офсайд»);

Йау Бибини (информационное агентство «Рейтер», фотоагентство «Corbis»);

Хэмишу Блэру (фотоагентство «Getty Images»);

Футбольному клубу «Челси» (фотоагентство «PA Images»), издательству «Конде Наст» (Нью-Йорк);

Адаму Дэви (фотоагентства «Empics Sport», «PA Images»);

Делорму (издания «Экип», «Офсайд»);

Адриану Деннису (французское информационное агентство «AFP», фотоагентство «Getty Images»);

Изданиям «Экип», «Офсайд»;

Себастьену Февалю (французское информационное агентство «AFP», фотоагентство «Getty Images»);

Франку Файфу (французское информационное агентство «AFP», фотоагентство «Getty Images»);

Франкотту (издания «Экип», «Офсайд»);

Лоуренсу Гриффитсу (фотоагентство «Getty Images»);

Лионелю Хану (издания «Экип», «Офсайд»), Майку Хьюиту (фотоагентство «Getty Images»);

Борису Хорвату (французское информационное агентство «AFP», фотоагентство «Getty Images»);

Оуэну Хамфрису (фотоагентство «PA Images»), Жерару Жюльену (французское информационное агентство «AFP», фотоагентство «Getty Images»);

Кэмпбеллу (французское информационное агентство «AFP», фотоагентство «Getty Images»);

Тосифуми Китамуре (французское информационное агентство «AFP», фотоагентство «Getty Images»);

Андресу Кудаки (информационное агентство «Ассошиэйтед Пресс», фотоагентство «PA Images»);

Никласу Ларссону (французское информационное агентство «AFP», фотоагентство «Getty Images»);

Энни Лейбовиц (фотоагентство «Contact Press Images»);

Алексу Ливси (фотоагентство «Getty Images»);

Алену Мунику (издания «Экип», «Офсайд»);

Осману Орсалу (информационное агентство «Рейтер», фотоагентство «Action Images»);

Марку Пэйну (фотоагентство «REX Shutterstock»);

Питеру Парксу (французское информационное агентство «AFP», фотоагентство «Getty Images»);

Йорну Поллексу (фотоагентства «Bongarts», «Getty Images»);

Сергею Пономареву (информационное агентство «Ассошиэйтед Пресс», фотоагентство «PA Images»);

Энн-Кристин Пужуле (информационное агентство «Ассошиэйтед Пресс», фотоагентство «PA Images»);

Бену Рэдфорду (фотоагентство «Getty Images»);

Майклу Ригану (фотоагентство «Getty Images»);

Майклу Ригану (фотоагентства «Livepic», «Action Images»);

Мэтту Робертсу (фотоагентство «REX Shutterstock»);

Сухейбу Салему (информационное агентство «Рейтер», фотоагентство «Action Images»);

Кэмбу Сиа (французское информационное агентство «AFP», фотоагентство «Getty Images»);

Хавьеру Сориано (французское информационное агентство «AFP», фотоагентство «Getty Images»);

Питу Соузе (агентство «White House», информационное агентство «Рейтер», фотоагентство «Action Images»);

Седату Суне (фотоагентства «EPA», «Corbis»);

Фотоагентствам «VI Images», «PA Images»;

Даррену Уолшу (футбольный клуб «Челси», фотоагентство «PA Images»);

Джиму Уотсону (французское информационное агентство «AFP», фотоагентство «Getty Images»);

Ричарду Янгу (фотоагентство «REX Shutterstock»).

Другие фотографии были представлены владельцами частных коллекций.

Были предприняты все необходимые усилия, чтобы обеспечить интересы правообладателей, однако в случае каких-либо допущенных ошибок или упущений издательство «Ходдер и Стоутон» готово подтвердить соответствующие права в последующих печатных изданиях.

Клубная статистика

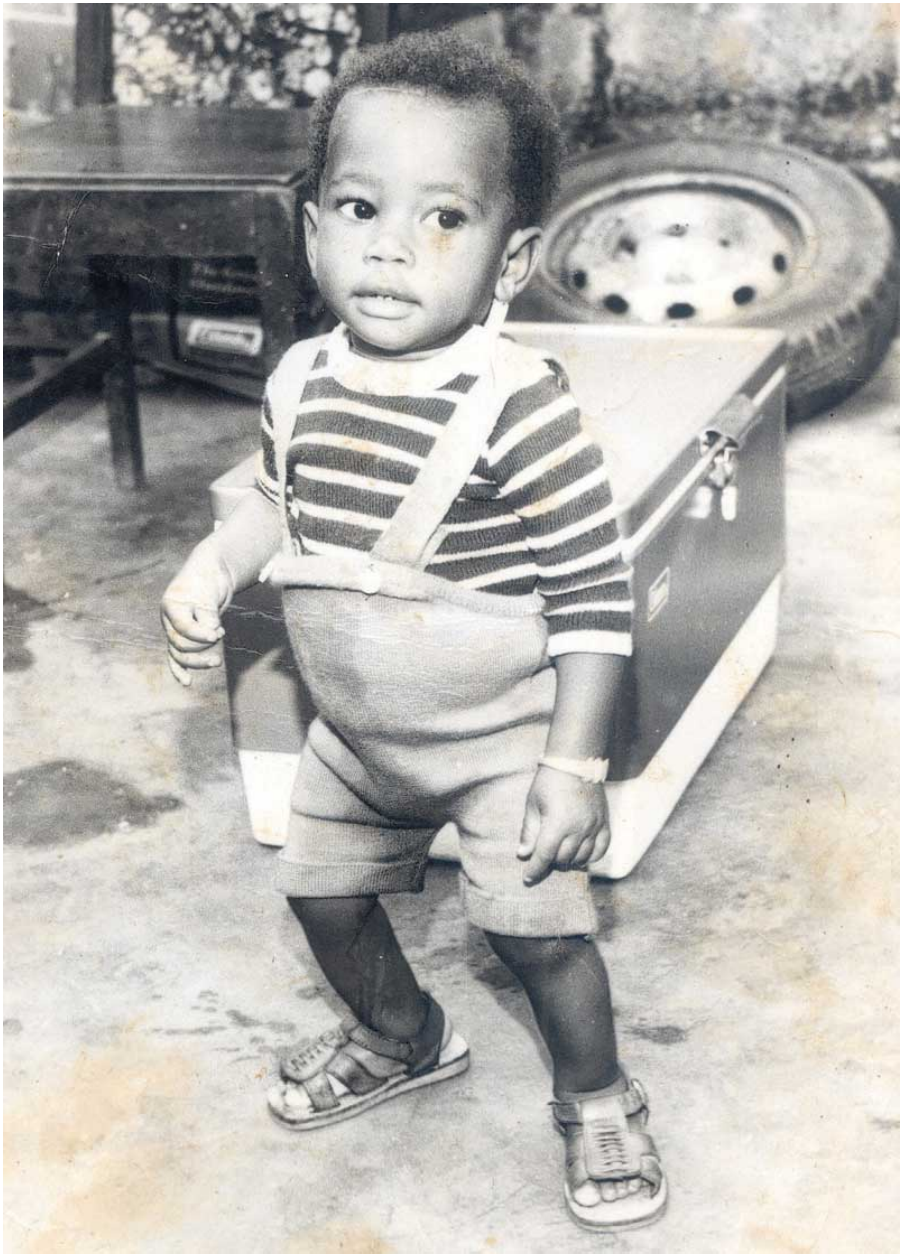
Клуб	Лига		Кубок Франции	
	Кол-во игр	Кол-во голов	Кол-во игр	Кол-во голов
«Ле-Ман»				
1998–1999	2	0	0	0
1999–2000	30	7	0	0
2000–2001	11	0	3	1
2001–2002	21	5	1	1
Итого	**64**	**12**	**4**	**2**
«Генгам»				
2001–2002	11	3	0	0
2002–2003	34	17	3	4
Итого	**45**	**20**	**3**	**4**
«Марсель»				
2003–2004	35	19	2	1
Итого	**35**	**19**	**2**	**1**
Клуб	**Лига**		**Кубок Англии**	
	Кол-во игр	**Кол-во голов**	**Кол-во игр**	**Кол-во голов**
«Челси»				
2004–2005	26	10	2	0
2005–2006	29	12	3	1
2006–2007	36	20	6	3
2007–2008	19	8	1	0
2008–2009	24	5	6	3
2009–2010	32	29	4	3
2010–2011	36	11	2	0
2011–2012	24	5	3	2
2014–2015	28	4	2	0
Итого	**254**	**104**	**29**	**12**

Кубок французской лиги		Европейские турниры		Другие турниры		Всего	
Кол-во игр	Кол-во голов	Кол-во игр	Кол-во голов	Кол-во игр	Кол-во голов	Кол-во игр	Кол-во голов
0	0	0	0	0	0	2	0
2	0	0	0	0	0	32	7
0	0	0	0	0	0	14	1
2	1	0	0	0	0	24	7
4	**1**	**0**	**0**	**0**	**0**	**72**	**15**
0	0	0	0	0	0	11	3
2	0	0	0	0	0	39	21
2	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**50**	**24**
2	1	16	11	0	0	55	32
2	**1**	**16**	**11**	**0**	**0**	**55**	**32**
Кубок английской лиги		**Европейские турниры**		**Другие турниры**		**Всего**	
Кол-во игр	**Кол-во голов**	**Кол-во игр**	**Кол-во голов**	**Кол-во игр**	**Кол-во голов**	**Кол-во игр**	**Кол-во голов**
4	1	9	5	0	0	41	16
1	0	7	1	1	2	41	16
5	4	12	6	1	0	60	33
1	1	11	6	0	0	32	15
2	1	10	5	0	0	42	14
2	2	5	3	1	0	44	37
0	0	7	2	1	0	46	13
0	0	8	6	0	0	35	13
5	1	5	2	0	0	40	7
20	**10**	**74**	**36**	**4**	**2**	**381**	**164**

Клуб	Суперлига Китая		Кубок Китая	
	Кол-во игр	Кол-во голов	Кол-во игр	Кол-во голов
«Шанхай Шэньхуа»				
2012	11	8	0	0
Итого	**11**	**8**	**0**	**0**
Клуб	**Первая Лига Турции**		**Суперкубок Турции**	
	Кол-во игр	**Кол-во голов**	**Кол-во игр**	**Кол-во голов**
«Галатасарай»				
2012–2013	13	5	0	0
2013–2014	24	10	3	1
Итого	**37**	**15**	**3**	**1**
Клуб	**Высшая профессиональная футбольная лига США и Канады**		**Канадская футбольная лига**	
	Кол-во игр	**Кол-во голов**	**Кол-во игр**	**Кол-во голов**
«Монреаль Импакт»				
2015	10	9	0	0
Итого	**10**	**9**	**0**	**0**
Всего за клубную карьеру	**456**	**187**	**41**	**20**

		Континенталь-ные турниры		Другие турниры		Всего	
	Кол-во голов	Кол-во игр	Кол-во голов	Кол-во игр	Кол-во голов	Кол-во игр	Кол-во голов
		0 **0**	0 **0**	0 **0**	0 **0**	11 **11**	8 **8**
		Континенталь-ные турниры		Другие турниры		Всего	
	Кол-во голов	Кол-во игр	Кол-во голов	Кол-во игр	Кол-во голов	Кол-во игр	Кол-во голов
		4 8 **12**	1 2 **3**	0 1 **1**	0 1 **1**	17 37 **53**	6 14 **20**
		Континенталь-ные турниры					
	Кол-во голов	Кол-во игр	Кол-во голов	Кол-во игр	Кол-во голов	Кол-во игр	Кол-во голов
		0 **0**	0 **0**	0 **0**	0 **0**	9 **9**	9 **9**
28	**12**	**102**	**50**	**5**	**3**	**631**	**273**

Фотографии



Я – малыш; дома в Абиджане

Мой отец Альберт

Моя мать Клотильда

Занимаюсь рисованием в школе во Франции

Снаружи дома моей тети во Франции с двоюродным братом Кевином и двоюродной сестрой Марлен

Мой дядя Мишель Гоба, тоже футболист

Футбольный клуб «Дюнкерк», моя первая полноценная команда. Мне 10 лет, я стою в заднем ряду

Я играл за клуб «Левалуа» в 1993–1997 гг. Позже они назвали свой стадион «Стад Дидье Дрогба». Большая честь для меня

Играю за «Ле Ман», с которым я подписал мой первый профессиональный контракт в 1999 году, в возрасте 21 года

Тренер «Ле Мана» Марк Вестерлопп, который очень поддерживал меня в мои ранние годы

Я сразу нашел общий язык с тренером «Генгама» Ги Лякомбом и усиленно работал, чтобы оправдать его доверие

С близким другом Флораном Малуда в «Генгаме»

С Хакимом Саки и Лионелем Ба праздную забитый гол в невероятном победном для «Генгама» матче с ПСЖ (3–2) 22 февраля 2003 г.

16 июля 2003 г. После подписания контракта с «Марселем»

Приветствую бывшего одноклубника и друга Блеза Куасси, 2 августа 2003 г. Мой первый матч за «Марсель» был против моего прежнего клуба!

«Марсель» против «Порту», Лига чемпионов, октябрь 2003 г. В тот вечер я впервые встретился с Жозе Моуринью

Главный тренер «Марселя» Ален Перрен сыграл решающую роль в моем переходе в этот клуб

На фоне Марсельского порта

11 марта 2004 г., матч 1/8 финала Кубка УЕФА на стадионе «Энфилд». Первый за 27 лет гол в ворота «Ливерпуля» от французской команды и заодно – мой день рождения

Тренировка с одноклубниками по «Марселю», слева направо: Сильвен Н’Диай, Фабьен Бартез, Лоран Батлес

6 мая 2004 г. Второй матч полуфинала Кубка УЕФА против «Ньюкасла». Тренер Жозе Аниго поздравляет меня со вторым забитым голом

6 мая 2004 г. Болельщики празднуют первый из двух забитых мной голов в матче против «Ньюкасла»

19 мая 2004 г. Вместе с одноклубниками Абдулаем Мейте и Деметриусом Феррейрой оспариваем решение арбитра Пьерлуиджи Коллины удалить Фабьена Бартеза и испортить

таким образом финал

19 мая 2004 г., Гётеборг. Финал Кубка УЕФА против Валенсии. Рефери Пьерлуиджи Коллина удаляет с поля Фабьена Бартеза

19 июля 2004 г. Пресс-конференция, где я заявил об уходе из «Марселя». Справа – президент клуба Кристоф Буше. Очень тяжелый день для меня

Октябрь 2005 г. Встреча с президентом Лораном Гбагбо в честь первого в истории прохождения сборной Кот д'Ивуара в финальную стадию Чемпионата мира

Октябрь 2005 г. Снаружи Президентского дворца в Абиджане с матерью Клотильдой после встречи с президентом

Февраль 2006 г. Четвертьфинал Кубка Африки против Камеруна. Победный удар в серии пенальти

Февраль 2006 г., Каир. Финал Кубка Африки против Египта. Мой бывший одноклубник по «Марселю» Мидо утешает меня после того, как мы проиграли по пенальти

Февраль 2006 г., Кубок Африки. Болельщики в Абиджане празднуют нашу победу над Нигерией в полуфинале

Март 2007 г. В традиционной одежде принимаю премию «Африканский футболист года»

Июнь 2007 г. В гостях у любимой бабушки в окружении родственников

22 июля 2004 г. Подписание контракта с «Челси». Номер 11 был еще занят, поэтому я выбрал 15 – в честь дня рождения моего сына Айзека

Февраль 2005 г., Кардифф, стадион «Миллениум». Победа в финале Кубка лиги против «Ливерпуля». Мой первый трофей за «Челси» и первый в карьере

Это фото не нуждается в комментариях

Июль 2005 г. В Нью-Йорке во время предсезонного тура по США. Слева направо: Вильям Галлас, Клод Макелеле, Шон Райт-Филлипс, я, Жереми, Лассана Диарра, Карлтон Коул

29 апреля 2006 г. Празднование второго к ряду титула чемпионов Премьер-лиги после матча с «Манчестер Юнайтед» на «Стэмфорд Бридж». Слева направо: Вильям Галлас, Эрнан Креспо и Жереми

Октябрь 2006 г. Растяжка во время тренировки на «Камп Ноу» перед матчем Лиги чемпионов против «Барселоны». Сверху – Жозе

Моуринью

С Андреем Шевченко. Для меня было честью играть с таким джентльменом, как Шева

19 мая 2007 г. Финал Кубка Англии против «Манчестер Юнайтед» – первая игра на новом стадионе «Уэмбли». Рукопожатие с принцем Уильямом

Празднуем победу в Кубке Англии 2007 г. с другом и одноклубником Клодом Макелеле

Финал Кубка Англии 2007 г. Первый из многих голов на новом стадионе «Уэмбли»

Финал Кубка Англии 2007 г. Празднуем победу с Майклом Эссьеном

Финал Кубка Англии 2007 г. Владелец «Челси» счастлив, что его команда взяла трофей впервые после того, как он ее купил

Мой подельник! Этот человек всегда мог на меня рассчитывать

21 мая 2008 г., Москва. Финал Лиги чемпионов против «Манчестер Юнайтед». Кошмарный вечер. Этого не должно было случиться

Май 2009 г. Празднование победы в Кубке Англии после матча с «Эвертоном»

Ноябрь 2009 г., с тренером Карло Анчелотти. Его большое участие помогло мне провести свой лучший сезон в «Челси»

25 ноября 2009 г. матч Лиги чемпионов против «Порту». С близким другом Николя Анелька, забившим гол

9 мая 2010 г. Пятый из восьми голов, забитых в матче против «Уигана», победа в котором обеспечила нам титул чемпионов Премьер-лиги

Май 2010 г. Во время нашего победного парада, посвященного победам в Премьер-лиге и Кубке Англии. С Джоном Терри, Фрэнком Лэмпардом и Петром Чехом

Май 2010 г. Моя вторая «Золотая бутса» английской Премьер-лиги. Первую я получил в 2007 г.

Всегда стараюсь выполнять безумные движения на тренировке, чтобы потом использовать их в игре

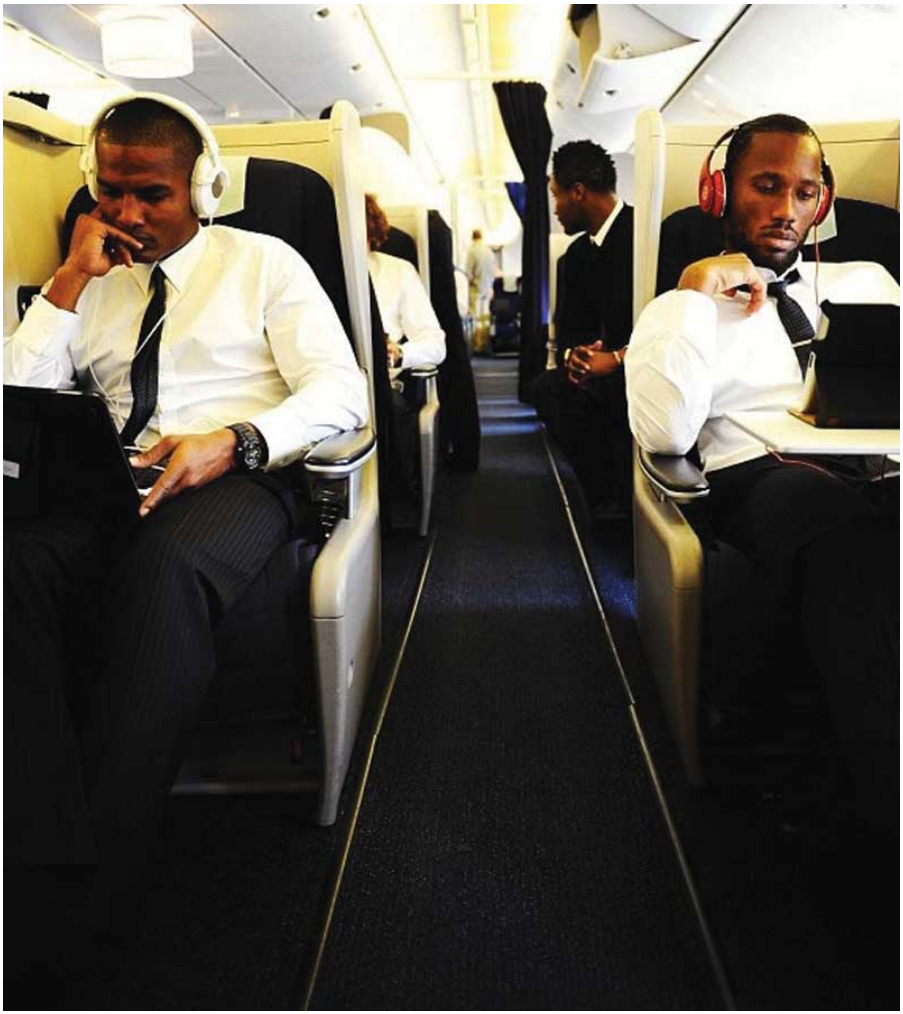
Всегда приятно попасть на обложку журнала, особенно «Вэнити Фэйр». Фотограф – Энни Лейбовиц

4 июня 2010 г. Покидаю поле после столкновения с Танакой из сборной Японии (слева). Боялся, что моей мечте сыграть на Чемпионате мира в Африке пришел конец

После ничейного матча с Португалией в нашей первой игре на Чемпионате мира–2010 в ЮАР

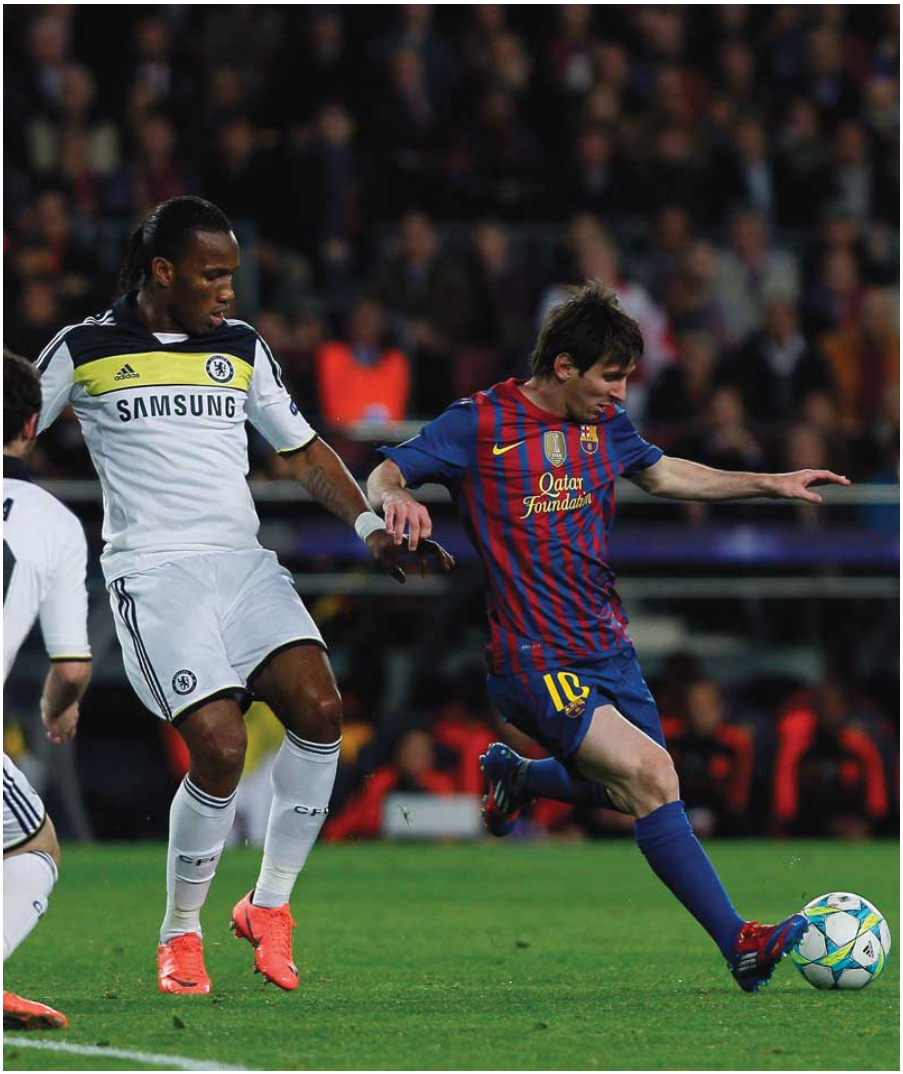
Февраль 2012 г. Кубок Африки. Задний ряд, слева направо: Коло Туре, Жервиньо, Сол Бамба, Яя Туре, Саломон Калу. Передний ряд, слева направо: Бубакар Барри, Сьяка Тьене, Дидье Зокора, я, Жан-Жак Госсо, Шейк Тьоте. Один из лучших составов сборной Кот д'Ивуара, в которых я играл. Мы проиграли турнир, не пропустив ни одного гола

Старая гвардия на пути в Валенсию, на матч Лиги чемпионов



Флоран Малуда и я начинали с самых низов. И вот мы здесь. Это роскошь – иметь такого друга все эти годы

Март 2012 г. Второй матч четвертьфинала Лиги чемпионов против «Наполи». С тренером Роберто Ди Маттео

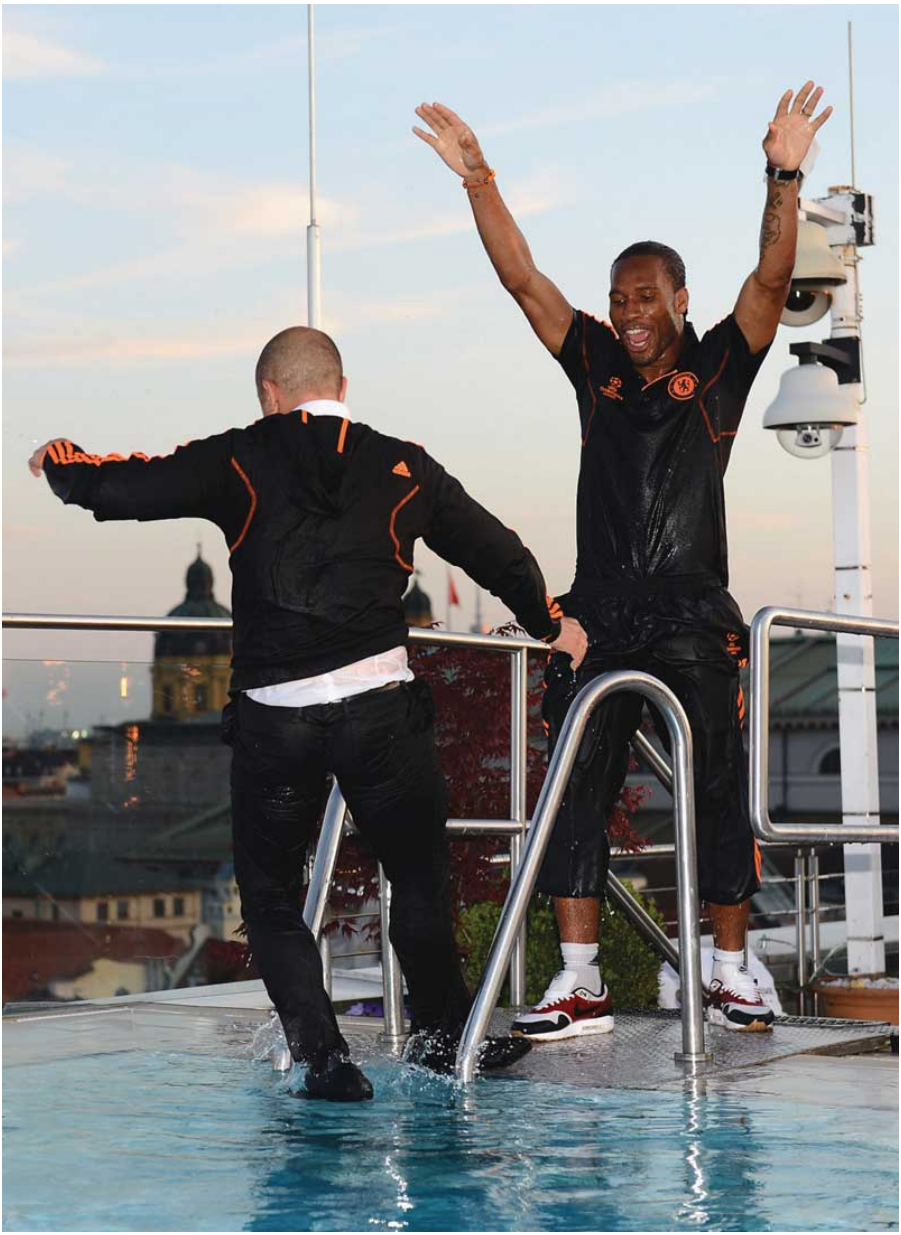


24 апреля 2012 г. Второй матч полуфинала Лиги чемпионов против «Барселоны». Мы играли от всего сердца, чтобы порадовать болельщиков очередным финалом Лиги чемпионов с участием «Челси»

19 мая 2012 г., Мюнхен. Финал Лиги чемпионов против «Баварии». Молюсь во время серии пенальти. Со мной (слева направо): Гари Кэхилл, Эшли Коул, Фернандо Торрес, Флоран Малуда, Джон Оби Микел

В работе саммита «Большой восьмерки» в 2012 г. был сделан специальный перерыв для просмотра серии послематчевых пенальти в финале Лиги чемпионов

С моими братьями после финала в Мюнхене. Наконец-то мы это сделали!



20 мая 2012 г. Празднуем победу до утра

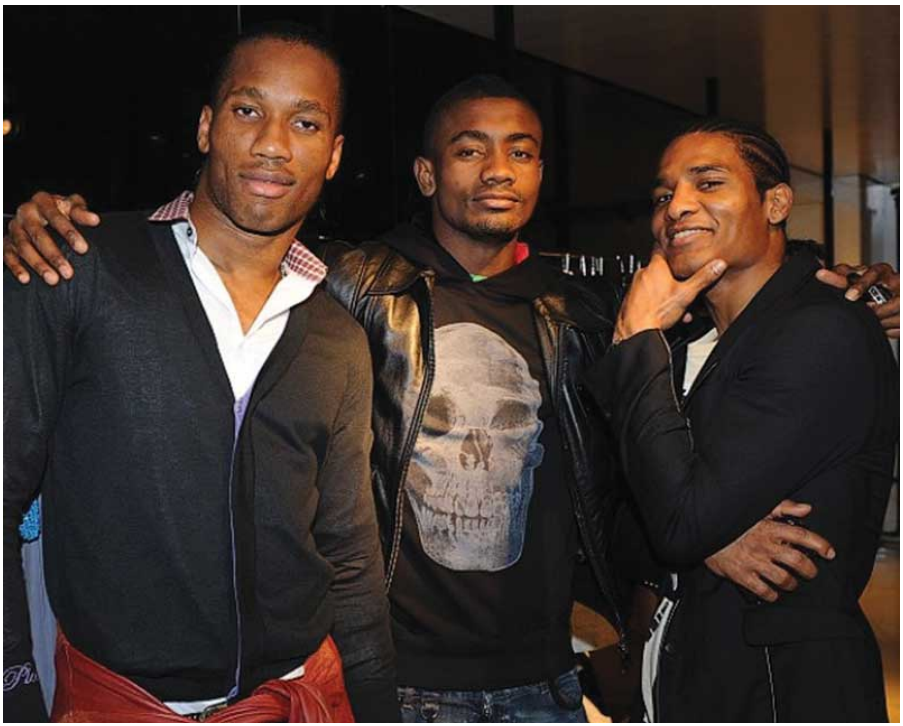
Горжусь своей семьей, горжусь победой в Лиге чемпионов. Я очень счастлив

Моя встреча с Нельсоном Манделой в 2009 г. – предмет особой гордости

С моей прекрасной женой Лаллой на благотворительном ужине

Май 2012 г. Со всеми трофеями, которые я завоевал в «Челси». Слева направо: Кубок Англии, Кубок лиги, Кубок чемпионов, Суперкубок Англии, кубок Премьер-лиги

Я сделал сюрприз всем своим одноклубникам, с которыми выиграл Лигу чемпионов: памятные кольца.



Три мушкетера

Октябрь 2012 г. Счастливые деньки на тренировочной сессии в Шанхае

Май 2013 г. Победа в Суперлиге за «Галатасарай». Этот титул стал 19-м в истории клуба

9 апреля 2013 г. Второй матч четвертьфинала Лиги Чемпионов против «Реал Мадрид». Праздную гол, забитый могучим «галактикос»

Август 2013 г. Держим Суперкубок Турции с Уэсли Снейдером. До этого я забил «Фенербахче» победный гол на 99-й минуте

Март 2014 г. Матч Лиги чемпионов «Галатасарай» – «Челси». Я с сыном Айзеком. Волнительное возвращение на «Стэмфорд Бридж»

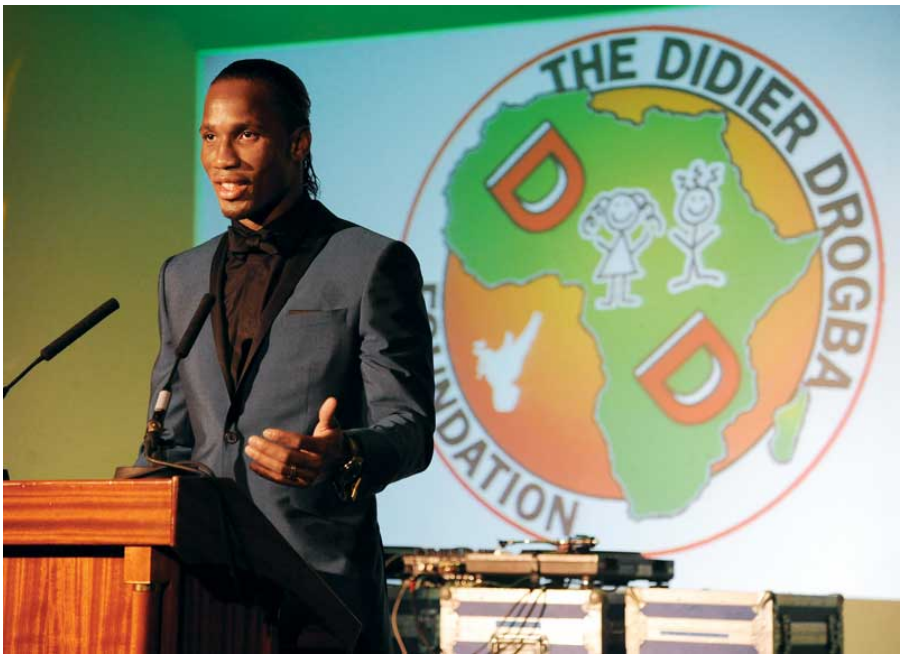
24 мая 2015 г. В качестве капитана веду команду и своих детей на мой последний матч. Петр Чех и Джон Терри (сзади) остались единственными одноклубниками, все еще игравшими за «Челси», которые были в составе 2004 г., когда я пришел в команду

24 мая 2014 г. Матч «Челси» – «Сандерленд». Празднуем очередной титул чемпионов Англии, мой четвертый в «Челси»

Январь 2007 г., Женева. Я согласился стать послом доброй воли Программы развития ООН

С моим юным другом Нобелом в 2009 г. Он вдохновил меня на создание Фонда Дидье Дрогба

Декабрь 2011 г., Гамбург. На благотворительном «матче против бедности» в рамках Программы развития ООН с Зинедином Зиданом, Роналдо и Фабьеном Бартезом



Март 2012 г. Речь на одном из благотворительных ужинов, организованных моим фондом

Март 2012 г. С моими одноклубниками на благотворительном ужине моего фонда. Слева направо: Рауль Мейрелеш, Ромелу Лукаку, я, Саломон Калу и Жозе Бозингва

Июль 2015 г. Теплый прием в аэропорту Монреаля

Один из самых трогательных моментов в работе фонда: рождественский праздник для детей

Самое прекрасное и важное достижение в моей жизни: клиника в Абиджане

notes

Примечания

1

Возрастной состав – до 16 лет (*здесь и далее прим. пер.*).

2

Возрастной состав – до 17 лет.

3

По-видимому, Дидье Дрогба так привык к английской системе мер, что и свои премиальные во Франции автоматически пересчитывает в фунты стерлингов.

4

«Лига 1» – высший дивизион системы футбольных лиг Франции.

5

Вершиной карьеры Диуфа стал пост президента марсельского «Олимпика» (2005–2009).

6

Полное название клуба – «Олимпик Марсель» (*фр.* «Olympique de Marseille»).

7

Тайнсайд – городская агломерация с центром в г. Ньюкасл.

8

В английском языке использованный в данном случае глагол «to dive» одновременно означает «делать рывок» и «нырять» (симулировать падение), поэтому Дидье Дрогба, не поняв ситуативного смысла вопроса, ответил на него утвердительно, имея в виду как раз то, что он «иногда делает рывки».

9

«Золотая бутса» – футбольная награда, вручаемая ежегодно лучшему бомбардиру национальных чемпионатов стран, входящих в УЕФА.

10

Речь идет об авиакатастрофе, произошедшей 6 февраля 1958 года в Мюнхенском аэропорту, когда авиалайнер «Ambassador» британской авиакомпании British European Airways, совершавший рейс Белград – Мюнхен – Манчестер, разбился после третьей попытки взлета. На его борту находились игроки английского футбольного клуба «Манчестер Юнайтед», а также несколько тренеров, болельщиков и журналистов; всего погибло 23 человека из 44 находившихся на борту.

11

«День подарков» – второй день Рождества.

12

Кубок Эмирейтс – ежегодный клубный турнир, организуемый авиакомпанией «Эмирейтс» (ОАЭ); длится два дня и проводится на домашнем поле клуба «Арсенал».

13

Настоящее имя – Мелани Жоржиад.

14

Настоящее имя – Пол Дэвид Хьюсон, ирландский рок-музыкант, вокалист рок-группы «U-2».